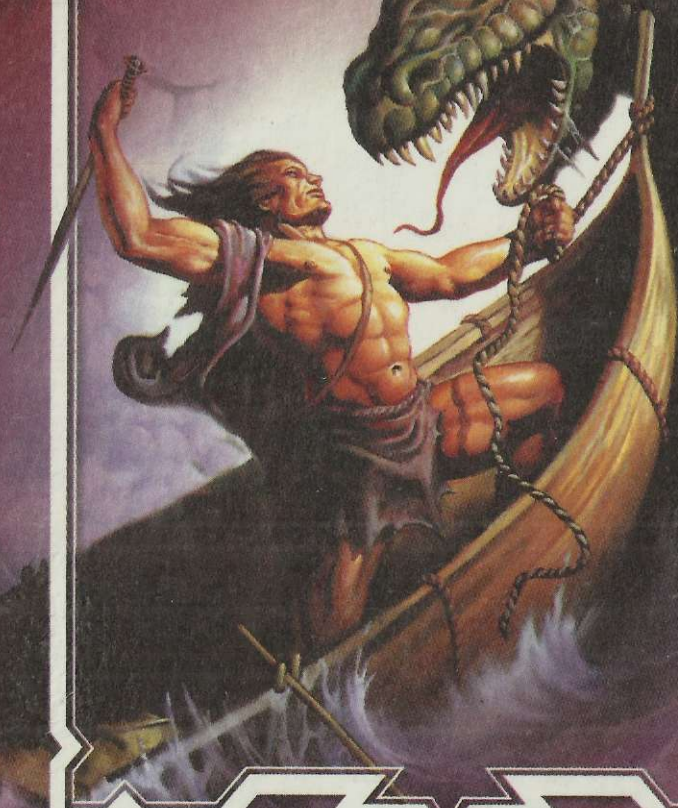

ЭКСА

КУЛЛ И ТЕНИ АТЛАНТИДЫ

САГА О КУЛЛЕ

ЕКА

КУЛЛ
И
ТЕНИ
АТЛАНТИДЫ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС"
2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 90

*Серия основана в 1997 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 90

Кулл и тени Атлантиды: Роман.—СПб.,
«Северо-Запад Пресс», 2000.— 416 с.
ISBN 5-93698-003-0

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1986
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1997
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

ISBN 5-93698-003-0

Пролог

Ночь была душной и жаркой. Даже здесь, в покоях владыки Кхешии, выходявших на открытую террасу, горячий воздух оставался неподвижным, так что оранжевые язычки пламени в светильниках казались застывшими сгустками света.

— В пророчестве говорится о варваре с северного острова,— тихо лился голос сидевшего на резной скамеечке кхешийца в жреческом плаще. Капюшон скрывал его лицо.— Варвар придет сюда, сравняет с землей капища Ложного бога, а тех, кто служит ему, предаст смерти...

— Я знаком с этим пророчеством, брат,— нетерпеливо перебил его Сенахт.

Правитель кхешийских земель сидел в кресле прямо, не касаясь высокой спинки. Он был так же неподвижен, как и головы львов, украшавшие выточенные из желтой слоновой кости подлокотники. Огромные драгоценные камни в глазницах зверей мягко мерцали.

— Боги изрекли нам свою волю через преданных и верных слуг, тому нынче будет одиннадцать зим, три луны и еще четырнадцать дней. Ты видишь, я веду им счет! Ровно столько прошло с того мига, как кровь жертвенных дев оросила синий камень алтаря Всевидающей Нут, и отверзлись уста ослепленного оракула. Предзнаменование о варваре из холодных северных краев, где никогда не бывал ни один из наших подданных. Никто в Кхешии даже не слышал этих названий, до тех пор, пока...

Правитель говорил, словно в трансе, роняя слова, давно известные и ему, и жрецу. Но мысли его были далеко. Перед внутренним взором его вновь встала ночь в храме богини Нут, когда пророчествовал незрячий жрец. День, когда в сердце правителя впервые зажглась искра надежды.

— Мы слишком долго были рабами. Великий Змей, этот проклятый братоубийца, опутал нас своими удушающими кольцами, и мы не сумели воспротивиться его власти. Как горько сознавать, что лишь ценой иноземного нашествия, ценой гибели тысяч и тысяч невинных сумеем мы сбросить иго темного бога! Воистину, проклята наша земля и проклят я, ее слабый властитель!

Сенахт уронил голову на грудь, сдавил тонкими пальцами виски. Человек, сидевший перед ним, взирал на владыку с болью и состраданием.

— Выслушай меня, брат,— торопливо заговорил жрец.— Не твоя вина, что все произошло именно так. Служители Черного Сатха пришли в нашу страну, когда на троне еще сидел Эрханахт, наш

отец, да будет вечный сон его сладок и безмятежен в стране мертвых, и да не узнают три души его ни мига страданий и горя!.. Он был стар и болен, ты же помнишь. Мы пытались предупредить его, что под видом лекарей он допустил к трону изменников, но правитель слишком сильно желал верить в чудо. Целители из далеких восточных краев казались ему всемогущими волшебниками. Его счастье, что он не успел узреть собственными глазами всю степень их низости и предательства.

Сенахт тяжело вздохнул.

— Да! Его счастье. Эрханахт, будь он стократ благословенен в Полях Услады, не видел, как горят храмы Истинного бога, подожженные факелами змееликих. Как льется кровь служителей Усира, как чешуйчатые лапы вырывают их трепещущие сердца, разрывая когтями плоть. Но, брат, я должен был, должен был сделать хоть что-то! Я должен был этому помешать!

Жрец понурился. Ему еще меньше чем правителю доставляли радость эти тяжкие воспоминания. Как часто за эти годы он предавался горестным раздумьям, повторяя себе, что лучше бы им с братом было умереть в те дни пепла и крови. Тогда, по крайней мере, их души обрели бы успокоение, и их не терзали бы днем за днем ужасные картины реальности.

Им не нужно было бы видеть, как надругались над некогда цветущей Кхешией служители Черного Змея, как разорили они этот прекрасный край, подвергли унижениям его некогда гордых и свободолюбивых жителей...

— Но нас никто не поддержал. Ты помнишь? Ни твои советники, ни военачальники, ни придворные, эти проклятые напыщенные ничтожества, озабоченные лишь тем, как скорее набить свои сокровищницы! Проклятые змеелюди подкупили их всех. Сладкими обещаниями и посулами. Золотом. Лестью. Кого-то подчинили угрозами. Других — обманом. На нашей стороне остались лишь единицы. И тогда тебе пришлось сделать выбор. Помнишь?

Еще бы! Не было дня, чтобы Сенахт не воскресал в памяти тот день, не терзался сомнениями, правильно ли он поступил.

Соршан, главный жрец змеелюдей, явился к нему тогда. К робкому, хрупкому юноше, в неполные шестнадцать зим ставшему, после смерти отца, повелителем огромной страны.

“Правитель, — сказал ему тогда змееликий, и в устах его этот титул звучал насмешкой. — Правитель, сегодня я ухожу. Мой владыка прислал весть, что ждет нас в Запретном городе. Мы нужны ему там, на Востоке, ибо некая страшная угроза нависла над нашим краем. Со мною уходят все наши воины и жрецы.”

При этих словах змееголового надежда вспыхнула в сердце юного правителя. Если проклятые демоны покинут Кхешию, значит, он сможет вновь восстановить прежний порядок в стране, разрушить капища Черного бога. Все станет как прежде, как при отце! Он готов был закричать от счастья. Но злобный смех змееголового погасил его радость. Тот словно читал его мысли!

“Нет, глупец, не надейся! — зашипел змеечеловек. — Ничто не кончено. Наоборот, для тебя все лишь начинается. Ты думаешь, тебе удастся прогнать Истинного бога и вернуть этого вашего жалкого идола, Усира?! Забудь об этом! Усир мертв! Великий Змей убил его. И если завтра ты выйдешь на площадь и объявишь людям, что они вновь должны поклониться Поверженному — они первыми разорвут тебя в клочья!”

Он жжет, сказал себе в этот миг Сенахт. Но пусть его. Завтра они уйдут из Кхешии, вернуться в ту черную дыру, откуда выползли однажды, и я сделаю все, что должен! Я сумею возродить погрязшие храмы наших богов, уничтоженные жрецами Сатха. И никогда больше проклятые змееголовые не переступят границ нашей страны! Он готов отдать ради этого жизнь!

Однако слугитель Змея вновь засмеялся.

“Как ты наивен и глуп, юнец! Неужто ты думаешь, мы для того столько старались, чтобы так просто отдать все, чего достигли?! Нет, мы уходим, но Великий Сатх останется здесь господином! Ибо именно в этих песках крайнего Юга его истинная родина, здесь он сильнее всего, и пока он властвует в Кхешии, сила его будет шириться по всему миру. Так неужели ты веришь, что мы способны отказаться от такого владычества добровольно?”

Но что они сделают? Юноша не находил ответа. Однако страх уже сковал его душу в ледяных объятиях. Он предчувствовал, что жрецы Змея задумали нечто совершенно ужасное, чтобы заставить его покориться.

“Будь проклят этот Кулл, из-за которого нам приходится бросать здесь все на середине,— прошипел змееголовый.— Если бы он не ворвался в святая святых нашей империи на Востоке, мне не пришлось бы возвращаться!.. Однако я успел сделать все, что необходимо. Южный трон Сатха прочен и надежен. И именно ты, глупый юнец, будешь следить, чтобы он таким и оставался. Ты станешь опорой Великого Змея!”

Ненавистный жрец внушал молодому правителю смертельный ужас, однако он все же нашел в себе силы выдать: “Никогда! Лучше я умру!”

Но ответом ему был лишь издевательский хохот.

“Не умрешь. Не надейся. Ибо с помощью Великого Сатха, да будет благословенно каждое из его Колец, я наложил заклятие на тебя, на твой род и на всю вашу страну. Хочешь узнать какое?”

Нет, нет, хотелось крикнуть Сенахту. Как будто, если он откажется выслушать жреца, то ужасные слова его так и не воплотятся в реальность, не оденутся плотью. Но юноша понимал, что упрямство его ничего не изменит. Он должен был узнать, что задумал змееголовый.

“Говори”,— промолвил он как мог твердо.

“Так слушай же! Отныне сила Черного Сатха, его кровь и дыхание станут опорой Кхешии. Прежде этот слабак Усир держал вашу землю, но отныне он мертв, и брат занял место, принадлежащее ему по праву. И теперь любому из вас, жителей Кхешии, кто хоть словом, хоть делом восстанет против Сатха, грозит немедленная и ужасная гибель.

Ибо Змей всеведущ, вас всех, жалкие людишки, он сжимает в своих объятиях. И стоит вам хоть слегка разозлить его, вызвать гнев вашего божества, и он раздавит вас!”

Но это было еще не все. Замысел змееголовых был куда коварнее. Они опутали всю страну страшной силой заклятием.

Отныне каждый житель Кхешии нес ответ за других. И если какой-нибудь жалкий раб или слуга отвечал лишь за свои собственные речи и поступки, то чем более высокое положение занимал человек, тем шире был круг тех, кто полагался на него.

Если бы злоумышлять против Сатха вздумал вельможа, погибла бы вся его семья и челядь. Если бы то был военачальник, гибель ждала его отряд. Ну а если бы это оказался правитель страны

“Их всех ждет гибель, всех,— шипел злорадно змееголовый.— Если ты, мальчишка, хотя бы взглянешь на Змея без должной почтительности — вам всем придет конец! Страшные кары обрушатся на твою страну, на всех, кто тебе дорог и кого ты любишь. Огонь с небес прольется на пашни, воды рек поднимутся и затопят города. Дети будут пухнуть с голода, плоть людскую покроют страшные язвы. Вот что ждет вас, стоит тебе пойти против Истинного Бога! Помни об этом, раб Сатха!”

Именно в тот день правитель, которого доселе звали Энусир, волею змееголового и принял имя Сенахт, что означало “последний из рабов Сатха”. Теперь никто больше не помнил его прежнего имени. Никто, даже он сам.

— Я помню все, брат,— прошептал он наконец, прерывая тягостное молчание.— Каждое из этих воспоминаний, подобно капле яда, точит мое сердце, но я заставляю себя вызывать эти картины в памяти каждый день. Такова моя кара за то, что я предал свою страну.

— Даже если бы мы оба погибли в тот день, это ничего бы не изменило,— возразил на это жрец.— Поверь, мы сделали все, что могли. Никто не осудит нас за это.

— Кроме нас самих

— О, да. Кроме нас самих.

Оба вздохнули. Тяжкими были воспоминания о том, что довелось пережить им обоим, и еще более горестными были мысли о том, что им еще предстояло. Многие называли бы это предательством

Но будет ли изменой пожертвовать малой частью, чтобы добиться большего? Сенахт не знал ответа.

Вообще, за эти годы, что он провел на троне, многое изменилось. Уже не робкий порывистый юнец, но умудренный опытом государственный муж правил теперь Кхешией.

Многое стало проще, понятнее... и все же порой он жалел об утраченной наивности и пылости отрочества. Тогда он четко знал, где добро, а где зло и готов был жизнь положить, чтобы разделить одно от другого.

Теперь он все чаще терзался сомнениями. Но тревоги его были таковы, что лишь с самыми близкими людьми осмеливался он поделиться ими.

— Этот варвар с севера — молвил он задумчиво.— Не станет ли он для Кхешии еще горшим злом, чем змеелюди? С Черным Сатхом мы еще хоть как-то приспособились. Особенно, когда сами змееголовые ушли из наших пределов, жить стало проще. Но теперь нам грозит новое нашествие. Не получится ли как в той сказке, когда человек, чтобы затушить пламя в очаге, призвал на свой дом воды Потопа? Я боюсь, брат. Боюсь не за себя, что замыслил измену. Но судьба моей страны внушает мне страх.

Он знал, что брат поймет его опасения. Слишком много скрытых опасностей подстерегало их на избранном пути.

По счастью, с тех самых пор, одиннадцать зим назад, когда оракул богини Нут изрек свое пророчество, чары, наложенные жрецом Сатха на Кхешию, немного ослабли. Как видно, предсказание было истинным, и путы его сковывали даже мощь Змея. Для тех, кто знал о прорицании, стало возможным хотя бы говорить вслух о свержении власти Сатха, не опасаясь немедленной гибели для себя и всех своих близких.

На большее сам правитель пока не осмеливался. Слишком велика была ответственность, лежащая на его плечах. Ведь, стоит ему позволить себе лишнее, и опасность грозит всем кхешийцам, его подданным! Но его брат-жрец был свободнее в речах и поступках. Ведь он был совсем один на свете. Ни жены, ни детей... он не отвечал ни за кого, кроме себя самого. Пред оком грозного бога он был меньше самой малой пылинки

— Наши страхи сейчас мало что решают, — проговорил наконец слуга забытого бога. — Вспомни, брат мой, о чем я говорил тебе. Боги суть океан, в котором плаваем мы, ничтожные смертные рыбешки. Каждое божество, его воля и желание — это течение в океане. Если ты попробуешь пойти против него, тебя ждет гибель. Но если попадешь в самое сердце нового течения — то кто знает, как далеко оно сможет тебя унести?!

— И пророчество Нут как раз и есть такое течение? Оно оберегает нас от гнева Сатха?

— Именно так. Пока мы делаем то, что угодно истинным богам нашей земли, нам не грозит ярость Черного Змея!

— Но это означает, что мы должны склониться перед захватчиками с севера! Как могут наши боги желать такой участи для славной Кхешии?!

Жрец покачал головой.

— Не терзай меня вопросами, на которые я не ведаю ответа, дорогой брат! Возможно, мы неверно понимаем волю богов, ибо разве могут смертные проникнуть в сокровенную глубину замыслов небожителей? Возможно, скоро что-то изменится, и нам станет ясен дальнейший путь. Кто знает? Нам следует быть осторожными и попытаться не делать ничего такого, что могло бы поставить наши планы под угрозу.

— Но что же ждет нас теперь?

Тревога владела правителем, как ни старался он гнать прочь эти мысли. И он искренне завидовал своему брату, который, горячо веруя в Поверженного бога, казалось, не испытывал тягостных

сомнений. Жрецу был ясен его путь. И голос, когда он заговорил, звучал четко и уверенно:

— Близятся указанные сроки, и варвар с северного острова уже стоит у границ страны. Фарсун и Камелия согнулись под его властью. Ему осталось лишь пересечь Реку Предков, великий Таис, и он в Кхешии. Все свершится на наших глазах. Осталось недолго.

Он поклонился и замолчал.

— Продолжай, брат, — велел жрецу Сенахт.

— Имя варвара — Кулл. Сдается мне, это тот самый человек, о ком говорил тогда змееголовый. Тот самый, что вторгся в Запретный Город, далеко на востоке, за Стагусом, и заставил владыку змеелюдей спешно отозвать своих посланцев со всего света. Так что именно этому варвару мы обязаны своим спасением!

Ничто не дрогнуло в лице Сенахта, лишь глаза засветились ярче в ровном свете стоявшего у кресла светильника.

— Кулл привел сильную армию. Он собрал и великолепные корабли. Его флот уже стоит в низовьях Таиса... Говорят, валузийский король вот-вот вторгнется в Кхешию.

— Я много слышал о Кулле, ты прав, это тот самый человек, — отозвался владыка и после паузы спросил: — Значит, все же будет война? Ты уверен?

— Да, брат.

— Значит, прольется кровь моего народа...

— Боюсь, это неизбежно. Позволь, брат, я все-таки расскажу тебе о Кулле все, что мне стало из-

вестно. Возможно, мы сумеем понять, тот ли он, о ком говорится в пророчестве.

— Говори, Усирзес.

— В моем сердце живет надежда. Кулл — враг Черного Логова, этого тайного братства колдунов. Если военная удача будет на его стороне, валузийский король уничтожит культ Сатха, разрушит капища. И тогда Истинный бог вернется к нам.

— Как бы хотелось поверить в это, брат... — тихо сказал владыка. — Если Кулл — именно тот, о ком говорится в пророчестве, то дни Великого праздника близки. Нет справедливее и милостивее Истинного бога, того, что ныне в забвении.

Он поднялся с кресла, пересек зал и остановился у открытого окна, за которым, точно полог, висела бархатная тьма, пронизанная тысячами ярких звезд. Высокие башни Ханнура упирались в ночное небо.

— Я принял решение, — заговорил наконец Сенахт, оборачиваясь. — Цена ошибки велика, но не это страшит меня. Лучше умереть с именем Истинного бога на устах, чем жить, поклоняясь богу Ложному — богу, убившему брата... Слушай меня, сын Усира. Когда армия Кулла перейдет границу Кхешии...

Неслышно ступая по каменным плитам, владыка долго что-то говорил жрецу. Его тень, заслоня древние росписи, скользила по стенам. Фитили в светильниках потрескивали в такт шагам...

Глава первая

а рассвете первый луч восходящего солнца позолотил воды вечного Таиса, предвещая еще один благодатный день. Золотая Кхешия — страна, храняемая древними богами, — раскинулась в долине могучей реки, к югу от Фарсуна и Камелии.

Мягкий климат, плодородная почва, богатый животный и растительный мир делали ее поистине божественным краем, населенным трудолюбивым народом, которым управляли мудрые владыки и непреклонные в вере жрецы. Кхешия со своими странными обычаями и обрядами, непонятными и наводящими ужас на соседей, за долгую историю скопила несметные сокровища, и немало завоевателей нашли на этой земле бесславный конец.

Эта страна, позолоченная первыми лучами солнца, лежала ныне перед непобедимой армией короля Валузии, накануне вечером ставшей лагерем у подножия безымянного холма, на границе между

Фарсуном и Кхешией. Сейчас, ранним утром, здесь стояла тишина, нарушаемая только переключкой дозорных.

Скоро лагерь начнет просыпаться. Завьются дымки от костров под походными котлами, на вертелах будут жариться туши, распространяя вокруг чудесный аромат, послышится топот табунов — это пригонят с ночного пастбища боевых коней. Наконец трубач протрубит зарю, и проснувшийся лагерь засуетится, как большой растревоженный муравейник. Послышатся разговоры воинов, приводящих себя в порядок после сна, выкрики десятников, пытающихся построить воинов на завтрак. Сотники проведут переключку, придирчиво осматривая строй и, если надо, тут же наказывая нерадивых. Потом воины свернут палатки, конники оседлают лошадей. Тысячники, выслушав доклады сотников, прикажут строиться для выступления, формируя походную колонну в определенном заранее порядке. В это время король проведет совет с военачальниками и советниками и определит дальнейший путь войска. Затем вестовые объедут колонну и сообщат командирам приказы короля.

Король, блистая доспехами, проведет смотр войск: После этого жрецы принесут жертвы богам, моля их о победе. И тогда король даст сигнал выступать. Застывшая колонна придет в движение. С гиканьем пронесутся конные разъезды — глаза и уши наступающей армии. Скорым маршем выступит передовой отряд, который быстро оторвется от главных сил. Возглавит основные силы

король со своими советниками и телохранителями. Следом жрецы понесут паланкин со Щитом Хотата — талисманом, главным сокровищем Валузии, а за ними стройной колонной двинется войско. Последними тронутся обоз и боевая стража.

Пройдет совсем немного времени — и лагерь опустеет. Останутся ров, частокол и кучи мусора — следы пребывания человека. Только шакалы — священные животные бога Инпу, вечно снующие по кладбищам, разрывающие могилы, чтобы души умерших, проводниками которых они служат, могли попасть в подземное царство, — проводят уходящую армию. Они знают: теперь лагерь достанется им.

* * *

В это утро король проснулся очень рано: ему снились тревожные сны. В шатре стоял полумрак, сквозь ткань просвечивали воткнутые снаружи в землю факелы.

Как только армия выступила из Валузии в поход против Кхешии, его начали преследовать по ночам кошмары.

Он поведал об этом жрецам Валки, и те определили кхешийское колдовство, подтвердив тем самым подозрения короля: за свою долгую жизнь он научился безошибочно угадывать магию, направленную против него.

Жрецы вручили ему талисман, оберегающий сон, и кошмары сменились тревожными снами, но король, привыкший к постоянной опасности, не придавал им особого значения.

Рядом, не просыпаясь, шевельнулась Иссария, устраиваясь поудобнее. Король окинул взглядом шатер: большую часть пространства занимала походная постель с потухшей жаровней в ногах, справа стояли столик с зеркалом, заставленный женскими безделушками, и несколько кресел, слева — сундук с гардеробом.

Незадолго до сигнала зари его должны были разбудить, но Кулл, не дожидаясь этого, решил подышать свежим воздухом. Он осторожно поднялся с постели и, одеваясь, бросил взгляд на безмятежно спящую Иссарию. Правильно, что он взял ее с собой, ведь здесь, под охраной армии, она в полной безопасности...

Впрочем, дело не только в этом.

Атлант задержался у выхода из шатра, пристально глядя на светловолосую девушку. Неужели он наконец отыскал ее, ту единственную, которая суждена была королю самими богами? Неужели это случилось?

Кул хотел и не хотел верить в это. Жизнь приучила его не доверять женщинам. Почему-то судьба каждый раз поворачивала так, что, стоило ему увлечься какой-нибудь красавицей, беспощадный рок тут же обрушивался на Кулла.

Либо ужасная смерть поджидала саму возлюбленную варвара, либо король узнавал, что она таила недобрые замыслы и плела интриги против него. Как бы то ни было, но редкая связь с женщиной у Кулла длилась дольше одной ночи. И после каждой из них недоверие к женщинам у него становилось все сильнее, пока наконец атлант не ре-

шил окончательно, что слабый пол не для него. Возможно, другие люди созданы для любовных утех и радостей семейного очага, но не он.

Ему, Куллу, судьба назначила уделом лишь боевой топор, войну, кровь, огонь и вино. Ни покой, ни простые радости жизни не суждены ему на жизненном пути. В этом была горечь, но такова истина, и со временем король признал ее и смирился.

Правда, советники, особенно верный Ту, все чаще стали донимать его вопросами о наследнике. Их тревожило, что властитель уже немолод, и никто не знает, кому достанется корона после его смерти.

— Не сочти мои слова за дерзость, повелитель,— повторял ему Ту,— однако даже ты, самый сильный и стойкий из мужей Валузии, не вечен. Рано или поздно ты оставишь нас. На кого же ты бросишь трон, с таким трудом завоеванный тобою и удержанный ценой крови?! Неужто ты допустишь, чтобы после твоей смерти все пошло прахом, чтобы достижения твои попрали тупые, властолюбивые потомки этого выроodka Броны? Кулл, ради этого ли ты жил?!

Атланту больно было слушать такие речи. Но он ничего не мог с собой поделать. Друзья не понимали его колебаний.

— Что за глупости, клянусь Валкой! — воскликнул однажды Ка-Ну, разгоряченный чаркой доброго вина. — Никак не могу взять в толк, Кулл, из-за чего столько проблем! Они хотят наследника? Ну так дай им его! Разве мало женщин вокруг,

готовых все отдать за одну только ночь с королем? А уж за шанс зачать от него сына они и вовсе продадут мать и отца!

— Но я не желаю, чтобы матерью наследника стала женщина такого сорта, как ты этого не можешь понять?! — возмутился на это Кулл. — Ведь речь идет не просто о сыне, а о будущем правителе Валузии! Разве можно с такой легкостью подходить к такому важному вопросу?

— Бр-р, — комично передернул плечами Брул Копьебой, также присутствовавший на дружеской пирушке, — Брат мой Кулл, скажу тебе прямо, ты стал до того серьезен, еще хуже, чем старина Ту. Скоро нам совсем житья не станет от твоих наравоучений!

— Говорите что хотите. — Атлант почувствовал себя задетым. — Но что-то я пока не видел, чтобы хоть одна красотка кого-то из вас заставила пойти с ней в храм и принести все положенные клятвы богам перед брачным алтарем. Стало быть, и для вас это кое что да значит!

— Мы — дело другое, — возразил Ка-Ну. Пиктский посланник, славившийся своей любовью к прекрасному полу, до сих пор не нашел ни одной девушки, что удержала бы его внимание дольше, чем на вечер. — От нас никто не ждет наследников. А если и бегают какие на заднем дворе... Так кому до этого дело?! — Оба пикта расхохотались. — Но ты, Кулл, если и дальше будешь тянуть с этим, то серьезно настроишь против себя народ. Проклятые аристократы и без того мутят воду, ты сам знаешь этих прихвостней, для них день без разгово-

ров и интриг — это день, прожитый впустую! А народу много ли надо для волнений? Слушок-другой, и они уже заволновались

К словам друга следовало прислушаться повнимательнее, атлант это знал. У Ка-Ну была лучшая сеть осведомителей в столице, даже королевские соглядатаи не могли с ней сравниться. Пикт первым узнавал все новости, и лишь благодаря ему зачастую королю удавалось избежать многих покушений.

Значит, уж если пикт говорит, что дело серьезное, стало быть, так оно и есть.

— Но ведь я еще не дряхлый старец! — возмутился атлант. — Разве сорок зим — это возраст для мужчины?

— Конечно, нет, — поддержал друга Брул. — Но дело не в этом. Тебя, в конце концов, никто не просит представить наследника завтра же. Найди себе какую-нибудь смазливую вертихвостку, объяви королевой, да и дело сделано. Никто к тебе в спальню заглядывать не станет

Копьебой говорил резко, но верно. Однако что-то в этом плане претило прямой натуре атланта. Он ненавидел лукавство, всякие хитрости и уловки. А уж самая мысль о том, чтобы ввести во дворец, посадить рядом с собой, объявить королевой женщину, к которой он не будет испытывать никаких чувств... Его охватывало отвращение, стоило лишь подумать об этом.

Но как же тогда поступить?

— Очень просто, — дал совет всезнающий Брул. — Влюбись.

Но это было еще сложнее. Пару раз в жизни Куллу казалось, что он влюблен, но каждый раз все оказывалось впустую. Судьба упорно не желала даровать ему счастья. А может, это просто сам атлант не был способен на глубокое, искреннее чувство? Его душа любила только войну, сражения и битвы... Женщины, казалось Куллу, лишь отвлекают мужчину от его истинного предназначения.

— Стоит человеку увлечься сверкающими глазами и пухлыми губками — все, он пропал! — жаловался атлант друзьям. — Мне не нужна такая подруга, что будет целыми днями прихорашиваться, да плясать на балах или стонать в спальне. Мне нужна...

Он задумался, не зная как продолжить.

Какая женщина ему нужна, в самом деле?

— Чтобы ругалась, как стражник, пила вино и метала нож из-за спины? — засмеялся Ка-Ну. — Нет уж, друг мой Кулл, не знаю как тебе, а мне бы с такой в постель лечь не захотелось. Женщины и мужчины — существа разной породы. Их сами боги для разного предназначили, и не нам с этим спорить. Мужчина пусть будет груб, любит подраться, да побуянить. А жена пусть сидит смирно дома, утирает носы детишкам, да варит похлебку. А когда муж домой явится, пусть кланяется смиренно, да с поклоном ему еду подносит.

Атлант нахмурился. Все, вроде, верно было в словах пикта, однако... Кто как, но про себя он знал точно: ему к такой женщине спешить домой бы не хотелось.

Однако все красавицы, которых он видел вокруг себя, были именно таковы. Вертихвостки и кокетки в юности, они думали только о танцах и нарядах, да о том, чтобы увлечь как можно больше поклонников. Но стоило им выйти замуж — тотчас же превращались в скучных, уверенных в себе матрон, занятых лишь хозяйством, да детишками. Ни в первой, ни во второй своей ипостаси эти женщины не вызывали у короля и тени интереса. Так неужели с одной из них ему вскоре придется все же связать свою судьбу. О, Валка, убереги от страшной участи!

Все изменила случайность. Иссария вошла в его жизнь.

Надолго ли? Кулл не мог этого знать. И все же...

Застегивая пояс с оружием, он насторожился: у входа в шатер послышалась какая-то возня. Этот шум мгновенно отвлек атланта от мыслей и воспоминаний, вырвал его из задумчивости.

Король, не раздумывая, выхватил меч и выскок наружу. В свете факелов два дюжих телохранителя навалились на человека в одежде жреца, который делал отчаянные попытки освободиться и шептал что-то на кхешийском языке. Спустя мгновение связанный человек лежал на земле. Стражники встали рядом, ожидая приказаний.

«Молодцы, хорошо работали», — подумал король.

— Что случилось? — тихо спросил он, опуская меч.

— Мой господин...

— Говори тише, не разбуди Иссарию.

— Мой господин,— шепотом повторил стражник,— этот человек хотел проникнуть в шатер.

— Как он попал в лагерь?

— Не знаю, но нас предупредили о его появлении.

— Пошлите за Келкором.

— Я уже здесь, мой король,— раздался из темноты тихий голос.

На свет вышел Келкор — друг и поверенный короля, командир Алых Стражей, личных телохранителей Кулла. С ним пришли несколько воинов.

— Мой король,— сказал Келкор, склоняясь перед королем,— нас предупредил часовой, ему почудилась какая-то тень, скользнувшая в лагерь. Я предупредил твою охрану.

— Хорошо. У него могут быть сообщники, проверь лагерь.

— Уже проверяют. А с этим что делать?

Кулл посмотрел на лежащего кхешийца:

— Поставьте его на ноги.

Телохранители немедленно выполнили приказ.

Кхешиец поднял глаза. Перед ним стоял высокий человек, уже встретивший свою сороковую зиму. Прожитые годы тронули сединой его волосы и морщинами — лицо.

На кхешийца смотрели холодные серые глаза, горевшие внутренним огнем. Высокий лоб, широкие скулы с аккуратно подстриженной бородой, прямой нос и крепко сжатые губы выдавали человека, привыкшего повелевать.

Мускулистая фигура излучала силу и здоровье. Мощные руки, уверенно державшие меч, и шра-

мы, полученные в многочисленных походах, изобличали опытного бойца. Ошибки быть не могло — перед кхешийцем стоял легендарный Кулл, король Валузии.

Кхешиец сделал попытку поклониться, но этому помешали державшие его телохранители.

— Говори, кто ты такой и зачем тебе понадобился я? — по-кхешийски спросил Кулл.

— О, господин, меня зовут Усирзес, и я пришел один, мне надо с тобой поговорить,— ответил кхешиец по-валузийски.

Король внимательно пригляделся к непрощенному гостю. Это был невысокий человек, явно ученый. Смуглое худое лицо, нос с горбинкой, тонкие губы и впалые щеки — он походил на обыкновенного кхешийца, но выразительные черные глаза излучали глубокий ум. Он располагал к себе, вызывая чувство симпатии.

Однако неожиданное появление гостя насторожило Кулла: Усирзес мог быть подослан к нему, а потому опасен. Король принял решение:

— Келкор, возьми его к себе и позови Брула. Тот мастер на такие дела. Пусть вызнает у пленного все, что можно, и на совете доложит. И, Валка, горе тебе, кхешиец, если это пустяковое дело. Иди.

Келкор и Алые Стражи поклонились и ушли, уводя пленника.

Кулл остался один, если не считать двух телохранителей, которых он научился не замечать. Уже светало. Король вышел из круга света факелов и посмотрел по сторонам. С севера доносился топот копыт — это гнали табуны из ночного. Он повер-

нул к югу, откуда скоро должен возвратиться передовой конный отряд, отправленный на разведку. Взгляд его скользнул ниже, к стройным рядам палаток — кое-где уже разводили огни. Кулл вздохнул полной грудью. Утренний воздух, наполненный запахами лагеря, навевал приятные мысли, рассеял тревогу и волнение.

Кулл решил обойти сонный лагерь. В сопровождении двух телохранителей, следовавших за ним, как тени, король медленно спускался с холма, обдумывая план предстоящих действий.

План был предельно прост: армия и флот выступают из Валузии; войско переходит границу Кхешии и осаждают Тшепи; с моря подступы к городу перекрывает флот. Кулл надеялся, что осада долгой не будет.

Тшепи необходимо было взять до подхода кхешийской армии, так как иметь в тылу сильный вражеский город-крепость небезопасно. Затем король собирался погрузить часть армии на корабли и отправить вверх по течению Таиса, конница должна была следовать берегом.

На пути к Ханнуру Кулл надеялся окончательно разбить кхешийскую армию, после чего ожидать какого-нибудь серьезного сопротивления не приходилось.

Побежденные беспрекословно примут его условия, и сбудется давняя мечта: он расправится с Сатхом, разграбит его храмы, разгонит жрецов, уничтожит Черное Логово с его страшными ритуалами. В этом мире навсегда забудут о Великом Змее!

Решение идти войной на далекую Кхешию зрело долго и поначалу многим казалось безумием.

— Зачем, ваше величество? — зывали к королю убежденные седины советники.

— Зачем? — вопрошали его преданные друзья.

Куллу было, что сказать им. Да, в стране мир и процветание, золото, благодаря торговле, течет рекой, и нет нужды воевать, чтобы пополнить казну. Да, все так. Но, кроме богатств, есть и иные причины.

Змееголовые в мирное время чувствовали себя куда увереннее. Во всех уголках мира ощущалось их зловонное дыхание, повсюду плели они заговоры, сеяли вражду и раздоры.

Кулл сражался с ними, где только мог, но каждая малая победа в конечном итоге оборачивалась поражением. Он отсекал у Змея одну голову, но на месте ее вырастали десять новых. Это была безнадежная борьба.

Необходимо было нанести удар твари в самое сердце.

— Мы должны уничтожить Сатха. Только тогда в мире воцарится спокойствие. Только тогда люди смогут смотреть в будущее без страха.

— Уничтожить бога?! Кулл, ты сошел с ума! — Даже у бесстрашного Копьебоя мысль эта вызвала суеверный ужас.

Но атлант все давно продумал. Он не был таким невежественным, суеверным варваром, каким его нравилось считать кичливым аристократом. Нет, он владел искусством чтения и письма, любил поговорить с учеными людьми. Один из муд-

рецов, камелийский маг по имени Рамдан, и навел его на мысль

Рамдан появился в Валузии не столь давно. Пришел откуда-то, поселился на небогатом постоялом дворе. Сам не делал попыток показаться на глаза Куллу, не пытался представиться ко двору. Его это словно и не интересовало. Он просто бродил по городу, общался с людьми, задавал вопросы, сам что-то рассказывал, когда просили

Но уже через каких-то полторы луны весь город знал этого человека. Слухи о мудрости и учености Рамдана разнеслись и среди бедняков, и среди богачей. Принимать его у себя считали за честь и просвещенные вельможи.

Кулл сперва, когда услышал о камелийце, фыркнул презрительно. Он немало навидался за свою жизнь шарлатанов и пустословов, чтобы доверять первому встречному. А советник Ту и вовсе настоярился: в каждом заметном чужестранце ему чудился лазутчик змеелюдей, либо заговорщик.

Но на письма, разосланные предусмотрительным советником в разные концы, пришли ответы от людей знающих и уважаемых — и все они говорили о Рамдане только добрые слова. В его учености и благочестии никто не сомневался.

К тому времени Куллу и самому уже не терпелось взглянуть на загадочного камелийца, о котором вокруг было столько разговоров. Он пригласил его к себе.

С первого взгляда король был разочарован. Маг и мудрец выглядел совершенно обыденно: как средней руки торговец. Невысокий, худощавый, смуг-

лый. В аккуратной, небогатой одежде. И речи его были, как у торговца: преисполненные здравомыслия, без всякого налета загадочности и тайны.

Но... Была у Рамдана одна особенность. Каким-то удивительным чутьем он точно угадывал мысль собеседника.

И всегда давал самый разумный и мудрый совет. Разумеется, когда мог это сделать.

Казалось, внутренним взором он проникает в самую суть вещей — а затем рассказывает другим людям о том, что видит.

— Ты скучаешь, король, — без обиняков сказал он Куллу в первую же встречу. — Тебе кажется, все значительные дела в твоей жизни уже сделаны, все предначертанное исполнено. Ты думаешь, на твою долю не осталось ничего, кроме нудной придворной грызни, да повседневных мелких хлопот. Это не дело для великого воина вроде тебя!

Верно подмечено! Кулл и сам частенько думал об этом. Но ведь не затевать же войну с соседями из одного желания размять мускулы, да показать силу!..

Король вопросительно уставился на мудреца. Тот, однако не дал прямого ответа.

— Жизнь сама укажет тебе, куда идти. Не сомневайся, правитель. Люди, подробные тебе, не остаются долго без дела. У богов для них всегда найдется работа!

Эти слова пришлись атланту по сердцу. Равно как и простые, без рисовки манеры Рамдана.

Брулу и Ка-Ну камелиец тоже понравился. Пить южанин мог не меньше пиктов, знал немало весе-

лых песен, да и к женскому полу относился совсем не так, как олбычные жрецы.

— Станный ты парень! — заявил ему как-то прямой на язык Копьебой. — Другие маги и взглянуть лишний раз на девицу опасаются, чтобы не растерять колдовскую силу. А ты...

Камелиец расхохотался, чувствуя новых друзей отличным южным вином.

— Только те боятся силу потерять, у кого ее немного!

Однако на все просьбы показать какое-нибудь кодовство он всегда отвечал отказом. Мол, не шуточное это дело, чтобы будить такие силы ради пустой забавы.

Может, оно так и было. А возможно, как один раз шепнул Брулл атланту, Рамдан и не был вовсе никаким магом, а попросту привирал для важности... да какая разница. Камелиец был отличным собеседником и другом, чего же еще?!

И именно ему король оказался обязан двумя самыми важными шагами за последние годы. Окажутся ли шаги эти разумными, покажет время.

Иссария, это первое. Но об этом Кулла пока не хотелось думать.

А второе — кхешийский поход.

Именно Рамдан поведал правителю, что в далекой южной стране, и названия-то которой Кулл до сего дня никогда не слышал, в открытую взяли власть змеелюди и установили там правление Сатха, Великого Змея. Потом змееголовые ушли, однако их бог остался. И теперь вся Кхешия была в путах ненавистного культа.

— Но почему они не свергнут проклятых жрецов? — возмутился атлант. — Как могут люди мириться с богом-змеем?!

Рамдан лишь развел руками. Хотя его родина на юге и граничила с Кхешией, сам он редко бывал там и мало что знал о местных порядках.

— Насколько мне известно, — поведал он Кулле и его друзьям, — поклонение Сатху имеет в Кхешии очень древние корни. Некоторые книги утверждают даже, что именно там — родина этого черного божества. Вот почему он там так силен. И вот почему народ Кхешии не может восстать против его ига.

— Но почему же змеелюди не закрепятся там, если это правда? С какой стати им было обосновываться на востоке?

Камелиец покачал головой.

— Пути змееголовых неведомы нам, людям, и я могу лишь предполагать. Истинная мудрость гласит, что в наибольшей силе сокрыта и наибольшая слабость. Возможно, это относится и к Сатху. Да, там на юге он всего сильнее. Но, возможно, там же скрывается и тайна, которая поможет одолеть его. Его смерть тоже там, в далекой Кхешии.

О, если бы это было так! Глаза Кулла вспыхнули воинственным огнем. Он готов был немедленно рвануться в загадочную южную страну, в одиночку вызвать на бой Великого Змея. Увы, это было невозможно.

— Но что это может быть за тайна? — спросил он мудреца. — Что за скрытая слабость даст мне шанс победить Сатха?

Однако камелиец был бессилен помочь ему. Лишь там, в Кхешии, можно будет это узнать. Там, на юге, все решится.

И Кулл стал готовить поход.

Много трудностей поджидало его на этом пути. Убедить советников. Убедить двор. Зажечь идеей похода сердца воинов. Успокоить простой народ. Это было только начало.

Затем следовало добиться от сопредельных государств разрешения, чтобы войска беспрепятственно прошли по их землям. На это ушел не один месяц.

А потом пришел черед собирать людей, звать на помощь союзников, готовить оружие, корабли, осадные машины, припасы... в общем, создавать армию.

Порой Куллу казалось, это никогда не кончится. День за днем вожде ленный поход все откладывался, ему всегда что-то мешало — пока королю наконец не начинало казаться, что они не выступят уже никогда.

Порой он и сам до сих пор не верил, что этот день наконец настал. Ему все хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться: да, они наконец в пути!

Поход против Кхешии начался. И теперь дело было за малым: необходимо разбить сильное войско.

Лазутчикам удалось собрать самые скудные сведения, но из них можно было заключить, что противник очень силен. Если раньше страну защищали жрецы Сатха с помощью черной магии, то сейчас к этому прибавилась и прекрасно обучен-

ная армия. Строго говоря, Кулл мало что знал о ней.

Год назад, после того как Кулл заключил договор с Камелией и Фарсуном, жрецы Сатха, справедливо опасаясь нападения, закрыли для чужеземцев свою страну.

Единственным свободным городом оставался Тшепи, далее, в глубь Кхешии, не пускали никого, поэтому сведения об армии были отрывочны и неполны.

Однако варвар не боялся неизвестности, ведь под его началом выступало непобедимое войско, а от черной магии он защищен Щитом Хотата.

Проходя мимо палаток, атлант бездумно отмечал, где кто разместился. Сейчас справа от него расположились воины из Зальгарских гор.

По гербам на щитах и цветам штандартов было несложно определить, к какому роду принадлежит командир. В его лагере собрался цвет зальгарской знати, самые древние и уважаемые фамилии прислали своих отпрысков во главе семи тысяч вооруженных бойцов.

Слева расположились три тысячи грондарских лучников, непревзойденных стрелков. «Грондарцы должны начать битву», — подумал Кулл.

По традиции, у каждой палатки выставлялись мишени, на которых упражнялись накануне. Было видно, что все стрелы, за редким исключением, попадали в нарисованный круг.

Внезапно внимание варвара привлекла странная мишень: один след был значительно ниже других. Присмотревшись повнимательнее, он сообра-

зил, как образовалось это более крупное отверстие: стреляли из арбалета.

— Они начали осваивать арбалеты,— задумчиво протянул Кулл.

— Мой король, разреши говорить,— обратился к нему телохранитель.

— Говори.

— Вчера Иссария упражнялась в стрельбе. Это ее единственный промах.

— Хорошо,— кивнул Кулл.

Телохранитель поклонился и отошел назад.

Далее стояли палатки таваронской пехоты, отличавшейся особым упорством и выучкой.

Атланту припомнилось, как по его знаку блистательная фаланга таваронцев шла в бой, не нарушая строя,— замечательное зрелище, вселявшее во врагов ужас.

Лучшие семьи Тавароны, независимой западной провинции Валузии, откликнулись на зов короля, прислав десять тысяч пехотинцев.

За ними расположились двадцать тысяч воинов валузийской пехоты.

Куллу стоило больших усилий создать из этих увальней войско, но бесконечная муштра сделала свое дело: пехота стала грозным оружием в умелых руках военачальника, ничуть не хуже таваронцев.

А вот и валузийская конница — краса и гордость армии. Несокрушимой лавиной закованные в броню воины сметали все на своем пути. Тринадцать тысяч закаленных в битвах ветеранов рвались в бой.

Конницу сменил камелийский отряд. В этом походе Камелия, отчасти и благодаря посредничеству Рамдана, выступила союзником Валузии, предоставив десять тысяч пехотинцев и три тысячи конников, прекрасно вооруженных и обученных. «Клянусь Валкой, Камелия не поскупилась, чтобы досадить соседу. Но нам это только на руку. Они славные воины»,— подумал Кулл.

Поблизости выстроились палатки семитысячного отряда наемников, отчаянных рубак.

Костяк его составляли комморийцы, были также наемники из завоеванных стран. Поначалу Кулл не слишком жаловал чужаков, но, увидев воинов в деле, решил взять их в поход, назначив, однако, сотниками своих, преданных ему людей.

В лагере также находился особый отряд: триста человек, которые управляли осадными машинами. В пустыне трудно найти необходимые для постройки катапульта, баллист и таранов материалы, потому машины пришлось брать с собой.

Много места занимал обоз. Он обременял армию, задерживал движение, но без собственных запасов большому войску не обойтись.

Военное дело было сложной наукой, даже скорее искусством, но за долгие годы, проведенные в походах, атлант освоил его в совершенстве. Теперь мало кто в мире мог бы сравниться с королем Валузии в ратных умениях.

Хотя, как и прежде, гораздо большее удовольствие ему доставляло самому взять в руки боевой топор и своими руками крушить врагов, наслаждаясь яростью битвы.

Звук трубы, игравшей зарю, застал Кулла в середине обоза, и варвар поспешил назад, к своему шатру.

Поднимаясь на холм, он окинул взглядом палатки, в которых расположились жрецы Валки и Хотата, палатку Рамдана, который также отправился с ними в этот поход, а также шатры магов и чародеев, призванных охранять и беречь армию от злого кхешийского колдовства. Кое-где еще горели светильники.

С вершины холма Кулл посмотрел вниз и мысленно замкнул круг, который только что прошел: обоз соседствовал с палатками зальгарцев. Он улыбнулся и скрылся в шатре. Два телохранителя встали у входа. Над лагерем поднимались аппетитные запахи готовящегося завтрака.

В поход под предводительством Кулла выступило пятьдесят тысяч бойцов пехоты и двадцать три тысячи — конницы. Прекрасно вооруженное и обученное войско стояло на границе Камелии и Кхешии, у подножия безымянного холма.

Глава вторая

Ночью верховный жрец главного храма Сатха в городе Ханнуре Сатхамус не дожился спать. Первые лучи солнца осветили просторную комнату с расписанными фресками стенами и застланном циновками полом. Возле длинных резных полок с пергаментными и папирусными свитками стоял столик, за которым, скрестив ноги, сидел на полу Сатхамус. Рядом устроился писец, под диктовку выводивший на папирусе иероглифы.

Жрец был адептом Черного Логова, одним из сильнейших магов Кхешии. Человек, впервые видевший его, вряд ли распознал бы в нем мага: он обладал располагающей внешностью кхешийца, которому не чуждо ничто земное.

Коварство и недюжинный ум в сочетании с глубоким знанием магии позволили ему достичь больших высот. Само Черное Логово с Тха-Таурагом во главе ценило его способности и сделало фактическим правителем Кхешии — ибо Сенахт, светский

правитель страны являлся, в общем-то, лишь подставной фигурой, никому не нужной и не интересной.

Не обладая реальной властью, он восседал на троне лишь для того, чтобы успокоить народ, не дать кхешийцам повода роптать, будто прислужники змееголовых захватили и поработили всю страну.

А так приличия были соблюдены, формально Кхешией правил наследник древней династии. И кому какое дело до того, кто, в действительности, принимает все решения!

Жрецы знали правду, знали, что Сенахт терпит их лишь потому, что на него и на всю страну Змеем и его слугами было наложено заклятие, и потому своим истинным владыкой они считали именно Сатхамуса.

Однако, занимая такое высокое положение, будучи жрецом богатейшего храма, тот жил очень скромно и внешне никак не проявлял своей огромной власти..

— Напиши, что отряд наемников из Малых княжеств должен был прибыть в Ханнур еще вчера, нам непонятны причины промедления, за нерасторопность можно встретиться со священными крокодилами. Жду вас завтра к утренней молитве. Днем армия выступает из Ханнура.

Едва писец закончил свою работу, Сатхамус взял в руки папирус, быстро пробежал его глазами и, удовлетворенный, поставил свою печать.

— Подготовь письмо для владыки Сенахта,— обратился жрец к писцу.

Писец взял папирус с заранее подготовленным текстом, восхваляющим повелителя, и приготовился.

— Направляю к тебе северного воина,— начал диктовать Сатхамус,— и прошу принять его. Не смотри, что это варвар и у него дурные манеры,— на поле боя он многого стоит. Кроме того, звезды говорят, что у него ярко выражен талант полководца. Нижайше прошу тебя поставить его во главе твоих непобедимых войск. «А то и ты тоже встретишься со священными крокодилами»,— презрительно подумал жрец.— Закончи письмо,— велел он вслух.

Прочитав написанное и поставив печать, он надолго задумался.

Ему осталось продиктовать несколько писем управляющим имениями храма, но это могло подождать.

Правильно ли он сделал, велел Сенахту, чтобы тот поставил северянина во главе армии? Это был рискованный ход, и многие возразили бы против такого хода, вздумай верховный жрец изложить им свои резоны.

По счастью, положение его было достаточно высоким, чтобы не отчитываться ни перед кем. Исключение составлял лишь один человек — но Сатхамус уже знал, что скажет ему.

И все же — почему именно северянин? Тот, бесспорно, лучший воин, какого только доводилось встречать кхешийцу на своем жизненном пути. Южане-военачальники не годились неукротимому дикарю и в подметки! Но он опасен. Так может

быть опасен лишь дикий зверь, хищник, способный лишь на время притвориться смиренным, но которого нельзя приручить ни страхом, ни лаской.

Не окажется ли Халег таким хищником, не попытается ли укусить руку, которая его кормит?

Сатхамусу оставалось лишь надеяться, что он не ошибся в выборе. Неправильное решение будет стоить им слишком дорого.

Для Кхешии настали трудные времена, армия непобедимого варвара стояла на границе, готовая перейти ее и обрушиться на кхешийские города и храмы, грабя и превращая в пустыню цветущий край.

Лазутчики сообщали, что Кулл собрал большую силу: семьдесят тысяч закаленных бойцов стоят под его началом. Армией командуют опытные воины, перед которыми не устояли ни Коммория, ни Зарфхаана, ни Фарсун.

Последнему Кхешия усиленно помогала, чтобы остановить продвижение врага, но все зря. Оракул говорил правду.

Черное Логово и жрецы Сатха заблаговременно готовились к вторжению, за два года армию увеличили вдвое, ее численность, включая наемников, составляла уже шестьдесят тысяч человек.

Ломая устоявшиеся традиции, Кхешия пригласила умелых бойцов, чтобы обучить войско. На этом настоял Сатхамус, и владыка поддержал его.

Полгода назад в Кхешию вторглись дикие племена темнокожих из Матуанги и Белы, самых южных из Малых княжеств, осадившие Такхес.

Армия Кхешии, всего за седмицу перейдя пустыню, наголо разбила многочисленные орды, но победа не вскружила голову Сатхамусу.

Он прекрасно понимал, что дикари, не знавшие воинского искусства, хотя и превосходили числом армию короля Валузии, были гораздо менее опасны, чем варвар.

Жрец разослал людей в соседние страны, чтобы собрать наемников. Для этого пришлось использовать неприкосновенные храмовые запасы: когда грозит гибель, отдашь и последнее. В весьма ограниченные сроки была проделана огромная работа, и этот труд не попал даром.

Труды Сатхамуса не пропали даром. Теперь Кхешия имела хорошо обученную и вооруженную армию.

Сейчас она стояла лагерем у стен Ханнура, за исключением небольших гарнизонов, оставшихся в приграничных крепостях. Подходили последние отряды наемников. Завтра войско выступит на встречу противнику.

Внутри страны, правда, все было вовсе не так благополучно. Соглядатаи донесли, что владыка тайно поддерживает последователей культа забытого бога — культа, объявленного вне закона жрецами Сатха.

Как и всякое божество, забытый бог пытался поколебать власть Сатха. Великий Змей убил его, а его последователей отдали священным удавам и крокодилам. Оказывается, ересь живуча и последователи низвергнутого бога появились снова. Ими необходимо заняться прежде всего.

Размышления Сатхамуса прервал стук в дверь. Жрец взглянул на писца: тот замер в ожидании распоряжений.

— Открой,— приказал Сатхамус.

Писец бережно отложил папирус, встал, подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял младший жрец. С поклоном он обратился к Сатхамусу:

— Пришел великий Тха-Таураг. Он просит его принять, если ты не спишь.

— Это имя напомнило жрецу, что члены Черного Логова собирались сегодня ночью, чтобы обратиться к священному оракулу. Сатхамус не присутствовал на этой церемонии, но, раз Тха-Таураг здесь, она уже закончилась, и предсказания действительно серьезны.

— Проси.— Потом, обращаясь к писцу, он сказал: — Собери бумаги и ступай. Скажи, чтобы прислали нового писца. Ты свободен до обеда. Можешь идти, и пребудет с тобой великий Сатх.

Писец взял папирусы и с поклоном вышел. Едва он удалился, в дверях возник силуэт главы Черного Логова — Тха-Таурага.

«Что же он скажет?» — подумал Сатхамус, вставая и с поклоном предлагая гостю присесть. Ему льстило, что такой человек пришел к нему сам.

Тха-Таураг приветствовал жреца дружеским кивком. Потом, повинуясь приглашающему жесту хозяина, подошел к столику и уселся напротив. Сколько Сатхамус себя помнил, Тха-Таураг не менялся. На него смотрело лицо оживший мумии: совершенно лысый череп, обтянутый пожелтевшей сухой кожей, впалые щеки, острый нос, тусклые

черные глаза (тем не менее жрец знал, что от этих глаз ничего не скроешь).

Широкое белое одеяние скрывало неестественную худобу мага. Тха-Таураг производил впечатление дряхлого, уставшего от жизни человека, однако Сатхамус знал: это только видимость, самый искусный маг Кхешии, единственный, кто пришел в свое время со змеелюдями, и остался, когда они покинули страну; коварный и злопамятный, он пережил множество врагов. Такого лучше иметь другом.

— Да пребудет с тобой великий Сатх, о Тха-Таураг. Что на этот раз предсказал оракул?

— Спасибо, и тебе желаю этого, Сатхамус. Предсказание действительно серьезно, хотя и туманно. Поэтому я пришел к тебе в эту раннюю пору. Хочу рассказать о нем и посоветоваться.

— Я весь внимание.

Сатхамус вспомнил предыдущие церемонии предсказания. Оракул находился в храме всевидящей богини Нут. В огромном зале, свод которого поддерживали гигантские колонны с вырезанными иероглифами, стояла огромная статуя богини высотой в десять человеческих ростов.

Перед ней располагался алтарь со священными курильницами. На этом алтаре, обогряя его кровью, закалывали жертвенных животных. Чем сложнее был вопрос, тем больше требовалось подношений.

Жрицы богини определяли по дыму, принята ли жертва. И если жертва принималась, главная жрица добавляла щепотку черного лотоса в ку-

рильницу, а прорицательница вдыхала дым, пока не отрешалась от всего земного.

Под звуки молитвенных песнопений ее душа возносилась на небо, где встречалась с божеством, как бы служа мостиком между людьми и богиней Нут.

Но богиня была капризна, как все женщины, и почти никогда не давала прямых ответов. Большое искусство требовалось для того, чтобы правильно истолковать предсказание.

Можно было спросить самого Сатха, но он не любит, когда его беспокоят.

Сатхамус читал в древних папирусах, что когда-то бог, ответив на вопросы жрецов, отнял их души и замутил разум.

Никто так и не сумел узнать, что же поведал Великий Змей, а те, кто дерзнул обратиться к нему, вскоре покинули этот мир. «Тха-Таурага не было на той церемонии. Наверное, он и написал об этом», — подумал жрец.

— Все было против того, чтобы мы услышали предсказание. Нам пришлось принести немало жертв, прежде чем богиня заговорила с нами. К ней взывали поочередно разные прорицательницы, и только третья душа смогла пробиться к Нут, — начал Тха-Таураг.

Сатхамус знал, что в течение этой луны богиню вообще не следовало беспокоить. Это было чудо, что, хотя и с третьей попытки, она ответила.

Маги Черного Логова сознательно шли на риск заслужить немилость богини, но выбора у них попросту не было. Души двух жриц, обкуренных чер-

ным лотосом, наверное, уже не вернутся в свой тела. Но оракул-то ответил!

— Всевидящая Нут сказала следующее. Позволь, я прочту тебе:

*Бессмертные сойдутся в схватке смертоносной,
Когда взойдет на небе полная Луна.
Мечи скрестятся, и один падет
На землю, политую кровью.
Но не поглотит тьма того, кто был на грани
Бессмертья вечного и вечного забвенья.
Его спасет осы безжалостное жало.
И все опять вернется к той черте,
С которой новый бой начнется.*

...Тха-Таураг замолчал и взглянул на Сатхамуса. Тот внимательно слушал.

— Вот, собственно, и все. Ты считаешься лучшим толкователем оракула. Попытайся объяснить это. Пока мне ясно одно: битва будет не только на земле, в ней сойдутся также великий Сатх и Валка, бог северян. Итак, я жду твоих слов, — сказал Тха-Таураг и передал жрецу пергамент с предсказанием.

Сатхамус взял в руки текст, внимательно прочел его и надолго задумался. Глава Черного Логова терпеливо ждал. Тихий стук писца, пришедшего занять свое место, не заставил ни одного из них даже пошевелиться.

Не дождавшись ответа, писец заглянул в комнату, увидел застывших в неподвижности мага и жреца и тихо прикрыл дверь.

Наконец Сатхамус заговорил:

— Я должен поблагодарить тебя, великий Тха-Таураг, за столь высокую оценку моих скромных способностей. Ты более проницателен, чем я. Я полностью согласен с тем, что битва богов состоится. В предсказании довольно точно указано время — это время полной Луны. Оно наступит через пять дней на шестой.

Наша армия выступает завтра и направляется к Тшепи вниз по Таису. Если варвар будет подниматься вверх по реке, войска встретятся через четыре дня. Зная прошлые походы Кулла, можно сказать, что он так и поступит. У варвара опытные полководцы, да и сам он прекрасный воин, они не оставят за спиной такую крепость, как Тшепи. Отсюда можно заключить, как это ни прискорбно, что Тшепи падет, и осада будет недолгой. Это позволит варвару беспрепятственно провести суда вверх по течению.

Жрец посмотрел на Тха-Таурага. Маг немного подумал и ответил:

— Благодарю тебя за помощь. Если у меня и были сомнения относительно времени начала битвы, ты их развеял. Что касается Тшепи, судьба его не так ясна. Варвар непредсказуем, и он может повести армию к Ханнуру, минуя Тшепи. С другой стороны, твои рассуждения о полководческих способностях варвара неоспоримы, поэтому, скорее всего, участь крепости все-таки предрешена. Давай пойдем дальше.

— Далее следует описание кровопролитной битвы, исход которой, согласно предсказанию, благоприятен для кого-то одного — для того, кто будет

на грани поражения, но жало осы поможет ему. Смысл этих слов можно толковать по-разному.

Я склоняюсь к выводу, что под жалом подразумевается мужество одной из сторон, которое приведет к победе. Как ты видишь, великий Тха-Таураг, предсказание не дает прямого ответа на вопрос, кто победит. Если ты ждешь, что я назову победителя, спешу тебя расстроить: сейчас я этого не могу. Моих знаний и опыта не хватает. Чтобы ответить точно, мне необходимо время, которого у нас нет.

Мы считали, что Тшепи задержит варвара до подхода нашей армии, но боги распорядились иначе, и битва произойдет раньше. Если победим мы, варвар надолго забудет дорогу сюда. Мы сможем завоевать Камелию и Фарсун, увеличив вдвое владения Отца Тьмы. Если мы проиграем, то Великий Змей не оставит своих детей. Это видно из предсказания. Поход варвара ничего не изменит.

— Спасибо за честный ответ. Я продолжаю считать, что ты лучший толкователь, о Сатхамус. Я извещу Логово о нашем разговоре. Хотя предсказание и не содержит прямого ответа, теперь я вижу: Сатх печется о нашей судьбе. Надо отблагодарить богиню за то, что она нашла для нас время. Распорядись об этом.

— Хорошо, а что мы скажем народу о предсказании?

— Правду. Варвар будет разбит — так сказал оракул. Сейчас давай уточним, что мы уже сделали и что еще можем сделать для победы. Предсказание надо подтвердить делами. Что с армией?

Мне сказали, твои заслуги в этом огромны. По моему, ты чрезвычайно одаренный человек.

— Спасибо. Мы и правда многого достигли. Нам удалось собрать шестьдесят тысячи человек. Сегодня прибудет последний отряд наемников, и завтра на рассвете мы выступаем.

Что касается вооружения, ты сможешь оценить его сам, о великий Тха-Таураг. Днем состоится жертвоприношение Сатху в моем храме, будем просить о даровании победы над врагом. После церемонии владыка представит армии нового главного военачальника, а затем состоится смотр. Чтобы вооружить и обучить наше войско, пришлось взять средства даже из неприкосновенных запасов храмов:

— Насколько мне известно, — перебил жреца Тха-Таураг, — владыка, по твоей просьбе, поставит во главе войск Халега из далекой Туле. Чем же так приглянулся тебе этот тулиец и не станет ли он слишком опасным после победы? Ведь Кулл, тоже варвар, сумел занять трон Валузии. Если Халега поддержит армия, он захочет сам стать правителем Кхешии. Тулиец очень честолюбив, а значит, очень опасен.

Тха-Таураг посмотрел на Сатхамуса, ожидая ответа.

«Так вот чего в действительности опасается маг. Послание богини он растолковал и без меня. Ну что ж, надо развеять его опасения», — подумал жрец.

— Халег — прекрасный воин. У себя на родине он возглавлял воинский клан, с отрядом соплеменников служил наемником в Коммории. Быст-

ро дослужился до тысячника в комморийском войске. Мы заплатили ему хорошие деньги, чтобы он обучил нашу армию биться с северянами, и он доказал, что золото потрачено не зря. Вспомни, как дрались наши воины с дикарями из Малых княжеств. Тулиец тогда сражался в первых рядах и показал чудеса храбрости и осмотрительности. Это благодаря ему мы одержали блистательную победу.

Что касается того, насколько он опасен, хочу тебя успокоить: звезды говорят, что он скоро покинет Кхешию. Наверное, получив плату, Халег пойдет завоевывать себе королевство, или вернется на родину, или отправится в страну мертвых. Это не важно, главное — его ждет большое путешествие.

Еще замечу, что тулийцы — вечные враги всех прочих народов севера. Так что Кулл получит сильного противника. Надеюсь, я ответил на твои вопросы, о Тха-Таураг?

— Хорошо, Сатхамус. А как обстоит дело с магической атакой на Кулла?

— Как ты и предупреждал нас, Щит Хотата защищает его не хуже, чем щит от стрел. Не будь талисмана, он бы сошел с ума, а так ему только снились кошмары.

— Почему ты говоришь «снились», а не «снятся»?

— Кулл рассказал о них своим жрецам, и те без большого труда определили, чьих рук это дело. Они создали для него охранный талисман, который в сочетании со Щитом Хотата полностью защитил его — кошмары прекратились.

— Ну что ж, все равно не стоит оставлять эти попытки. Мало ли что может случиться... — Тха-Таураг посмотрел в окно. Солнце уже поднялось над горизонтом. — Однако мы заговорились. Тебе надо отдохнуть перед дневной церемонией. Сегодня вечером состоится встреча Логова, и мы должны там быть. На нее приглашены и владыка, и Халег. Еще раз обсудим предстоящую войну. А сейчас разреши тебя покинуть. Да пребудет с тобой великий Сатх. — Тха-Таураг неторопливо поднялся с места, ответил на поклон жреца и вышел из комнаты.

Едва он переступил порог, как, низко кланяясь, вошел писец:

— Господин, ты посылаешь за мной?

— Да, проходи и садись напротив, — сказал Сатхамус. — Надо срочно написать несколько бумаг.

Жрец посмотрел на застывшего в ожидании писца и, подавив вздох, начал диктовать. Сегодня отдохнуть ему так и не удастся.

Глава третья

улла как раз заканчивал завтрак, когда вошедший телохранитель с поклоном сообщил, что пикт Брул, по прозвищу Копьебой, хотел бы поговорить с правителем о деле, не терпящем отлагательств. Такая церемонность немало позаботила атланта. Насколько он знал своего друга, это означало, что тот хочет сообщить нечто важное.

Кулл сделал знак слуге, чтобы тот поставил еще один прибор, и придвинул поближе низкий резной табурет:

— Пусть войдет.

В шатер вошел Копьебой и вежливо поклонился правителю.

— Хорошие вести принес нам Усирзес. — Зная своего короля много лет, гость сразу перешел к делу. — Ты можешь допросить его сам, он не опасен. Рамдан подтвердил все им сказанное.

— Хорошо, приведи его. Камелиец еще никогда не ошибался. Если он говорит, что гостю можно

доверять, как бы это ни было удивительно, я склонен последовать его совету.

Брул повернулся к телохранителям у входа:

— Пусть приведут кхешийца.

Через мгновение Усирзес уже стоял в шатре. Кулл налил вина, приказал слуге поставить тарелку для кхешийца и сказал:

— Садись за стол, Брул, и ты садись, Усирзес. Мне передали — ты принес хорошие вести. Сначала подкрепишься, потом все расскажешь.

Брул и кхешиец немедленно принялись за еду: похоже, оба были голодны.

Усирзес огляделся вокруг. В просторном шатре кроме столика стояли только сундук, походный топчан, уже разобранный, и подставка для королевских доспехов и разнообразного оружия, среди которого выделялся простой двуручный топор с древними рунами на лезвии.

Усирзес догадался, что видит легендарный топор Кулла.

Король молча наблюдал за кхешийцем. Он чувствовал: первое впечатление его не обмануло и перед ним скорее друг, чем враг. Тем более что такой знаток человеческих душ, как Рамдан, отнесся к нему благосклонно.

Одежда Усирзеса была порвана в нескольких местах, и Кулл обратил внимание на странный знак на груди у кхешийца. Усирзес тем временем отставил тарелку и застыл в ожидании, всем своим видом показывая, что готов рассказывать. Брул с явным сожалением оторвался от еды и приготовился слушать.

Кулл отхлебнул из кубка вина:

— Прежде чем начать рассказ, объясни, что за странный знак у тебя на груди. Я бывал в Кхешии не раз, но ничего подобного не видел.

— Разреши, о великий Кулл, начать издалека. Конечно, то, что я поведаю тебе, это лишь легенда, и на самом деле многое было иначе. Однако рассказ мой многое объяснит тебе о моем народе и нашей вере.

Итак, всевидящая Нут родила четырех детей. Двух мальчиков — Усира и Сатха — и двух девочек, ставших впоследствии их женами.

Усир унаследовал от родителей самые лучшие черты. Он показал людям, как возделывать почву, обучил грамоте, дал им справедливое правление. Пока властвовал Усир, каждая кхешийская семья владела участком земли, который давал ей все необходимое. Люди были счастливы и славил великого бога.

Сатх — полная противоположность своему брату. С самого своего рождения он отличался злым нравом и постоянно завидовал Усиру, да так, что решил убить его.

В темную ночь он подкрался к спящему брату и зарезал его. Тело сжег, а пепел развеял над древней Кхешией. Посыпанная прахом Усира земля стала необычайно плодородной.

На этой земле змееликие приспешники Сатха воздвигли нечестивые капища, заставляя народ молиться Ложному богу. Сердца людей постепенно окаменели. Страх, зависть, лень и другие пороки поразили их. Прошли годы, и люди забыли Усира.

Мы, его дети, сохранили память о счастливых временах, из поколения в поколение передавая эти знания. Приспешники Сатха жестоко расправляются с нами, но мы верим: наше время придет. Я ношу на груди знак принадлежности к культу Усира с самого детства. Я — верховный жрец Истинного бога.

Ему я был посвящен при рождении, и когда змееголовые нечестивцы пришли в Кхешию, силой заставляя людей отречься от Усира, огнем и мечом искореняя нашу веру, я был среди тех немногих, кому удалось уцелеть.

Мы были близки к отчаянию. Сторонников нашего бога почти не осталось, приспешники Сатха повсюду заняли их место. И даже когда змеелюди покинули Кхешию, страна осталась во власти наложенных ими чар, из-за которых никто не мог восстать против Черного Змея, не подвергая тем самым опасности не только свою жизнь, но и жизни родных и близких.

Что нам оставалось делать? Мы притворились покорными, согнулись под ярмом, стали служить проклятому Сатху, в душе молясь об избавлении.

Как вдруг одиннадцать зим тому назад богиня-мать подала нам первый знак.

Она дала нам пророчество, будто воскреснуть Усиру помогут варвары, пришедшие с севера. Ее священные слова помогли хоть немного ослабить цепи злых заклятий, сковывавшие доселе наши души. Мы смогли надеяться.

Люди с севера, о которых говорилось в пророчестве. Как знать, может быть, это вы. Поэтому

мы решили помочь тебе в борьбе с Сатхом. Прими нашу помощь.

Усирзес посмотрел на Кулла, который внимательно слушал его.

— «Сын Усира» — это твое тайное имя? — спросил атлант.

— Да, великий Кулл, в миру меня зовут Та-Нут.

— Чем ты и твои люди можете помочь нам? — не скрывая раздражения, спросил король. — Молить своего бога, чтобы пророчество сбылось и мы победили?

Кулл уже собирался дать знак телохранителю вывести кхешийца, но неожиданно в разговор вмешался Брул:

— Мой король, дослушай его до конца.

Кулл недовольно посмотрел на своего поверенного, но, немного подумав, уступил:

— Ладно. Говори, кхешиец, только покороче. И переходи сразу к делу.

— Благодарю, великий Кулл, я больше не стану испытывать твое терпение. Ты правильно понял мое тайное имя, но мое второе имя не говорит тебе ничего?

— «Посвященный Нут» — это, скорее, имя жреца, чем простого кхешийца. — раздраженно сказал Кулл.

— Именно так. Я жрец львиноголовой Нут. Ее храм находится недалеко от города Тшепи. Он очень древний и с городом связан подземным ходом, о котором все давно забыли. Год назад, перебирая старые бумаги, я нашел план хода. Он начинается

за алтарем богини и заканчивается в городе — в храме Сатха.

Кулл не поверил своим ушам: этот человек отдает ему крепость, ничего не требуя взамен. Тут было о чем подумать.

— Этот ход — не выдумка?

— Нет. Я прошел его весь. В конце находится плита, расположенная в храме Сатха, прямо под статуей.

— Чего ты хочешь? Такие сведения дорого стоят.

— О великий Кулл, лично мне ничего не надо. Я хочу освободить страну от власти Ложного бога. Помогите нам в этом, другой награды мне не нужно.

— Хорошо. Твой бог воскреснет.

— Спасибо, мой король. Хочу добавить еще одно: мой сводный брат Сенахт, последователь культа Усира, правитель Кхешии. Хоть власти у него в руках немного, он поддержит тебя. К сожалению, я ничего не знаю о кхешийской армии, которая скоро выступит против вас. Нам вот уже три луны не удается связаться с владыкой, а больше в армии у нас никого нет. Знаю только, что войско собирается в Ханнуре.

— Не печалься, Усирзес, ты и так сделал очень много. Маноргус, достань красную шкатулку и подай ее гостю, — обратился Кулл к слуге.

Кхешиец встал и с поклоном принял из рук слуги небольшую шкатулку.

— Открой ее. — Усирзес повиновался. Внутри лежали золотые валузийские монеты, на каждой из которых был отчеканен профиль Кулла. — Здесь

пятьсот монет. Прими это скромное подношение твоему богу. А теперь, Брул, — сказал король своему поверенному, — отдай распоряжения охраннику, пусть проводит и устроит нашего гостя. Нам с тобой еще нужно кое-что обсудить.

Телохранитель, выслушав приказ, молча вышел из шатра. За ним последовал кхешиец.

— Как ты думаешь, Брул, это не ловушка? — спросил Кулл, едва они остались одни.

— Трудно сказать, мой король. Этот парень внушает мне доверие, несмотря на то что жрецы Сатха могут сочинить любую историю и сделать любую татуировку.

— Согласен. И Рамдан подтвердил его слова, а значит, этот забытый культ существует. Знак у него на груди, как он сказал, с самого детства. Проверь эту татуировку: если она сделана давно — он говорит правду.

— А если нет?

— Тогда ты знаешь, что делать. Пока про кхешийца никому не говори, а если сами спросят — скажешь, что поймал воришку. У нас есть еще немного времени до совета, давай выпьем за нашу победу.

Мужчины наполнили бокалы, выпили и с удовольствием принялись за еду.

За этим занятием их и застал пришедший первым на утренний совет командир отряда зальгарской конницы Эрадаи. На приглашение Кулла присоединиться к ним он ответил, что уже завтракал. Король поднялся и вышел из-за стола, за ним последовал Брул.

Слуга быстро убрал остатки завтрака и сложил грязную посуду в углу — ее вымоют после. Затем он насухо вытер столешницу, расстелил на столе карту, выполненную на пергаменте, и быстро удалился.

В шатре кроме Кулла, Брула, Келкора и Эрадаи собрались все командиры: валузийской пехоты — Тайгор, валузийской конницы, Кандий, таваронской пехоты, Затул, грондарских лучников, Манорг, отряда наемников, Тезиарий, obsługi осадных машин, Север, камелийской конницы, Энкеши и камелийской пехоты, Тальмеш. Девятым присутствовавшим на совете был единственный невоенный человек — посол Камелии, Рамдук, который прекрасно владел несколькими языками, что было весьма кстати: камелийцы плохо говорили по-валузийски, а переводчиков для них не приглашали, ибо лишние уши на совете были ни к чему.

— Давайте начинать, — сказал Кулл. Все разговоры сразу прекратились. — Мне сообщили, что вернулись лазутчики, посланные два дня назад. Сначала выслушаем их.

В шатер вошел сотник, командир отряда лазутчиков.

— Говори, что удалось узнать, — приказал ему Кулл.

— Мой король, сначала мы подкрались к Тшепи, затем прошли половину дневного перехода вверх по Таису, оставили там дозор и вернулись. Следов пребывания кхешийской армии нигде не обнаружили. По дороге нам встречались конные разъезды, но это была обычная охрана дорог. Дозор

должен вернуться через день, если раньше не появится армия. На обратном пути мы поймали кхешийца, и он сообщил нам, что седмицу назад большой отряд ушел к Ханнуру, где объявлен сбор всей армии. Еще он сказал, что в округе остался только гарнизон Тшепи.

— Иди, ты свободен, — отпустил его Кулл. — Хорошие вести. Дорога на Тшепи полностью открыта. Поэтому, Кандий, выступай немедленно и скорым маршем иди к городу. Переправись через Таис — приступай к осаде. С тобой выступит отряд Тезиария. Его задача — взять сходу приграничный форт Нехебт, расположенный у нас на пути. Манорг, передай Тезиарию для поддержки тысячу своих лучников. Этого должно хватить: форт, по сведениям Камелии, невелик; самое большее, пятьсот копий. Осадные машины, думаю, не понадобятся. Вопросы есть?

— У меня вопрос, мой король, — сказал Кандий. — А если подойдет кхешийская армия?

— Если это случится, что маловероятно, то в бой не ввязывайся, отойди и дождись главных сил. Еще вопросы? Нет? Тогда выполняйте. Манорг, твои грондарцы пойдут, как всегда, с главными силами, перед валузийцами.

Кандий, Тезиарий и Манорг вышли из шатра.

— Друзья, — обратился Кулл к оставшимся, — до Тшепи — всего один переход. Предлагаю пройти его с остановкой у форта Нехебт, где объявим короткий привал. Далее, добравшись до реки, разобьем лагерь на ночь. Утром форсируем Таис и готовимся к штурму города. Что скажете?

— Может быть, лучше сходу форсировать Таис? Тем более что там уже будет Келкор, который прикроет нашу переправу,— предложил Тальмеш.

— Ночные переправы опасны, может погибнуть много людей. Лучше не рисковать понапрасну. Теперь о порядке следования отрядов. В авангарде уже выступили Кандий и Тезиарий. В основной колонне первыми пойдут зальгарцы, за ними — грондарцы Манорга и валузийцы Тайгора. Следом — камелийцы Тальмеша и таваронцы Затула. В арьергарде будет конница Энкеши.

Кулл окинул военачальников внимательным взглядом, а когда Рамдук закончил переводить, снова заговорил:

— Расстановка окончательна. И помните: жрецы Сатха очень коварны, так что предупредите воинов, пусть будут настороже. И еще приказываю: не обижать местных жителей. С мародерами разговор будет короткий. У воинов достаточно золота, чтобы купить все необходимое. Все ясно?

— Да, король,— ответили присутствующие.

— Тогда идите и начинайте готовиться к смотру и жертвоприношению Валке и Энлилу.

Услышав имя своего божества, камелийцы подняли вверх руки, восхваляя его.

Когда военачальники разошлись, в шатер вошел слуга, чтобы помочь Куллу надеть доспехи.

Тем временем первые отряды — Кандия и Тезиария — выступили из лагеря. Оставшиеся войска заканчивали построение у подножия холма.

Глава четвертая

северным воротам Ханнура, широко распахнутым, шли толпы народа: все спешили на ближайшее поле. Сегодня сам правитель Кхешии в окружении избранной знати и верховных жрецов будет присутствовать на смотре войск. Всем хотелось вблизи увидеть церемонию от начала до конца. Специальные отряды войск обеспечивали порядок. Воины стояли на расстоянии вытянутой руки друг от друга, сдерживая наиболее ретивых зевак.

Выбранное для смотра поле находилось неподалеку от лагеря кхешийских войск. Армия выстроилась вдоль дороги, по которой должен был следовать владыка. На другой стороне расположились зрители.

Там же ночью установили священную статую Великого Змея и жертвенный алтарь. Из главного капища Сатха привезли клетки с храмовыми питомцами. За статуей устроили загон для жертвенных животных. Таким образом, все было готово для

предстоящих торжеств. Можно было начинать церемонию.

Правитель Сенахт выехал из города верхом, возглавляя процессию, и это было нарушением всех традиций: владыку полагалось везти в закрытом паланкине, в сопровождении усиленной охраны.

Возмущенные жрецы пожаловались Сатхамусу, но тот лишь отмахнулся от них. Верховный жрец счел, что, когда у границ стоит враг, правитель должен предстать перед своим народом как лихой воин на горячем скакуне, а не как изнеженный лежебока.

К тому же Сатхамус, которому редко приходилось покидать Ханнур, хоть это и не вязалось с его деятельной натурой, любил лошадей, и любые поездки верхом за пределы города находили в его душе живой отклик.

Кавалькада под восторженные крики горожан покинула Ханнур. Сенахт подозвал к себе Халега и о чем-то горячо с ним спорил. Сатхамусу это было не интересно, он наслаждался поездкой, полностью отдавшись непередаваемым ощущениям единства с сильным и послушным животным.

Сидя в седле, он мог прекрасно видеть все, что происходило вокруг, — не то что из паланкина. Дорогу с двух сторон обступали глинобитные стены усадеб и постоянных дворов, из-за оград выглядывали крыши домов, утопавшие в зелени, тщательно политая брусчатка дороги блестела под солнцем. Давно уже Сатхамус не получал такого удовольствия: дышалось легко, а все трудности мнились вполне преодолимыми.

Процессия проезжала мимо храма всевидящей Нут. Позолоченный купол ослепительно сиял, над входом, образуя огромную арку, символизирующую беспредельное небо, нависала статуя богини.

Пригород сменили поля, разделенные на прямоугольники линиями оросительных каналов. Вдали виднелись рощицы финиковых пальм, радовавшие глаз яркой зеленью. Справа тихо нес свои воды священный Таис.

Наконец процессия приблизилась к месту построения армии. Воины, встречая военачальников, мерно ударяли мечами о щиты, и над дорогой стоял ровный гул. Правитель с Халегом проехали вдоль строя, придирчиво разглядывая воинов, и, миновав последний ряд, быстро поскакали к алтарю Сатха, возле которого для владыки установили трон. Тент над ним, по настоянию Сенахта, не натянули.

Правитель подал знак — удары о щиты прекратились, гул утих. Вперед выступил глашатай и хорошо поставленным громким голосом начал читать:

— Я, Сенахт, владыка Кхешии, потомок великого Сатха, защитник законов и справедливости, первый наместник Великого Змея на земле, попирающий стопами всех его врагов и вознаграждающий его друзей, приветствую своих подданных.

Глашатай замолчал; в ликующем реве многотысячной толпы его все равно никто не услышал бы. Выждав некоторое время, он продолжил:

— Сегодня мы собрались, чтобы приветствовать богов, хранителей Кхешии, и молить их о даровании нам победы. Этой ночью всевидящая Нут —

мать всех богов — ответила на наши нижайшие просьбы открыть будущее. Радуйтесь, люди! Великий Сатх не бросит своих детей в беде, и мы разобьем всех его врагов. После кровопролитной битвы победа будет нашей — так сказала всевидящая Нут.

Глашатай выдержал небольшую паузу и завершил речь:

— Возблагодарим всевидящую Нут за благоую весть, великого Сатха — защитника своих детей и грозного бога войны Монту — копыеносного покровителя владык Кхешии.

Этот короткий призыв вызвал еще одну бурю восхищенных криков. Когда они смолкли, наступило время жертвоприношений.

Жрецы в ритуальных одеждах с золотыми украшениями подвели к алтарю быка с позолоченными рогами. Животное было убрано лентами со священными текстами. Зазвучал хор младших жрецов — они исполняли гимн, восхваляющий великого Сатха. Служитель поднял кувалду. Один удар — и бык замертво свалился на землю.

Сатхамусу как верховному жрецу предстояло открыть церемонию.

Торжественно приняв от служителя острый жертвенный нож, Сатхамус медленно приблизился к быку, резким движением вспорол животному грудь, и, погрузив руку в теплую еще плоть, выдернул сердце. Едва заметно шевеля пальцами, так, что казалось, сердце еще бьется, жрец высоко поднял его над головой и повернулся к притихшей толпе.

В гробовой тишине Сатхамус, с ног до головы забрызганный кровью, горящим взглядом обвел зрителей. Это был миг его торжества, полной власти над мелкими людишками, и ради него жрец готов был умереть.

Под возобновившиеся звуки гимна он плавно опустил руку, провел ею над алтарем, обгряя его кровью, и осторожно положил сердце в клетку со священным питоном. Змея, которую нарочно задолго до жертвоприношения держали впроголодь, мгновенно заглотила кусок мяса.

Глашатай тут же объявил народу, что жертва принята благосклонно, а служители отволокли тушу в сторону, освобождая место для следующей жертвы. Сатхамус передал жертвенный нож другому жрецу и, передевшись, присоединился к свите владыки.

Жертвоприношения продолжались до тех пор, пока храмовые питоны не насытились. За этим зорко следили жрецы, ведь не съеденное подношение — плохой знак.

После церемонии по знаку Сенахта начался смотр войск.

Первыми показывали свое искусство лучники и пращники. В конце поля были установлены мишени — натянутые бычьи шкуры. По команде шеренга из сорока человек вышла на рубеж, и каждый выпустил несколько стрел или камней по мишеням. Зрители восторженно вопили, и даже сам правитель не поскупился на похвалу.

Едва они вернулись на место, раздалась команды военачальников, воины развернулись кругом

и начали движение. Казалось, будто колонна ожила и громадной змеей стала отползать в сторону. Между войском и толпой образовалось большое пространство. Прозвучал сигнал атаки, и тотчас со стороны лагеря сюда устремились несколько тысяч всадников. Мимо кричащих зрителей галопом неслись воины, слившиеся с лошадьми в единое целое. От разноцветных значков рябило в глазах. Они наступали, и, казалось, не было силы, способной остановить их. Это был ураган, сметающий все на своем пути.

Снова зазвенели трубы, играя отход. Конница перешла на рысь, затем на шаг, потом слаженно развернулась. Как бы ожидая этого, трубач опять подал сигнал к атаке. Под восторженные вопли конница пронеслась обратно. Доскакав до конца колонны, всадники переходили на рысь и направлялись в лагерь. Воины, освобождавшие им пространство, возвратились на прежнее место.

Затем выступали отдельные наездники и бойцы, бившиеся в поединках, а в заключение смотря армия промаршировала перед владыкой и его военачальниками. Как только прошла последняя шеренга, к Сенахту подвели коня. Он вскочил в седло и обратился к военным:

— Я доволен. Какая часть моих войск участвовала в маневрах?

— Ровно треть, владыка. Двадцать тысяч,— за всех ответил Халег.

— Надеюсь, оставшиеся две трети так же хороши.

— Да, владыка.

— Очень хорошо. Всех военачальников благодарю за достойную выучку и вооружение армии, да пребудет с вами великий Сатх. Больше я вас не задерживаю. Надеюсь, завтра ничто не помешает нашему выступлению.

Сатхамус подошел к Халегу и попросил последовать за ним в Ханнур.

Отдав последние распоряжения, правитель тронулся в обратный путь. Отъехав на некоторое расстояние, он подозвал к себе верховного жреца:

— Сегодня ты передал мне приглашение...

— Да, владыка. Тебя вместе с Халегом приглашают вечером в храм. Маги Черного Логова хотят обсудить предстоящую кампанию. Если мы сразу поедем туда, то успеем к началу. Если хочешь, можешь поужинать в храме. Я с большим удовольствием приму тебя в своей скромной обители.

— Хорошо. А как ты, Халег?

— Я согласен с тобой, владыка.

— Тогда мы готовы следовать за тобой, верховный жрец.

— Я с радостью провожу вас в главный храм Сатха.

Кавалькада обгоняла возвращавшихся в город людей. Сенахту торопливо уступали дорогу, радостно приветствуя его, и Сатхамус в который раз отметил про себя, что молодого правителя любит народ.

С возрастом он может доставить уйму хлопот. Необходимо посоветоваться с Тха-Таурагом.

Когда всадники достигли стен Ханнура, солнце уже коснулось горизонта. Лучи заходящего свети-

ла золотили поверхность великой реки и купола городских храмов. Всевидящая Нут готовилась проглотить свое детище, чтобы утром родить его снова. Скоро на небе зажгутся огоньки звезд — это тоже многочисленные дети богини.

В воротах владыка немного задержался, отдавая распоряжение закрыть их позже обычного, чтобы опоздавшие успели войти в город и не остались ночевать под открытым небом.

В городе Сенахт отпустил свиту и направился в сопровождении Халега в главный храм Сатха. Там их уже ждали. Правитель, не останавливаясь, прошел внутрь мимо склонившихся в почтительном поклоне жрецов, тулиец и Сатхамус поспешили за ним.

Высоких гостей встретил старший жрец. Приблизившись к Сатхамусу, он что-то сказал ему, и верховный жрец, выслушав его, обратился к правителю:

— Мой господин, не желаешь ли сначала отдохнуть и поужинать?

— После такого дня это очень кстати.

— Все уже готово, владыка. Старший жрец проводит вас. А теперь разреши покинуть тебя. Меня призывают неотложные дела.

— Следуй своему долгу, тем более что как сопотрапезник ты менее искусен, нежели как маг, — пошутил Сенахт и повернулся к ожидавшему жрецу: — Веди нас.

Правитель и Халег отправились в гостевые покои храма. Сатхамус проводил их взглядом и быстро вышел в боковую дверь.

Следуя за жрецом, Халег с интересом осматривался вокруг. В главный храм Сатха не пускали иноземцев. Не нуждайся Кхешия в воинском искусстве тулийца, ему бы даже заглянуть сюда не позволили.

Они шли по широкому прямому коридору. Стены украшали яркие фрески, повествующие о древней истории страны. Давно забытые герои сражались с бесчисленными врагами — людьми и чудовищами — во славу древних богов. Земледельцы возделывали тучные поля, простолюдины ловили рыбу, пасли скот и приносили щедрые дары на алтари небожителей. О возрасте фресок Халег мог судить по изображенному оружию: воины, штурмовавшие крепость, держали в руках бронзовые топоры, о которых в кхешийской армии давно уже забыли. Разве что дикари из Малых княжеств еще подызовались ими.

Не замедляя шага, Сенахт обратился к Халегу:

— Нам оказана великая честь. Нас ведут в парадные покои через главный вход. Вообще-то есть более короткий, но менее роскошный путь. Это зрелище предназначено для тебя, я уже много раз проходил и тем, и другим.

Коридор упирался в тяжелую дверь, створки которой при их приближении начали тихо расходиться, открывая проход в главное помещение храма.

Переступив порог, посетитель попадал в огромный круглый зал, свод которого поддерживали массивные колонны. Каждая имела нишу, где стояла статуя. Гигантские — в три человеческих рос-

та — изваяния символизировали богов кхешийского пантеона. Напротив входа, у противоположной стены, возвышалась статуя, вдвое превосходящая размерами все остальные. Это был Сатх в виде человека с головой кобры.

Пол зала выложен мозаикой с изображением паломников, творящих молитвы и приносящих богатые дары своему богу.

Едва переступив порог, Халег почувствовал стойкий запах животных. Ни дым светильников, ни постоянное проветривание не могли развеять его.

Халега потрясли размеры и величие храма, но при этом он не был подавлен, и не потерял способности наблюдать.

Проходя мимо Сатха, тулиец заметил, что справа, за спиной Великого Змея, стояла статуя без головы. Перед ней не горел светильник, и в хвалебных текстах на постаменте было тщательно соскоблено имя этого бога. Халега это сильно заинтересовало, но он решил оставить расспросы на потом.

Их провели в гостевые покои, где уже был накрыт стол и бассейн наполнен теплой водой.

Тем временем жрец Сатхамус встретился с Тха-Таурагом и другими членами Логова. Выслушав отчет о событиях дня, они начали обсуждать текущие дела.

Довольно скоро к ним присоединились Сенахт и Халег. Военный совет можно было начинать. От Халега не укрылось, что правитель рассматривает помещение так, будто видит его впервые. «Оказывается, здесь есть места, куда Сенахта не пускали», — подумал он.

Посередине комнаты стоял большой стол, поверхность которого представляла собой объемную подробную карту Кхешии. Все элементы были выполнены с особой тщательностью. От внимательного взгляда тулийца не ускользнуло, что в некоторых местах на карте имелись сколы. «Это исчезнувшие города, лежащие в руинах», — догадался он.

За столом сидели семь человек. Из присутствующих Халег знал только Сатхамуса, но сообразил, что главное место занимает Тха-Таураг, которого тулиец видел впервые.

— Приветствую тебя, владыка Сенахт, и тебя, Халег, от имени всех присутствующих, — начал Сатхамус и после небольшой паузы продолжил: — Вы все знаете, почему мы собрались. Позвольте изложить новые обстоятельства дела. Как вам известно, прошлой ночью всевидящая Нут говорила с нами. Богиня дала предсказание, которое можно толковать двояко, но в одном можно не сомневаться: скоро произойдет битва. И начнется она где-то здесь.

Тонкий лучик света вылетел из указательного пальца мага и указал на карте место между Тшепи и Ханнуром.

— Взгляните на карту. На левом берегу Таиса находится город Туит. В этом месте можно перекрыть реку судами. Кулл проведет корабли мимо города и упрется в преграду. Его флот окажется в ловушке. — Сатхамус окинул взглядом членов совета и пояснил: — Варвар — прекрасный стратег, поэтому он высадится на берег, возьмет город и, прикрываясь его стенами, сожжет преграду. Река

здесь широка, и стрелы, пущенные с другого берега, не причинят ему вреда. Мы же встретим его вот тут и не дадим пройти дальше.

— Прости, Сатхамус, но чтобы подняться на судах вверх по Таису, необходимо миновать Тшепи, а ведь его очень трудно взять приступом. Может, варвар пойдет по суше? Или вы неправильно определили время битвы? — перебил мага Халег.

Тха-Таураг неодобрительно посмотрел на тулийца. В другое время он наказал бы нечестивца, осмелившегося перебить верховного жреца. Но сейчас маг решил выслушать ответ Сатхамуса.

— Еще луну назад в Таис пришел весь флот Кулла, и было построено много речных судов. Еще три дня назад возле Тшепи появились первые корабли, осадившие город, — сказал верховный жрец. — Тшепи — сильная крепость, взять ее трудно, но не невозможно. Кулл — опытный воин. Он не оставит за спиной вражеский город. Кроме того, только что пришло послание от жрецов храма Сатха в Тшепи: сегодня днем под стенами появилась конница варвара, а на правом берегу передовые части пехоты разбивают лагерь. Как ни прискорбно, но город завтра падет. Мы предупредили жрецов. Они знают об участии города и постараются не допустить этого. — Сатхамус сделал паузу, затем продолжил: — Мы выступаем завтра утром, через четыре дня достигнем Туита. Скорее всего, Кулла там еще не будет, он появится лишь на следующий день. Вот тогда и произойдет битва. Боги видят дальше нас и не ошибаются. Следующая полная луна будет через четыре седмицы, а Кулл

слишком нетерпелив, чтобы ждать так долго. Я ответил тебе, Халег?

— Да, великий Сатхамус.

— Теперь вы понимаете, насколько все серьезно. Если раньше мы предполагали, что варвар пойдет до Эпанга и затем ударит по Ханнуру, то сейчас все изменилось: за время плавания по реке армия Кулла отдохнет, а не будет измучена долгими переходами, поэтому у Туита нас встретит сильный противник.

— Надеюсь, ваше искусство поможет нам, — сказал Сенахт, до того молча слушавший. — В борьбе с таким противником ваша помощь необходима.

— Да, мы сделаем все от нас зависящее. В другое время любой из нас смог бы разогнать армию варвара и обеспечить победу. Сейчас же Кулл подготовился очень серьезно. У него на службе состоит несколько чародеев — если и не равных нам, то и ненамного слабее. К тому же он захватил с собой Щит Хотата. Владыка, Щит Хотата — очень сильный талисман. Жрецы все искуснее обращаются с ним, и это может разрушить наши планы. Нам следовало бы противопоставить ему не менее сильный талисман, но у нас такого нет, — сказал Сатхамус, выражая общее мнение магов.

— Кто сказал, что у нас его нет?

Все с удивлением посмотрели на Тха-Таурага. Наступила мертвая тишина.

— Много веков назад, во время нашествия хайборийских племен, Черное Логово впервые обратилось за помощью к великому Сатху. Те, кто читал древние рукописи, знают: жрецам пришлось

заплатить за это высокую цену. Но это не вся история, у нее есть продолжение: после окончания ритуала на алтаре появилась чешуйка огромного змея — как подтверждение того, что Сатх снизошел до смертных. С помощью этой чешуйки мы остановили тогда варваров. — Глаза Тха-Таурага засверкали. — Затем среди магов началась резня за обладание ею. Ведь на всем свете не было более сильного оружия. В конце концов решил спрятать дар бога, а уцелевшие маги поклялись не использовать его. Однако сейчас пришло время извлечь этот талисман на свет. Он хранится в подземелье под алтарем Сатха, в этом храме.

Глава пятая

Король обходил строй воинов, построившихся в четыре шеренги, пристально глядя на каждого бойца, стараясь выявить любые мелочи, которые могли бы нарушить их план. Ему предстояло проникнуть по подземному ходу в Тшепи, и атлант благодарил богов, что кхешийцы построили храм Сатху именно в цитадели, считавшейся неприступной. Усирзес говорил правду — это подтвердили и Брул с Рамданом, и только что вернувшиеся лазутчики, которые обнаружили подземный ход в покинутом храме богини Нут и прошли по нему до плиты, прикрывавшей выход. Командир лазутчиков, хорошо знавший кхешийскую речь, подтвердил: за плитой ведутся приготовления к обряду, посвященному Сатху.

Куллу стоило больших трудов убедить приближенных, что он должен лично проникнуть в храм хотя бы потому, что Щит Хотата обретал полную силу только в присутствии короля. В том, что талисман понадобится, атлант был совершенно уве-

рен, а своему чутью он привык доверять. Он и слышать не хотел о том, чтобы оставаться в безопасности, пока его люди пойдут на трудное и опасное дело. В этом был весь атлант!

Странный камень, именовавшийся Щитом Хотата, Кулл отыскал его в заброшенном храме, высоко в горах Зальгары. Накрепко впаянный в алтарную плиту, синий самоцвет упорно не желал поддаваться всем усилиям спутников короля выковырять его — но стоило самом атланту подставить ладонь... и камень лег в нее, засверкав мириадами граней.

Держа талисман в руке, Кулл испытал странное чувство защищенности, уверенности в себе. Казалось, кристалл что-то шепчет ему едва слышно, что-то обещает, благословляет.

Жрецы позже объяснили владыке, что этот храм, на который они натолкнулись совершенно случайно в поисках укрытия от застигшей их в горах снежной бури, именовался Незримой Святыней. О нем было сложено немало легенд.

Рассказывали, к примеру, что храм появляется лишь перед избранными, да и то чаще всего лишь как смутное видение, но стоит человеку попытаться войти внутрь — и он исчезает бесследно.

Так что Кулл и его спутники оказались первыми людьми, пересекшими порог Незримой Святыни за многие века. А камень на алтаре как будто нарочно поджидал атланта.

Сперва недоверчивый варвар преисполнился дурных предчувствий. Уж больно гладко все складывалось. Однако придворным летописцам уда-

лось разыскать в книгохранилище древнейшие свитки, где излагалась история храма. Оттуда и узнали, что святыня была в незапамятные времена посвящена богу Хотату, покровителю Валузии, и однажды, явившись своим верным служителям во плоти, бог оставил на алтарной плите чудесный синий самоцвет.

Это и был талисман, получивший имя Щит Хотата. По преданию, он давался в руки лишь истинному правителю страны, отважному и мудрому, и служил ему верой и правдой, покуда тот действовал во благо Валузии и ее народа. Стоило же ему сойти с этого пути, и гнев бога обрушился бы на отступника.

Кулл, услышав об этом, ощутил в душе законную гордость: стало быть, и древние валузийские боги признали его достойным трона. Тогда он дал себе клятву, что сделает все, что в его силах, дабы Валузия стала самой счастливой и процветающей страной на континенте. Боги доверяли ему. Он всем сердцем стремился оправдать их доверие!

Досадовал король лишь на то, что ни в одном из древних манускриптов не описывалось, каким именно способом будет помогать чудесный талисман своему владельцу. Сила в камне чувствовалась немалая, однако как применить ее... это уже другой вопрос.

Кулл спросил об этом Рамдана, когда получше узнал камелийца и стал достаточно доверять ему. Он даже показал камень магу в надежде, что тот откроет какие-то секреты кристалла, оставшиеся тайной для жрецов Хотата и Валки, а также для

придворных чародеев. Южанин долго крутил талисман в сильных смуглых пальцах, хмыкал задумчиво, однако так и не сказал ничего определенного.

«В нем сокрыта огромная мощь,— сказал Рамдан Куллу.— Думаю, я смог бы ею управлять, служить проводником магической энергии. Я знаю, я делаю подобные вещи с более слабыми артефактами и полагаю, справился бы и с этим. Но ни один человек не сможет заставить Щит Хотата подчиниться, не сумеет насильно извлечь его силу. Нам остается только ждать, когда талисман сам пожелает проявить себя. Но в этот миг я буду наготове!»

Куллу ничего не оставалось, кроме как покориться. Хотя он твердо решил всегда рассчитывать лишь на себя и на своих воинов, а не на магические амулеты. Подарки богов — слишком капризная штука, чтобы вверять им свою судьбу! Но отныне все же брал Щит Хотата с собой, куда бы ни направлялся. Сейчас оно особенно остро чувствовал, что камень понадобится им в грядущем предприятии.

Конечно же, он горел желанием первым отправиться в город. Никто не сумел бы остановить атланта, горящего жадой битвы. Они и не пытались, зная заранее, что это дело безнадежное. Правда, ему пришлось пообещать военачальникам, что он будет беречь себя.

На ходу оправаля амуницию выстроившихся бойцов, Кулл вспоминал минувшие события.

Форт Нехебт оказался покинутым. Когда армия подошла к нему, к королю подъехал Тезиарий и

доложил обстановку: его отряд скорым маршем идет к городу, в конце дня они разобьют лагерь напротив Тшепи и будут готовиться к завтрашней переправе.

Проезжая мимо ворот форта, Кулл обратил внимание на сваленные в кучи трофеи. Это были в основном храмовая утварь и подношения паломников: серебряные подсвечники, лампы, статуэтки Великого Змея, в большинстве своем — золотые. Да, богатая добыча.

Кулл вдруг поморщился. Военачальники докладывали ему: в армии распространяются слухи об огромных сокровищах, ждущих их в Тшепи. Это грозило тем, что, ворвавшись в город, войско станет неуправляемым.

Король вздохнул: грабежи он предотвратить не мог, в его силах было лишь как-то ограничить их. Поэтому армии зачитали приказ: Тшепи отдавался на разграбление только на день и ночь; все не явившиеся к утру на пристань считались дезертирами. А с ними разговор короткий — об этом все знали.

Окинув взглядом последнего воина, Кулл подал сигнал к выступлению. Четыре сотни воинов в полной тишине начали спускаться к Таису. Там их ждали надутые козы мехи и небольшие плотики, на которые погрузили доспехи. Король взял мех и первым вошел в реку.

Вода приятно холодила тело. На темном небе мерцали звезды. Кулл сразу вырвался вперед, но веревка, связывавшая мехи в цепочку, тут же натянулась, и пришлось поумерить пыл. Быть заме-

ченным из города они не опасались: на противоположном берегу хозяйничала конница военачальника Кандия.

Переправа прошла успешно. Воины разобрали вооружение и построились в колонну, а Усирзес, встав во главе, уверенно повел отряд к покинутому храму.

Вдоль дороги время от времени попадались величественные статуи кхешийских богов. Они тихо наплывали из темноты, а потом медленно исчезали, провожая воинов застывшими взглядами.

В полной тишине казалось, будто каменные истуканы вот-вот оживут и набросятся на чужаков, потревоживших их покой. Некоторые воины сжимали в кулаках отводящие беду талисманы. Всем было не по себе. Казалось, тревога сгустилась в воздухе.

Внезапно дорогу преградил конный разъезд. Воины схватились за оружие.

— Пароль, — обратился к пехотинцам командир разъезда.

— Хотат. Ответ? — потребовал Кулл.

— Тшепи, мой король, — отозвался всадник, узнавший атланта по голосу. — Нужна наша помощь?

— Нет.

— За мной! — скомандовал всадник отряду и поскакал в темноту.

Кулл молча продолжил путь. Эта встреча развеяла все страхи, и до храма дошли быстро и без приключений. Здесь король велел остановиться и созвал сотников, чтобы отдать последние распоряжения.

Сигналом к спуску в подземелье послужил восход полуночной звезды. Кулл и Усирзес первыми нырнули в лаз, за ними спустился Рамдан, несущий Щит Хотата, следом потянулась первая сотня. Три другие остались ждать особого приказа. Атлант разрешил зажечь несколько факелов, только чтобы видеть, куда ступать: воздух в туннеле и без того был спертым.

Идти было удобно. Ширина прохода (примерно в два десятка шагов) и достаточная высота его (Куллу только слегка приходилось пригибать голову) позволяли передвигаться быстро.

Грубо обработанные стены и потолок коридора несмотря на свой возраст были в хорошем состоянии. Даже балки, подпиравшие в некоторых местах потолок, пощадило время. Этому, несомненно, способствовал сухой воздух — хотя и спертый, но не затхлый.

Вскоре проход резко пошел вверх, и вот Кулл уже ступил на лестницу. Через сто ступеней подъем закончился у плиты, перекрывавшей выход. Из-за нее доносились приглушенные звуки свершаемого обряда.

Усирзес показал Куллу нишу справа от плиты. Там стояло изваяние кобры, приготовившейся к нападению. Осветив статую факелом, король увидел, что левый глаз змеи слегка выступает вперед, и без объяснений понял, как открыть плиту. Он жестом подозвал к себе сотника:

— Отправь двоих назад — пусть скорее приведут остальных.

Сотник ушел.

— Мой король, — обратился к Кулле Рамдан. — надо немедленно прервать совершаемый ритуал. Я вслушался в слова заклинания — там вызывают демона, который должен сегодня ночью напасть на наш лагерь. Демон может натворить много бед, если вырвется из храма, ведь мы унесли талисман.

Рамдан достал из сумы Щит Хотата. Камень тревожно пульсировал голубоватым светом, подтверждая слова жреца.

О том, чтобы дождаться конца церемонии и без лишнего шума выйти наверх, помышлять не приходилось — это Кулл понял сразу.

— Рамдан, ты знаешь, что делать со Щитом Хотата и демоном. — Кулл нажал на глаз кобры. — К оружию! Делай как я! — скомандовал он воинам, выхватывая из-за спины топор.

Послышался скрежет, плита медленно стала подниматься. Кулл подтолкнул ее снизу, и, когда проход открылся, прыгнул вперед. За ним последовали воины.

Очутившись в зале, атлант бросился на ближайшего жреца, который нацелил в него нож. Жрецы, как заметил Кулл, быстро оправались от удивления и смело кинулись на врагов, вооруженные только кинжалами.

Король размахнулся и ударил жреца. Тот пытался отклониться, но не успел и упал с раскрытым черепом.

Выбежавшему из-за спины атланта воину повезло меньше: нож жреца достал его. Кулл снова взмахнул топором, но удар пришелся в пустоту: его противник сумел отпрыгнуть. Теперь защищаться

пришлось уже королю. Он поднял топор и выставил его вперед обухом, останавливая следующий удар кхешийца, затем немного повернулся и обрушил оружие на другого противника, перерубив ему позвоночник.

Кулла окружили воины, оттеснившие жрецов. Уже немало валузийцев выбралось из подземного туннеля, и теперь шла настоящая резня. Жрецы падали под ударами мечей и копий, но не просили пощады и не отступали. Иногда им удавалось проткнуть какого-нибудь воина ножом.

Воспользовавшись передышкой, Кулл огляделся вокруг.

Глазам его предстал громадный круглый сводчатый зал, массивные колонны поддерживали купол. За спиной у Кулла возвышалась гигантская статуя Сатха. Напротив находился главный вход в храм, у которого стояло какое-то уродливое изваяние, взиравшее на мир мертвыми глазами.

Ворота, как с удовлетворением отметил Кулл, были закрыты, однако двое жрецов пытались поднять засов.

Атлант остановил выбегающих из подземного хода воинов и показал на кхешийцев:

— Не дайте им открыть ворота.

Воины, прицелившись, метнули копья, и два труп рухнули на пол.

Когда в живых осталось всего несколько жрецов, отбивавшихся от валузийцев коньями и мечами, отнятыми у врагов, исход боя ни у кого не вызывал сомнения. Внезапно один из кхешийцев отпрыгнул в сторону и побежал к изваянию, сто-

явшему у входа. Приблизившись к нему, он быстро начал что-то тереть на полу.

Мгновение — и статуя ожила: именно она и была демоном, которого вызывали жрецы.

Демон выпрямился во весь свой огромный рост — Кулл едва доставал ему до плеча. Более всего исчадие Тьмы походило на усыпанную крупными бородавками белую лысую обезьяну с большими мускулистыми руками. На глазах у людей он начал быстро меняться в цвете и, когда покраснел до темного рубина, прыгнул.

Первое его жертвой стал воин, которому не посчастливилось оказаться поблизости. Чудовищный демон схватил человека за ноги и без видимых усилий разорвал на части. Другому воину, спешившему на помощь, гнусное отродье Сатха перегрызло горло.

Тем временем воины оправились от потрясения и набросились на нового врага. Образовался живой круг, центром которого был громко ревущий демон. Высыпавшие из подземного хода последние бойцы тут же вливались в схватку.

Воины обрушивали на чудовище множество ударов, но демон, казалось, не чувствовал их. Он быстро скакал внутри круга, хватая противников одного за другим. Со всех сторон на монстра сыпались удары, но он, завывая от боли, продолжал крушить все вокруг.

Казалось, будто в круге мечется рубиновая молния. Воины пытались уворачиваться от страшных клыков и рук чудовища, но демон двигался все быстрее, и избегать его становилось труднее.

Монстр хватал человека за руки, дергал на себя, и, если не отрывал конечность, дело довершали мгновенно смыкающиеся челюсти. Очередная жертва не успевала упасть на пол, как демон прыгал к следующей. Пол был залит кровью и завален трупами.

Прошло совсем немного времени, а уже погибло тридцать человек. От вида крови демон все более распалялся.

Несмотря на численно превосходство людей силы были неравны: злобная тварь явно брала верх. Воины начали отступать, они больше не рвались в бой, а перешли в оборону.

Кулл понял, что еще немного — и от сотни не останется ни единого человека, если что-нибудь не предпринять.

Отступавшие воины были уже рядом с королем. Настало время атланту вступить в битву. Он принял единственно возможное в этой ситуации решение. Страх отступил...

Когда демон на мгновение остановился, выбирая новую жертву, Кулл громко крикнул, привлекая его внимание.

Демон заметил короля, державшего высоко над головой топор. Они одновременно прыгнули навстречу друг другу.

Кулл изо всех сил ударил топором и почувствовал, как он входит в тело монстра, но тут же немислимый удар отбросил его на пол.

Через миг варвар снова стоял на ногах, сжимая топор, который так и не выпустил из рук. Однако противник не атаковал.

Кулл удивленно смотрел на демона. Тварь застыла на месте, вытянув вперед правую руку, а на ее левом плече зияла огромная рана, из которой толчками выливалась зеленая жидкость, заменявшая чудовищу кровь.

— Отойдите от демона! — услышал Кулл властный голос и, обернувшись, увидел Рамдана, идущего к монстру.

Маг произносил на ходу какие-то заклинания, в правой руке сжимая Щит Хотата. От камня тянулись синие нити, которые сетью опутали и полностью парализовали чудовище. Демон не мог шевельнуться и только дико вращал глазами. Чем ближе Рамдан подходил, тем плотнее становилась сеть. Потом нити, исходящие из талисмана, стали свертываться в единый жгут, который потянулся к голове демона.

— Встань, — сказал Рамдан. Монстр повиновался. — Возвращайся в пентаграмму.

Краем глаза Кулл уловил движение возле одной из колонн. Какая-то тень метнулась к Рамдану. Не раздумывая, атлант бросил туда топор. Раздался крик, послышался звук удара. Подоспевшие воины подняли с пола оглушенного жреца — того самого, который стер пентаграмму и выпустил чудовище.

На все это ни Рамдан, ни демон не обратили внимания. Они спокойно дошли до места, где была нарисована пентаграмма, демон встал внутрь, а Усирзес, не принимавший до того участия ни в битве, ни в пленении монстра, приблизился и начал восстанавливать магический знак.

Едва он закончил, Рамдан продолжил читать заклинания. Чем дольше он говорил, тем более тускнел демон. Вскоре на уже белоснежном его теле отчетливо проступили многочисленные раны и порезы, которые тут же стали затягиваться, а само чудовище становилось все более прозрачным.

Перед тем как вовсе исчезнуть, оно, как показалось Куллу, с благодарностью посмотрело на камелийца. Когда Рамдан замолчал, пентаграмма была пуста.

— Взгляни, мой король, — сказал Усирзес.

Кулл посмотрел на пол: магический знак был нарисован на носилках.

— Жрецам Сатха не откажешь в изобретательности. Они собирались на носилках вынести демона за город и там выпустить его. Страшно подумать, что мог натворить этот монстр в спящем лагере! — воскликнул кхешиец.

— Лучше скажи, Усирзес, и ты, Рамдан, как они потом собирались укротить демона? — поинтересовался атлант.

— Наверное, это ночной демон, и с наступлением утра он исчез бы сам. Или жрецы знают его полное имя, то есть имеют над ним огромную власть. Или они хотели, чтобы демона остановили мы. Тут можно только гадать. Лучше спросить у жреца Сатха. — Усирзес показал на пленника. — А сейчас разреши мне помочь раненым.

— Хорошо, помоги. Ты же, Рамдан, допроси пленного. Жрецы очень упрямые, мне, я думаю, он ничего не скажет. Тут нужен другой подход. Ты наверняка с этим справишься. И еще спроси у него

помимо всего прочего, почему они не использовали против нас магию.

— Да, мой король.— Рамдан, поклонившись, пошел исполнять поручение.

Осмотревшись вокруг, Кулл с удовлетворением заметил, что воины не сидят без дела. Одни помогают раненым товарищам, другие растаскивают мертвых: жрецов Сатха — в одну сторону, вадузийцев — в другую.

К нему подошел сотник:

— Мой король, наши потери — тридцать семь человек убитых и пятеро раненых, из них тридцать пять уложила эта зверюга, чтоб ее съел Хонен со всеми потрохами. В храме две двери: одна — центральный вход, другая — за статуей змеи. Эта дверь была открыта, за ней стоят клетки со змеями. Мы не стали их трогать. Еще есть третья дверь, которая закрыта на засов с нашей стороны. Я оставил возле нее стражу — двух воинов. Остальные приводят в порядок помещение. Жду твоих приказаний.— И сотник протянул Куллу его топор, уже очищенный от крови.

— Отлично, сотник. Найди двоих воинов помышленее, говорящих по-кхешийски. Одень их жрецами Сатха и приведи ко мне. Пойдут лазутчиками. Мне и Усирзесу тоже принеси плащи. Ты останешься здесь, дожدهшься остальных. Если от меня не будет вестей до утра, действуй по обстановке. Ясно? Выполняй.

— Мой король, не слишком ли это опасно? Среди жрецов нет столь же крупных людей, как ты. В их одежде ты будешь выглядеть смешно, каждый

узнает в тебе чужеземца и поднимет тревогу,— сказал Усирзес.

— Глухая ночь на дворе. Некому надо мной смеяться. Поэтому сделаем, как я сказал.

Кулл направился к главному входу. Ворота были сделаны из толстых, хорошо подогнанных — без зазоров — брусьев, засов, однако, открывался простым поворотом на оси, и только спешка объясняла, почему двое жрецов не могли открыть дверь. Атлант надавил засов, тот легко вышел из скоб и повернулся. Осталось только толкнуть дверь.

Кулл окинул взглядом зал. Теперь о битве напоминали только поваленные светильники и пятна крови на полу, а возле статуи Сатха лежали обезглавленные тела.

— Как ты думаешь, Усирзес, чьи это трупы у алтаря?

— Это, наверное, жертвы, мой король. Демона, отведавшего живой человеческой крови, непреодолимо тянет попробовать ее снова. Поэтому он так и распалился — ему нужна была свежая кровь. И чем больше он ее пил, тем больше ему хотелось еще и еще.

— Все ясно. Спасибо...

Король как раз думал о том, как мало времени прошло с момента их появления в храме, когда к ним подошел сотник в сопровождении двух невысоких воинов, одетых жрецами Сатха. В руках сотник держал два плаща жрецов.

Кулл снял с себя доспехи и надел плащ, который прикрывал его икры только до середины. Оставалось уповать на то, что темнота и нерастороп-

ность часовых, не ожидающих врага в цитадели, сделают свое дело. Невысокому Усирзесу было проще. Кулл уже взялся за ручку двери, когда сотник вдруг сказал:

— Мой король, что-то случилось — сюда бежит часовой от задней двери.

Кулл обернулся: к ним спешил воин.

— В заднюю дверь настойчиво стучатся! — выпалил воин.

— Ты успел вовремя, — похвалил Кулл.

Атлант сразу понял серьезность положения: их могли раскрыть раньше времени.

«Надо узнать, что нужно тем, за дверью, — подумал он, — а там посмотрим, что к чему. Если это воины и в цитадели тревога, придется уходить отсюда, а это плохо. С другой стороны, разве воины идут с черного хода? Они ломились бы через главный... Скорее всего, это местные жрецы. Мы пока, к счастью, не обнаружены, хотя это может быть и ловушка. Жаль откладывать разведку.»

Подумав, Кулл принял решение.

— Ну что ж, пойдем посмотрим, кто там, — сказал он. — Сотник, скоро здесь будет полно народу. Скажи своим, чтоб собрались в одном месте, поближе к задней двери. И потуши светильники. Хватит и трех горящих ламп. Затем подходи к нам. Остальные — за мной.

В заднюю дверь, и правда, очень громко стучали. Часовой, увидев приближавшегося короля, вытянулся в струнку.

Они вошли в небольшую, вытянутую в длину комнату, освещенную двумя светильниками. Вдоль

стен стояли клетки, в которых ползали храмовые питоны. У атланта закружилась голова от стойкого запаха змей. Остальные чувствовали себя не лучше.

— Докладывай, — приказал Кулл часовому.

— Мой король, стучат очень настойчиво, — тихо ответил часовой. — И с каждым разом все громче.

— Хорошо. Валка, как ты тут дышишь?

— Принюхался, а поначалу, конечно, что и говорить, было тошно.

— Ладно. Усирзес, ты один знаешь обычаи жрецов, поговори с ними. Потушите светильники.

Когда глаза присутствующих привыкли к полутме, Усирзес сказал:

— Чтобы поговорить с ними, придется открыть дверь.

— Ну, если без этого нельзя, открывай.

В дверь опять постучали. Жрец осторожно поднял засов, потом надавил на дверь. Она легко поддалась и немного приоткрылась. В появившуюся щель ударил свет факела.

— Во имя Великого Змея, кто посмел нарушить церемонию? — спросил Усирзес.

— Да пребудет с тобой Сатх, это я, Нутхес, у меня срочное известие для верховного жреца. Позови его.

— Хорошо, подожди снаружи. Я передам ему твои слова. — Усирзес закрыл дверь и шепотом обратился к Куллу: — Мой король, судя по всему, нас еще не обнаружили.

— Это хорошо. Продолжай, до сих пор у тебя неплохо получалось. Я рад, что в тебе не ошибся.

Выждав какое-то время, Усирзес снова открыл дверь:

— Верховный жрец не может выйти к тебе. Он велел мне говорить с тобой, Нутхес. Я запомню и передам твои слова в точности.

— Мне поручено сказать, что варвара нет в лагере. Мы потеряли его след. Одно точно известно — они находятся на нашем берегу. Еще передай, мы очень устали, это затрудняет поиски. Необходимо сменить хотя бы двоих, я еще могу выдержать. Конечно, лучше сменить всех нас, ведь мы ведем наблюдение с восхода солнца. Наши силы истощены...

— Все передам, как только смогу. — Усирзес прикрыл дверь и обратился к ожидавшему неподалеку атланту, — Мой король, небо покровительствует нам.

— Я понял, что ты сказал жрецу. Слушайте меня все. Сейчас вы двое пойдете с Усирзесом и смените жрецов Сатха, — сказал Кулл переодетым в жрецов воинам. — Постарайтесь, чтобы все прошло гладко. Жрецы ничего не должны заподозрить. Вы двое, — обратился он к часовым, — пойдете за ними следом и, когда жрецы выйдут и отправятся на отдых, проследите за ними, куда они пойдут. Я так думаю, все они ночуют в одном месте. Потом возвращайтесь сюда. И хорошенько запомните дорогу! Как, справитесь?

— Да, король.

— Усирзес, ты готов? Тогда начинай поскорее. Время не ждет!

Жрец подошел к двери и открыл ее:

— Сатх услышал твои молитвы. Верховный жрец очень недоволен вами и сразу послал нас вам на смену. Пойдем скорее.

Нутхес без лишних слов пошел впереди, освещая факелом дорогу. За ним последовали Усирзес и двое переодетых валузийцев. Вскоре дверь приоткрылась снова, и две тени выскользнули в ночную темноту.

— Сотник!

— Я здесь, мой король.

— Слушай меня внимательно. Когда вернутся лазутчики, возьми с собой полсотни воинов и сходи проведать жрецов и их охрану. Если будут сопротивляться, вырежешь всех, чтобы завтра у нас было меньше опасных врагов. Теперь найди пару воинов и переодень их жрецами. Нам предстоит небольшая прогулка.

— Но что нам делать, если вдруг лазутчики не вернутся?

— Это плохо. Поставь здесь своего человека. Если появятся жрецы, пусть бьет тревогу. Тогда уж тебе придется резать их здесь, а не там. Если придут их воины, закрой дверь на засов. Пусть стучатся сколько вздумается. Выполняй.

Кулл остался в комнате один, если не считать притихших змей. Вошел часовой со светильником и, подойдя к королю, вытянулся в ожидании приказаний.

— Скажи мне, что ты обязан делать?

— Я должен стоять на страже, мой король. Если появятся наши воины, я должен известить сотника. Если кхешийские воины или жрецы Сатха —

тогда закрыть дверь на засов и известить сотника. Я правильно запомнил?

— Все хорошо, ступай.

Стражник выставил в коридор светильник, затем вернулся и прикрыл дверь, оставив небольшую щелку, чтобы наблюдать за коридором.

Посмотрев немного на воина, Кулл покинул комнату и отправился в зал. Последнее, что он слышал с порога, — это бормотание стража, обращенное к змеям:

— Что, гады, ползаете? Ну и вонь от вас!..

Глава шестая

а черном небе ярко сияла полуночная звезда, самая яркая и крупная. Еще немного — и рассветет. Это время Тха-Таураг выбрал для того, чтобы спуститься в подземелье. В спутники он выбрал только Сенахта с Халегом и двух храмовых рабов, которые несли факелы и две кирки.

Маг не взял с собой никого из собратьев по ремеслу. Им незачем было знать о ловушках, охраняющих талисман — чешуйку Великого Змея. Сатхамус и другие члены Черного Логова остались ждать в зале, перед входом в подземелье.

Когда плита поднялась, открывая проход, в свете факелов Халег увидел ступени, ведущие вниз. Из отверстия повеяло холодом. По запаху тулиец определил, что подземный ход хорошо проветривается.

Тем временем Тха-Таураг отдавал последние указания оставшимся. В душе посмеиваясь над ними, он всех видел насквозь. Все были раздоса-

дованы тем, что раньше не были посвящены в тайну. Каждый уже строил планы, как завладеть талисманом, как подчинить себе с его помощью всех собратьев. Каждый знал, что в чешуйке Великого Змея заключена огромная власть, и каждому хотелось обладать ею.

Закончив с распоряжениями, Тха-Таураг подал знак спускаться. Первым на лестницу ступил раб с факелом в руке, вторым — маг. За ним последовал другой раб, освещая путь для правителя и Халега, замыкавших отряд. Тулиец считал про себя ступени. Их было сто. Затем спуск перешел в прямой коридор, по которому они пошли дальше.

— Куда ведет этот ход? — спросил Сенахт у мага.

— За город, владыка. Он кончается под алтарем всевидящей Нут, мимо храма которой ты вчера проезжал.

Пройдя по коридору шагов двести, маг остановился перед фреской на стене. Они уже миновали множество разных фресок, но магу была нужна именно эта — изображение Отца Тьмы, испепеляющего огнем своих врагов.

— Великий Змей, сожги же наших врагов, как сжигаешь своих, — прочел Сенахт.

— Посвети сюда, — приказал Тха-Таураг.

Раб наклонил факел и полностью осветил голову Сатха.

— Запомните — необходимо нажать на левый глаз. — Маг проделал это. Раздался щелчок. — Теперь навалитесь на стену, — велел он рабам.

Стена начала со скрежетом поворачиваться, открывая проход. На людей пахнуло застоявшимся

ся воздухом, так что перехватило дыхание. Когда дверь открылась наполовину, маг остановил рабов. Отряд зашел внутрь.

— Положите кирки и закройте дверь. — Когда это было исполнено, маг дал последние наставления: — Держитесь возле меня, не заходите ни в какие боковые коридоры, не поднимайте ничего с пола. Здесь много ловушек, о существовании которых вы даже не догадываетесь.

Они тронулись в путь. Множество помещений имели боковые ответвления, и Халег понял: он попал в настоящий лабиринт. Тулиец хотел было сделать на стене отметку на очередном повороте, но его попытку немедленно пресек недовольный маг:

— Здесь опасны и стены!

Халег ему сразу поверил.

В проходах иногда поблескивало золото, под ногами валялись золотые монеты и украшения, и тулиец с большим трудом подавлял в себе желание поднять что-либо или свернуть в боковой коридор. В некоторых ответвлениях Халег замечал обнаженных женщин, которые призывно тянули к нему руки.

Халег взглянул на правителя: тому тоже приходилось не сладко. Только маг и рабы ни на что не обращали внимания и не глазели по сторонам. Они уверенно шли вперед.

Тулиец удивился, как идущий первым раб мог так хорошо знать дорогу, по которой не ходили уже тысячу лет.

— Послушай, Сенахт, откуда раб знает дорогу?

— С чего ты взял, будто он ее знает? Это все фокусы Тха-Таурага. Он просто отключил сознание и память рабов. Как видишь, это очень удобно: не надо понукать ими, и потом они не смогут ничего вспомнить, даже под пыткой.

— А мы? — спросил Халег.

— Не знаю. Сейчас мы нужны ему. Так что пока можешь не тревожиться.

Однако тревоги Халега до конца не рассеялась. Чтобы немного отвлечься, тулиец сосредоточился на дороге.

Если в комнате было три прохода, отряд не сворачивал ни вправо, ни влево, а шел по центральному, если проходов было два — по правому. Если выходов было более трех, почему-то выбирали левый путь от центрального прохода. Казалось, разгадка близка.

Внезапно произошла небольшая заминка. Задумавшись, Халег чуть не толкнул в спину застывшего спутника.

Маг напряженно всматривался в один из проходов, одолеваемый внутренней борьбой между благоразумием и желанием обладать тем, что открылось его глазам.

Благоразумие победило. Маг печально вздохнул, и они продолжили прерванный путь. Проходя мимо этого ответвления, Халег заглянул внутрь. Там лежал манускрипт, уже посеревший от времени, на обложке тулиец успел заметить несколько иероглифов. Эта книга действительно представляла огромную ценность, если чуть не заставила Тха-Таурага забыть об осторожности.

— Ты понял, что там написано? — спросил Халег у Сенахта.

— Нет, мне неизвестны эти иероглифы. Они очень древние, их смысл понятен только Тха-Таурагу. Надо расспросить его о книге, может быть, он и ответит.

Наконец маг остановился у закрытой двери — первой встретившейся им на пути за время блуждания по лабиринту.

— Халег, встань рядом со мной, а ты, Сенахт, возьми у раба факел, — сказал маг и начал произносить заклинание.

Слова эхом разносились по проходам, с потолка посыпался мусор, в воздухе заметались какие-то твари. Со всех сторон раздавались шуршание, писк, кланье когтей по полу.

Халег оглянулся. В проходе, за кругом света от факелов, горели сотни глаз, смотревших на них. Этим тварей привело сюда заклинание мага.

Наконец Тха-Таураг замолчал, и створки двери медленно разошлись в разные стороны. Открывшаяся комната была пуста. Единственным украшением служили две колонны у дальней стены. Между ними утопала в стене небольшая ниша, в которой лежала черная пластина. Это была чешуйка Сатха — то, за чем они сюда пришли.

— Вы двое ступайте и принесите мне эту пластину.

Рабы вошли в комнату и направились к нише.

— По моему сигналу, Халег, ты должен вбежать в комнату, схватить пластину и сразу мчаться назад. Ты понял? — услышал тулиец шепот мага.

— Да, — ответил он.

Рабам оставалось пройти последние несколько шагов, как вдруг колонны изогнулись. Верхние их части на глазах превратились в зубастые рты. Рабы от неожиданности замерли. Пасти опустились на них, и колонны немедленно выпрямились, заглатывая дергавшихся людей.

— Беги, Халег! — крикнул маг.

Тулиец сорвался с места, подскочил к нише и схватил пластину. Маг рассчитал точно: пока колонны будут глотать добычу, Халег успеет вернуться.

Халег вылетел из комнаты. Колонны встали на место. О людях напоминали только утолщения в основании колонн, да и те вскоре разгладились.

Тулиец протянул магу бесценную пластину абсолютно черного цвета, которая с трудом помещалась на раскрытой ладони. Маг не взял ее.

— Пусть она хранится у тебя, — сказал Тха-Таураг. — Пора возвращаться.

Халег молча показал на живое кольцо, окружившее их.

— Не беспокойся, эти твари боятся света. Пока горит факел, они не причинят нам вреда.

— Скажи, Тха-Таураг, что это за книга, из-за которой ты чуть не сошел с пути? — спросил Сенахт.

— Я гляжу, этот вопрос мучает не только тебя. Правда, Халег? Хорошо, я отвечу. Это книга творения. Она в тысячу раз сильнее талисмана, который держит в руках Халег. Поверьте мне, книга — подлинная, туда положил ее один маг, владевший

ею много сотен лет. Наверное, он выучил ее наизусть, если решил с ней расстаться. Его уже нет на земле. Многие вызывали его душу из царства мертвых, но этот шутник перед смертью выпил эликсир забвения, и его душа не помнит ничего. Вы удовлетворены ответом? Теперь в путь. Вы пойдете впереди.

— Но мы не знаем дороги назад. Эти коридоры похожи на фарсунские лабиринты, только еще более запутанные, — возразил Халег.

— Обратная дорога очень проста, и вы не ошибетесь. Коридоры похожи не на лабиринт, а на дерево с разветвленной кроной, ствол которого — правильный путь, а ветви — тупиковые коридоры, и в каждом тупике ждет смерть. Ловушки делали искусные маги. И я среди них. Так что идите вперед смело и ничего не бойтесь.

Поредевший отряд отправился в обратный путь. Впереди шел Сенахт, держа факел над головой, следом — Халег, а замыкал шествие Тха-Таураг. Ночные твари, обитавшие в проходах, разбежались от света, освобождая людям дорогу.

Путь прошел в полном молчании. Каждый думал о своем, говорить никому не хотелось. Как и обещал маг, Сенахт без подсказок находил нужный проход. Вскоре они уже входили в комнату, откуда начали путешествие. Здесь маг обратился к ним с речью:

— Прежде чем мы выйдем отсюда, я хотел вас кое о чем попросить. Сейчас мы выносим на свет оружие, с помощью которого вы одолеете варвара. Меня волнует, что будет потом. Из-за этой плас-

тинки вспыхнет настоящая война между детьми Сатха. Каждый захочет обладать ею. По всей Кхешии будет литься кровь, как и тысячу лет назад. Победителю достанется пустыня.

На развалинах Кхешии поселятся чужаки, которые молятся другим богам. Сатха забудут. Чтобы это предотвратить, я прошу вас сделать кое-что. Когда Кулл покинет Кхешию, тот из вас, кто останется в живых, пусть принесет на место и оставит там эту чешуйку.

С магов Черного Логова я взял клятву, что они не станут вам мешать. Сейчас я скажу, как отыскать дорогу. Все просто — надо сворачивать всегда во второй слева проход.

Вам достаточно дойти до комнаты с колоннами, в нее не входите, а бросьте пластину внутрь и можете идти назад.

Маг сделал паузу и вопросительно взглянул на слушателей.

— Обещаю, Тха-Таураг, я выполню твою просьбу, — сказал Сенахт.

— Хотя это и не мое дело, да и место мне не по нраву, я постараюсь помочь, — ответил Халег.

— Теперь я произнесу древнюю клятву, и вы поклянетесь.

Маг начал читать клятву. Когда он закончил, Халег и правитель Кхешии одновременно произнесли:

— Клянусь.

Тулиец уже взялся за каменный выступ, чтобы открыть дверь с фреской, как Сенахт спросил у мага:

— Скажи мне, Тха-Таураг, зачем рабы принесли сюда кирки? Они нам не понадобились.

— О, всего лишь для того, чтобы мои друзья поломали головы над этим.

Тулиец едва заметно улыбнулся и потянул плиту. Дверь, едва они вышли в подземный ход, медленно закрылась. Раздался щелчок. Сатх вновь смотрел на мир двумя глазами.

— Сейчас мы пройдем по проходу вперед, иначе жрецы Сатха по оставленным в пыли следам легко найдут место, где мы были, — сказал маг.

Несмотря на то что Халегу и Сенахту изрядно надоело подземелья, они без возражений согласились немного прогуляться...

В храме Сатха их с нетерпением ожидали жрецы и маги. Сохраняя бесстрастное выражение на лицах, они молча сидели в креслах, расставленных полукругом так, что между первым и последним оставался открытый проход. Рядом с проходом на носилках стоял ларец для талисмана.

Первым вышел Сенахт. Он медленно передал догоравший факел слуге и посторонился, пропуская спутников. Все трое встали лицом к собравшимся.

— Покажи талисман, — торжественно велел Тха-Таураг.

Халег вытащил из складок одежды заветную пластину и высоко поднял ее над головой. По залу пронесся вздох облегчения.

Маги Черного Логова поднялись со своих кресел и склонились в глубоком, исполненном торжественной почтительности поклоне.

— Положи его в этот ларец, Халег.

Когда приказание мага было исполнено, жрецы окружили ларец и, запев гимн, понесли его из зала. В помещении остались только маги. Тха-Таураг обратился к своим спутникам:

— Владыка Сенахт, наша встреча подошла к концу. Уже наступил рассвет, скоро армия начнет грузиться на корабли. И тебе, и военачальнику Халегу необходимо присутствовать при этом. Не беспокойтесь о талисмани, я сам доставлю его на ваш корабль. Ваши телохранители ждут у входа.

Повинуясь знаку Тха-Таурага, к ним подошел Сатхамус.

— Верховный жрец, проводи наших гостей до выхода. До скорого свидания, владыка, и ты, Халег. Да пребудет с вами Великий Змей.

— До свидания, Тха-Таураг, спасибо за все,— ответил правитель Кхешии.

Халег молча поклонился.

В сопровождении Сатхамуса Сенахт и тулиец направились к выходу. Когда они покинули храмовый зал, верховный жрец заговорил:

— Владыка Сенахт, я рад, что вы оба вернулись живыми. На моем веку Тха-Таураг не один десяток рабов оставил навсегда в этом подземном ходе. Когда он выбрал вас в сопровождающие, я начал было беспокоиться.

— Говоришь, он спускался в этот проход... Когда в последний раз это было?

— Более ста лет назад. Я хорошо помню тот день, тогда он взял с собой десять рабов, а вернулся один, и очень удрученный.

— Скажи, Сатхамус, что такое книга творения? Верховный жрец остановился и пристально взглянул на правителя.

— Владыка Сенахт, ты ее видел? — прерывающимся голосом спросил Сатхамус.

— Конечно, нет,— не моргнув глазом соврал кхешиец.— Предвидя твой следующий вопрос, скажу: в руках я ее не держал и вряд ли когда-нибудь буду. О ней мельком упомянул в разговоре Тха-Таураг, и мне захотелось узнать поподробнее. Я любопытен, ты знаешь...

— О владыка, история этого манускрипта очень стара, начало ее восходит к временам древней Кхешии. Тогда еще боги часто спускались на землю. Книгу написал верховный жрец одного забытого бога, и, как уверяют, со слов этого бога. Тогда она и получила свое название. Не стану рассказывать всю историю этой книги, скажу лишь, что после нашествия змеелюдей она исчезла, и много людей сложили голову, пытаясь ее найти. О ценности этой книги можно судить хотя бы по тому, что большинство заклинаний содержат выдержки из нее.

— Спасибо, Сатхамус, за разъяснения. Теперь я понимаю — это, действительно, огромная ценность.

Разговаривая, они незаметно подошли к выходу. К ним подвели оседланных лошадей, Сенахт и Халег раскланялись с Сатхамусом и выехали на пустынную улицу. За ними последовали телохранители.

— Послушай, Халег, уже утро, поедem сразу на пристань, осмотрим корабли,— сказал кхешийский владыка.

— Поехали. Только ответь мне на один вопрос — о каком забытом боге упоминал Сатхамус?

— Когда-то он носил имя Усир и был известен более Сатха, которому приходился братом. Из зависти Великий Змей объявил его отступником и убил. А человеческая память коротка.

У Халега промелькнула догадка.

— Скажи, Сенахт, статуя без головы в храме Сатха — это и есть Усир?

— Да. А теперь пора на пристань.

Они рысью поскакали к реке. В утренней тишине звук копыт разносился далеко, предупреждая прохожих о приближении всадников.

Пешеходы испуганно жались к стенам домов, провожая ранних путешественников нелестными выкриками.

* * *

Сатхамус направлялся в свои покои. Ему очень хотелось отдохнуть, волнения последних дней вымотали его окончательно. Он не спал уже двое суток.

Однако, не успел верховный жрец войти к себе, как в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Сатхамус.

В комнату ступил младший жрец. По его виду Сатхамус догадался, какие новости тот принес. Жрец сразу перешел к делу:

— О великий, мы потеряли связь с храмом Сатха в Тшепи. Там никто не отвечает. Меня послали за тобой.

— Тха-Таурага предупредили?

— Нет, мы не решились. Он сказал, чтобы его не беспокоили, и велел разбудить его только перед отплытием храмовой галеры.

— Хм, тогда предупредите кого-нибудь из магов. Я сейчас буду. И еще передай старшему жрецу — я приказываю сменить вас.

Жрец отправился исполнять поручение.

Сатхамус подошел к шкатулке в углу и достал из нее склянку с мутной жидкостью. Ему предстоял еще один трудный день. Верховный жрец медленными глотками выпил жидкость, по телу пробежала приятная волна, усталость отступила, голова прояснилась, тело наполнилось легкостью. За эту легкость завтра предстояло расплатиться жестокой головной болью.

Жрец вздохнул и вышел из комнаты. «Надо же, — рассуждал он, — не посмели потревожить! Да кто он такой, в конце концов! Надо скорее завладеть магической чешуйкой, тогда-то я всем покажу, кто хозяин в Кхешии!»

* * *

Нутхес оказался разговорчивым провожатым. За время короткого пути Усирзес узнал очень многое.

В храме Сатха собрались жрецы со всей округи, поэтому он был переполнен. Сам Нутхес прибыл из небольшого пригородного храма. Хорошо, что здесь обитали только жрецы, а рабов и других служителей под присмотром послушников отправляли в удаленные поместья. Но все равно людей в храме стало вдвое больше против обычного. Из-за этого

младшие жрецы вынуждены были спать на полу, как простые рабы, в переполненных комнатах. Слава Сатху, что сегодня более сотни жрецов участвуют в ночном ритуале — остальным есть где выспаться.

Усирзес вспомнил, что храм Сатха в Тшепи насчитывал более тысячи служителей, из них более двух третей составляли рабы, человек триста — стражники, надсмотрщики, послушники и так далее, остальные — жрецы, а это примерно сотня человек. Следовательно, в зале полегла добрая половина.

Но самое главное — Усирзес и его спутники могли не бояться разоблачения: их примут за жрецов, прибывших из других мест.

— А сами вы откуда? — Вопрос Нутхеса чуть не застал Усирзеса врасплох.

— Из храма Сатха в Нехебте, — быстро сообразил Усирзес.

— Наверное, вашего храма больше не существует. Северяне не жалуют детей Сатха. Верховный жрец сделал хороший выбор: вы накопили огромный опыт, наблюдая за границей.

— Да, мы первые узнали о нашествии варваров, — подтвердил Усирзес, вспоминая, в какой спешке был покинут храм в форте.

Коридоры, которыми они шли, не были освещены. Свет давали лишь звезды, смотревшие в оконные проемы, да небольшая лампа в руках жреца.

Проходя мимо очередного окна, Усирзес определил — скоро рассвет.

Они подошли к запертой двери, освещенной тусклой лампой. Рядом стояла клетка, в которой тихо сидели две курицы. Нутхес постучал в дверь, ему сразу открыли.

На пороге стоял жрец, и с первого взгляда было ясно: он смертельно устал. Он даже не сразу разглядел, что Нутхес не один.

— Тебя долго не было, Нутхес.

— Я привел нам смену. Это братья из Нехебта. Новости есть? Где варвар?

— Входите. Мы все еще не сумели напасть на его след. Может, вам повезет больше, — сказал жрец, делая шаг в сторону, чтобы пропустить пришедших.

В мигающем свете лампы Усирзес оглядел комнату. Здесь не было никакой мебели. У противоположной стены в нише стояла небольшая статуя бога Инпу. Перед ней дымилась курильница. Пол расчерчивали магические знаки. В середине комнаты лежали два коврика, на одном из которых сидел жрец, находившийся в глубоком трансе. Стены исписаны какими-то текстами. Усирзес прочитал один из них — заклинание перемещения.

Это заклинание — одно из самых сложных — помогало человеку переносить свое сознание в тела животных и видеть их глазами. Статуя Инпу подсказала Усирзесу, что здесь выбрали шакалов, хорошо видевших ночью. Вокруг лагеря постоянно крутилось великое множество этих тварей.

Теперь Усирзес понял, как жрецы Сатха наблюдали за ними, и тут же сообразил, для чего у двери стояла клетка с курицами: они были любимым

лакомством шакалов и предназначались в жертву богу Инпу.

— Нутхес сказал мне, откуда вы пришли. Значит, вам знаком этот ритуал. Сейчас я выведу наблюдателя из транса, и вы смените нас.

В это мгновение наблюдатель заговорил:

— Вижу людей в храме Нут. Не чувствую лошадей. Это валузийские пехотинцы.

— Ну вот, кое-что проявляется. Скоро мы узнаем, там ли варвар. Подождем немного, пусть еще понаблюдает,— сказал жрец Сатха, но тут его внимание что-то отвлекло. Он посмотрел в сторону и сообщил: — Нас опять вызывают. Теперь отвечайте вы. Мы с Нутхесом слишком устали.

Усирзес проследил за взглядом жреца и увидел небольшую нишу.

Она была сделана почти на уровне пола, поэтому он не заметил ее сразу. В глубине ниши лежал прозрачный кристалл. Сейчас он пульсировал холодным светом.

Прежде кхешийцу не приходилось иметь дела с кристаллом, а требовательный тон жреца не оставлял никаких надежд на отговорки. Усирзесу ничего не оставалось, кроме как честно признаться:

— Мы не знаем, как с ним обращаться. В Нехебте такого не было.

Оба жреца с удивлением воззрились на пришедших.

— Вы не знаете, как обращаться с камнем? Очень странно. Каждый жрец Сатха умеет говорить с камнями всевидящей Нут.

— Мы стали жрецами совсем недавно,— попытался выкрутиться Усирзес.

— Это кастовая тайна, вас должны были посвящать в нее. Наверное, из-за нашествия жрецы об этом забыли. Чего только не бывает в провинции! Ладно, слушайте. Над нишей начертан текст заклинания, которое необходимо прочесть, чтобы услышать камень. Вы садитесь перед ним, очищаете разум от посторонних мыслей, пристально смотрите на кристалл и читаете текст. Если все сделано правильно, вы услышите, кто вызывает вас.

Едва жрец замолчал, снова негромко заговорил наблюдатель:

— Среди людей оживление. Все направились в храм. Иду за ними. Я в храме. Люди спускаются в какой-то подземный ход. Слышу разговор военачальника с воином: «Значит, ход свободен до самого храма? — Да, король приказал вам поспешить, он уже там».

Жрецы Сатха застыли на месте, а в следующее мгновение бросились на лазутчиков, выхватывая на ходу кинжалы. Однако воины, пришедшие с Усирзесом, оказались проворнее: один ударом сбил с ног Нутхеса, другой проткнул ножом второго жреца.

— Воины спускаются в подземный ход по одному,— продолжал наблюдатель.

К нему подошел один валузийцев и перерезал бедолаге горло.

В храме Нут дико взвыл шакал, потом начал кататься по полу, затем встал на ноги и затрусил вон из храма.

Если до этого лазутчиками руководил Усирзес, то теперь командование взял на себя воин, оказавшийся десятником.

— Нат,— обратился он к своему товарищу,— позови наших.

Воин вышел из помещения. В комнате было слышно, как он крикнул:

— Это я, Нат! Есть кто-нибудь?

Из ниши показались двое.

— Десятник зовет вас. Тут два трупа и еще один пленный.

Воины вошли в комнату.

— Вы двое, Нат и ты,— указал десятник на одного из них,— берите пленного и возвращайтесь. Скажите сотнику — нас раскрыли. Мы остаемся, как приказано, здесь. Идите.

Десятник вместе с воином оттащили трупы в угол, закрыли дверь и усадились на коврики, ожидая, что будет дальше.

— Не смотрите на кристалл. Жрецы Сатха могут попытаться заговорить вас,— предупредил Усирзес.

Воины понимающе закивали. Усирзес, предоставленный сам себе, начал изучать тексты заклинаний, стараясь их запомнить.

Глава седьмая

Рука потянула на себя створку ворот. Перед ним открылся неосвещенный коридор, только где-то далеко впереди угадывался свет зажженных факелов. Атлант скользнул внутрь, за ним последовали двое. На всех были одежды жрецов Сатха. Тихо захлопнулись ворота.

Вскоре лазутчики подошли к освещенному факелами входу в храм. У ворот неподвижно стояли два стражника, которые, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, спали очень глубоким сном. Наверняка без колдовства здесь не обошлось. Повидимому, жрецы хотели сохранить водворение демона в храм в тайне, поэтому и усыпили стражников, что было на руку атланту.

Двор цитадели представлял собой прямоугольник, меньшая сторона которого была образовала храмом Сатха. Справа расположились дворец наместника, казармы гарнизона и оружейный склад, слева — склады провианта и хозяйственные постройки. Прямо напротив храма находился участок

стены, опоясывающий цитадель. Над стеной возвышались массивные башни, центральная имела ворота. На стене застыли дозорные.

Во дворе было полно спящих под открытым небом кхешийцев, но дорога до самых ворот оставалась свободной. У входа в оружейный склад, словно статуи, стояли двое воинов. В цитадели царила полная тишина, не нарушаемая ни единым звуком.

Кулл, не таясь, прошел двор, пересек площадь и приблизился к воротам. Одна створка была распахнута, и атлант без помех вышел из крепости. Подъемный мост оказался опущен.

Мост вел в башню. По винтовой лестнице Кулл поднялся к механизму подъема моста, осмотрел караульное помещение, прошелся по стене. Все, кого он видел по пути, были погружены в колдовской сон.

Атлант пожалел, что поосторожничал и не привел сюда сразу все четыре сотни. Тогда участь крепости была бы решена. Сейчас в распоряжении у него шесть десятков бойцов. С ними можно очистить ключевые башни, разобраться с их защитниками, а когда подойдут сотни — попробовать занять казармы и склад оружия. Если штурм окажется неудачным, они отойдут и запрутся в башнях, дожидаясь за толстыми стенами своих войск.

Этот план уже сложился в голове Кулла, как вдруг он сообразил, что колдовским сном могут быть охвачены только воины наружной охраны, и тогда любая случайность грозит обернуться бедой. Если поднимется тревога, то с шестьюдесятью во-

инами трудно удержаться против всего гарнизона цитадели.

Даже если подоспеет подкрепление, эффект внезапности будет потерян, и их могут уничтожить. Поэтому король Валузии решил сначала очистить башни и двор, а с подходом своих сотен приняться за казармы.

— Вы двое оставайтесь в башне. Я вернусь в храм и приведу сюда подкрепление. Если кхешийцы очнутся раньше, спрячьтесь. Когда наша армия приблизится, опустите мост.

Кулл направился обратно в храм. Ворота ему открыли, едва он назвал себя. Внутри оставалось от силы десять человек.

— Где сотник? — спросил он у воина.

— Ушел с пятьюдесятью воинами в глубь храма, мой король.

— Балка, как некстати. Не закрывай дверь. Кто остался за главного?

Воин молча указал на спешившего к ним десятника.

— Я здесь, мой король, — сказал тот.

— Куда ушел сотник? Что с Усирзесом?

— Недавно вернулись лазутчики. Они привели с собой пленника. Допросив его, сотник взял пятьдесят человек и ушел. Он сказал, что с тобой это согласовано. Усирзес с двумя воинами заняли потайную комнату и ждут там твоих приказаний.

Кулл вспомнил свои распоряжения. Сотник честно выполнил приказ.

— Отправь двух воинов к сотнику, пусть отряд срочно возвращается.

— Но, мой король, как воины их разыщут? Ведь храм знает только жрец, которого они увели с собой.

— Это верно, и все-таки отправь воинов. Надо сделать все возможное. Где Рамдан?

— Возле раненых,— ответил десятник и пошел выполнять распоряжения Кулла.

— Рамдан, найдешь немного времени, чтобы поговорить со мной?

— Да, мой король, я уже закончил.

— У меня к тебе уйма вопросов. Что тебе сказал жрец, которого взяли в плен?

— Он умер, успев сказать только одно: «Не радуйтесь, с первым лучом солнца все изменится». Что это значит — не знаю.

— Кажется, знаю я. Жрецы погрузили в сон всю наружную стражу. Наверное, они проснутся с первыми лучами солнца. Эх, Рамдан! Выйди мы из лагеря чуть раньше, я привел бы сюда все четыре сотни и цитадель была бы наша. Всю работу за нас сделали жрецы. Следующий вопрос — откуда взялся еще один пленник?

— Усирзеса раскрыли, им пришлось уничтожить двоих жрецов, а Нутхеса взять в плен. Здесь его допросил сотник. От пленника узнали, где комнаты жрецов. Сотник с полусотней наших отправился туда, а в проводники взял жреца.

— Валка! Эти полсотни сейчас очень пригодились бы здесь!

— Мой король, ты забыл о предупреждении жреца.

— Что ты хочешь сказать?

— Рассветает.

«Что ни делается, делается к лучшему»,— ругнувшись про себя, подумал Кулл.

— Десятник! — позвал король, закрывая дверь на засов.

— Да, мой король.

— Гонцы уже ушли?

— Нет еще — у нас не хватает одежды жрецов. Все более или менее сносное сотник захватил с собой. Я хотел предупредить тебя раньше, но не успел.

— Тебе известно, что значит не выполнить приказ?! Ладно, на этот раз ты не виноват. Будем ждать их возвращения здесь.

* * *

Сотник Фарамий шел впереди, за ним воины вели пленного жреца. Следовало торопиться — вот-вот должен наступить рассвет, а до покоев, занимаемых жрецами, еще идти и идти.

Храму Сатха принадлежали два отдельных здания. В одном — центральном — размещался храмовый зал, вход в который находился во внутреннем дворе цитадели. В другом располагались жилые и хозяйственные помещения. Оно занимало пространство между центральным зданием, примыкая к нему с задней стороны, и стеной цитадели. В него вел отдельный вход с внутреннего двора.

Нутхес рассказал, что там четыре этажа и подвал, более двух сотен комнат. На верхнем этаже жили жрецы. Второй и третий занимали вольнонаемные, в том числе и воины. На первом распо-

лагались столовая, кухня, библиотека и склады. Подвал имел три яруса: на первых двух содержали рабов, на самом нижнем находились темница и сокровищница.

Отряд поднялся на самый верх. В прямой широкий коридор выходили двери сорока комнат, в каждой из которых в зависимости от иерархии жили от одного до четырех жрецов. Двери не запирались. Воины беспрепятственно ворвались внутрь.

Как правило, один воин затыкал рот жреца кляпом, двое других его связывали. Все происходило слаженно и быстро. Покончив с одной комнатой, воины спешили в следующую.

Оставалось всего пять комнат, как вдруг из крайней в коридор вышел человек. И жрец, и воины замерли на месте, уставившись друг на друга. Первым очнулся жрец. Он громко крикнул и попытался вбежать обратно, но его попытку пресек кинжал, брошенный сотником. В оставшихся комнатах поднялся шум.

— Режь их, ребята, — приказал Фарамий.

Через несколько мгновений все было кончено.

— Нат, живо на лестницу! Узнай, не поднялась ли тревога! Остальные, тащите жрецов в коридор, отсюда им не удрать.

Воины бросились выполнять приказ.

Вернулся Нат:

— Все тихо.

— Хорошо. Десятник, ты остаешься здесь, с тобой твой десяток. Глаз со жрецов не спускать! — приказал сотник и добавил шепотом: — Если будут трепыхаться, перережь им глотки.

Десятник отвел своих людей в сторону. Остальные направились назад с сотником во главе.

Скоро они уже входили в зал, где их ждал Кулл. Фарамий построил отряд и доложил:

— Мой король, твое приказание исполнено. Жрецов охраняет десятник со своими воинами. Потерь у нас нет.

— Спасибо, сотник, за хорошую весть. Пусть люди отдыхают, а ты останься и расскажи все подробнее.

— Мой король, тут совсем рядом, за этим залом, находится большой дом. Наверху — жилые помещения, в подвале — темница, и там же живут рабы. На втором и третьем этажах выставлена охрана. У меня было мало людей, а не то я бы наведася туда. Стена крепости проходит совсем недалеко от здания, она высокая — чуть ниже окон четвертого этажа. Если что — можно пострелять кхешийцев из лука. Здание имеет три выхода. Два ведут во двор: один — прямо напротив нас, другой — немного левее. Третий выходит в проем между стеной и зданием.

— Ну что ж, мы вынуждены пока оставаться здесь. Слушай внимательно, Фарамий, как только придут остальные сотни, пришли командиров ко мне, а сейчас пойдем наведемся на второй и третий этажи.

Вскоре из подземного хода вышел первый воин. Первая сотня быстро распределилась по залу. Командиры строили людей по десяткам.

Бойцы с любопытством озирались вокруг. Пятна крови на полу, гора трупов и поредевшие ряды

товарищей, пришедших раньше, — все наводило на мысль о жарком бое.

Кулл тем временем разговаривал с командиром новой сотни.

— Наша задача — захватить весь храм. Сейчас в наших руках только первый и четвертый этажи. Надо проверить и, если необходимо, взять остальные. Бери свою сотню и пленного жреца, ступай на третий этаж. Осторожнее там. Правда, жрец уверяет, что в храме почти не осталось стражи, ее отправили охранять рабов в дальних поместьях, но веры ему мало. Я поведу следующую сотню на второй этаж. Выполняй.

Воины первой сотни тихо вышли из зала вслед за командиром. Их место занимали вновь прибывающие валузийцы.

Король обратился к Фарамии и сотнику — командиру второй сотни:

— Фарамий, я сейчас поведу воинов, ты остаешься здесь за старшего. Поэтому приказываю: раздели третью сотню, когда она подойдет, на полусотни, пусть одна проверит подвалы, другая выступит на помощь к нам. Твоих людей не трогай, пусть отдохнут. А ты, сотник, скажи своим людям, чтобы не шумели.

Атлант дал сигнал к выступлению, занял место во главе отряда вместе с проводником, и они тронулись в путь.

Быстро поднявшись на второй этаж, Кулл остановился у открытой двери, за которой начинался коридор, погруженный во тьму, а затем скользнул внутрь.

— Внесите светильники, — шепнул он, оборачиваясь к двери.

В коридор осторожно вошли несколько воинов с масляными лампами.

Слабого мерцающего света Куллахватило, чтобы удостовериться: коридор пуст. Он обратил внимание на входную дверь — та имела крепкий засов, рядом был устроен пост.

Тем не менее дверь оказалась открытой, на посту — никого. Оставалось только удивляться беспечности жрецов и охраны.

В просторный коридор выходило множество дверей, все они были закрыты. Воины заняли исходные позиции у ближайшей из них. По сигналу Кулла несколько человек нажали на дверь, но та не поддавалась.

Тогда атлант подошел поближе, присел на корточки перед замком и ловко открыл его тонким кинжалом. Кулл посторонился, и воины тихо проникли внутрь.

В комнате царил полумрак, в сером утреннем свете, струившемся из окна, можно было различить ряды постелей.

— Здесь никого нет, — услышал Кулл голос, доносившийся из комнаты.

Вот почему дверь второго этажа была открыта и никто ее не охранял — некому было это делать.

— Мой король! — с криком бросился к Кулла воин. — Наверху наши попали в засаду. Кхешийцев человек двести. Сотник убит.

— Оставайтесь здесь, — крикнул атлант воинам в открытую дверь, — проверьте каждую комнату,

каждый угол! Остальные за мной! Он выскочил на лестницу.

В дверном проеме началась давка. Кто-то случайно поскользнулся и перегородил проход, напиравшие сзади полностью перекрыли его.

— Не напирать! Проходить по одному! — командовал сотник, раздавая оплеухи. — Не напирать!

С огромным трудом порядок был наведен, и воины бросились вперед, однако время было упущено.

Кулл вбежал наверх. В коридоре шел настоящий бой. Кхешийцев было гораздо больше, и они наседали на валузийцев. Кровь заливала пол и стены, всюду валялись трупы.

— Сатх! Сатх! — неся клич из коридора.

Кулл мгновенно понял: его отряд подоспел как нельзя более кстати. Он молча прыгнул вперед, в самую гущу врагов. Топор раз за разом обрушивался на спины и головы противников. Три раза взлетело оружие — три кхешийца рухнули на пол с разрубленными позвоночниками.

За Куллом неотступно следовали двое его воинов, защищая своего короля. Под их ударами упали еще двое кхешийцев, а четвертый пытался отползти в сторону, зажимая рваную рану в боку.

Кхешийцы, обернувшись на крик раненого товарища, заметили подоспевших противников, сцепили щиты и стеной пошли на троих валузийцев.

Десять воинов Сатха, осыпая Кулла и двоих его воинов градом ударов, начали теснить их. Атлант вращал топор, не давая врагам приблизиться. В

голове вертелась одна мысль: «Где отряд? Неужели кхешийцы напали на них с тыла?». Кулл пятился, наносил удары, а затем снова наступал. Его страшное оружие, со свистом рассекая воздух, рубало щиты, кромсало плоть.

Воин справа прикрыл короля, сам при этом полностью открывшись, и тут же вражеский клинок поразил его в самое сердце. Кулл поднял топор и с силой вогнал его в кхешийца.

Второй воин-валузиец получил удар в живот, его добили уже на полу. Кулл остался один. Он рубил врагов, держа их на расстоянии. Они пытались обойти его, но король отступал к двери, осыпая застрявшего где-то сотника всеми бранными словами, какие только знал.

Условия боя диктовали кхешийцы. Все больше валузийцев первой сотни гибло в окружении. Еще немного — и участь Кулла была бы решена.

Когда смерть, казалось, уже протянула к ним руки, на лестнице послышался топот и в коридоре наконец появились воины Фарамия. С криком «Кулл! Кулл!» воины бросились на противников и оттеснили их от короля.

— Окружай их, ребята! — закричал Кулл.

Валузийцы пытались незаметно прокрасться вдоль стен, за спинами сражающихся, в глубь коридора. Им удалось преодолеть почти половину расстояния, когда кхешийцы, опьяненные успехом, с удивлением обнаружили, что они окружены. Началась резня, и исход боя стал ясен. Кулл подавал пример своим воинам, круша врагов направо и налево.

Наконец он вышел из боя и взял на себя командование.

— Сомкнуть ряды! Вперед! — Его громкий голос перекрывал шум битвы.

Валузийцы напирали на оставшихся в живых воинов Сатха, постепенно вытесняя их в противоположный конец коридора. В общей давке никто не мог в полной мере воспользоваться оружием.

Кхешийцы отступали, отчаянно сопротивляясь. Некоторые хотели улизнуть в комнаты, но никому не удалось открыть двери. Вскоре остатки первой сотни валузийцев, прорвав окружение, слились с главными силами.

Кулл обратился к воинам Сатха:

— Сдавайтесь. Клянусь Валкой, я не сделаю вам ничего плохого.

— Кто ты такой? — услышал он в ответ.

— Кулл, король Валузии.

По рядам кхешийцев прокатился удивленный ропот. В голосе атланта звучала властная сила, и никто не усомнился в его словах.

— Мы сдаемся, — послышался тот же голос.

Валузийцы расступились. Кхешийцы по одному подходили к Куллу, бросали к его ногам оружие и отходили в сторону. Их брали под охрану.

Когда последний кхешийский воин сдался в плен, Кулл приказал проверить все комнаты. Воины бросились выполнять приказ.

— Сотник, живо по двое вниз, к каждой двери, выясни обстановку. Двоих пошли в подвалы — узнать, как дела там. Посчитай потери.

Кулл подошел к пленным:

— Кто командир?

Вперед вышел плечистый воин:

— Я командую храмовой сотней.

— Пойдем, расскажешь, что здесь произошло.

Из разговора с пленным Кулл узнал следующее. Когда наступил рассвет и колдовской сон рассеялся, двое воинов пошли сменить дозорных у задней двери. На лестнице было тихо, не слышалось обычного утреннего шума, и это их насторожило. Обычно жрецы встают очень рано, бегают по всему храму, всюду суют свой нос — житья от них нет.

Кхешийцы осторожно поднялись наверх, заглянули в коридор и увидели там чужих воинов, охранявших связанных жрецов. Воины вернулись назад и подняли тревогу. Была выслана разведка, которая подтвердила слова дозорных. Кхешийцы решили, что небольшой отряд валузийцев ночью забрался на стену и по деревянным мосткам проник в покои жрецов на четвертом этаже. Общей тревоги командир поднимать не стал.

При этих словах рассказчика Кулл возблагодарил богов за самонадеянность кхешийцев.

Когда они уже собирались идти освобождать жрецов — продолжал пленный, — лазутчики донесли, что сотня валузийцев идет наверх. Командир кхешийцев сразу понял, куда они направляются, и решил устроить засаду, благо у него было две сотни воинов. Численное преимущество и внезапность нападения должны были обеспечить победу.

Кхешийцы затаились в комнатах, а когда валузийцы разбрелись по коридору, выскочили из ук-

рытий и окружили врагов. Но боги в этот день отвернулись от Кхешии, победа обернулась поражением.

Дальнейшее было известно Куллу, и он стал расспрашивать пленного об устройстве храма. Тот отвечал неохотно, но не врал.

Тем временем к Куллу выстроилась целая очередь его подданных с донесениями. Он отпустил пленника и занялся текущими делами.

Первым оказался сотник, который доложил, что из потери составили тридцать человек убитыми и сорок ранеными, причем серьезные увечья получили только пятеро, остальные после перевязки будут снова в строю. Кхешийцы потеряли пятьдесят человек убитыми и сорок ранеными. Воины Кулла тщательно обыскали комнаты и обнаружили с десятков противников, больше там никого.

Валузийцы осторожно выглядывали из окон — дозорные на стенах не обращали на храм никакого внимания. Кхешийцы привыкли к ночному шуму в храме и не подняли тревоги. Теперь цитадель погрузилась в тишину.

К Куллу подошел десятник и сообщил, что на втором этаже никого не нашли.

Послышался шум. Кулл обернулся: к ним поспешно поднимались воины. Их было около полусотни. Они принесли неутешительную весть: подземный ход обрушился. Путь к отступлению был отрезан.

Вокруг Кулла по-прежнему толпились люди. Десятника сменил посыльный от сотника третьего отряда:

— Мой король, в подвале обнаружили пятерых охранников. Там полно рабов, но некоторые загонны пустуют. В них можно запереть пленных.

Кулл отдал распоряжение, и кхешийских воинов, связанных веревками друг с другом, повели в подвал. Туда же атлант велел отправить и жрецов.

Рабов король приказал не выпускать, чтобы на радостях они не испортили все дело.

— Пусть еще пока посидят, — заключил он.

Вернулись воины, проверявшие входы. Их отчет был кратким. У входа во двор цитадели все тихо. Задний вход стерегли двое кхешийцев, пришлось перерезать им горло. Теперь там тоже спокойно. Кулл выслушал их и отправил обратно — охранять заднюю дверь.

Потом он отрядил сотню воинов обыскать храм еще раз. Вскоре ему доложили: храм Сатха полностью в руках валузийцев.

Король приказал отрядам спуститься в центральный зал и отнести к Рамдану раненых. Оставшиеся без командира воины присоединились к поредевшей сотне Фарамиа. Затем Кулл распорядился расставить посты у всех входных дверей и выставить стражу в подвале, где теперь содержались пленные жрецы и воины, и, закончив дела, попросил проводить его к Усирзесу.

— Скажи мне, Усирзес, мы ведь страшно шумели. Почему же еще не поднялась тревога?

— Ты забываешь, мой король, где мы находимся. Здешние обитатели видели и слышали такое, что ко всему привыкли. Так что ваш шум никого не удивил.

— Очень хорошо. Валка, все было бы просто отлично, если бы подземный ход не обрушился.

— Тебя это не остановит.

— Да, ты прав, не стоит отчаиваться. Я привел с собой Нутхеса. Не хочешь составить мне компанию и посетить сокровищницу местного храма?

— С радостью. Только обрати внимание на этот кристалл. Он пульсирует уже очень долго, и его свет стал ярче.

— Ну и что?

— Нас ищет храм Сатха в Ханнуре.

— Ну и пусть, мы не будем отвечать.

Кулл, пристально разглядывавший кристалл, был заморожен необычным светом, ему даже показалось, будто из глубины кристалла на него смотрят удивленные глаза, и вздрогнул, когда почувствовал, как кто-то трясет его за руку. Он помотал головой — наваждение пропало.

— Мой король, я думаю, смотреть так пристально на кристалл небезопасно, — сказал Усирзес, отпуская руку Кулла.

— Валка и Хотат! Клянусь, я там видел что-то глаза! Ну ладно, пошли. Десятник, оставайся здесь.

В сопровождении Усирзеса и двух воинов, которые привели Нутхеса, Кулл отправился в путь. Проход вел их вниз, огибая стороной комнаты рабов и темницу. Вокруг было чисто, стены украшали яркие фрески. Этим путем ходили высокопоставленные жрецы. Теперь здесь шел король Валузии, злейший враг жрецов Сатха.

Глава восьмая

Наутро валузийский лагерь, со стен города напоминавший большой муравейник, проснулся с первыми лучами солнца, и сразу закипела работа — шли приготовления к форсированию Таиса. Люди готовили переправу, сколачивали плоты, надували мехи, подтаскивали к воде осадные орудия, спускали на воду легкие челны. Воины строились в колонны и направлялись к реке. В лагере оставался только обоз.

Место для переправы выбрали на расстоянии двух полетов стрелы от города. Здесь Таис медленно катил свои воды и был очень широким.

День обещал быть безоблачным. На противоположном берегу гарцевали отряды конницы Кандия, готовые прикрывать переправу.

В отсутствие Кулла командовал Брул. Он выехал вперед, окинул внимательным взглядом замерших воинов и подал сигнал.

Первыми отчалили челны, в каждом из которых сидели по несколько лучников. Им предстоя-

ло защитить воинов от крокодилов, в изобилии водившихся в округе. Челны рассыпались поперек реки на равном расстоянии друг от друга.

Привлеченные скоплением людей, из прибрежных зарослей показались первые хищники. Они пока держались в отдалении, не решаясь приблизиться. Несколько наиболее ретивых рептилий, подплывших слишком близко, тут же расстреляли из луков. Их трупы медленно уносило течение.

Затем отчалили речные галеры, нагруженные тяжелыми осадными щитами и лестницами. Лодки прибыли морем из Фарсуна и ночью подошли к валузийскому лагерю. Они должны были доставлять на противоположный берег воинов, а обратно — мехи и буксировать плоты, собранные у тех, кто уже переправился.

Наконец в воду вошли первые сотни. В лагере Кулла нашлось только пять тысяч мехов, поэтому лишь пять тысяч воинов поплыли на другой берег, остальные остались ждать возвращения галер. Некоторые воины тянули небольшие плоты, нагруженные доспехами товарищей.

На топком берегу спешившиеся конники разгружали прибывшие галеры. В скором времени начали высаживаться пехотинцы, и они сменили конников. На берегу выросли кучи доспехов, оружия, осадных лестниц.

Первые высадившиеся десятки собирали освобожденные плоты и мехи и грузили их на лодки, чтобы отправить обратно.

Боины, выходявшие из реки, тут же передавали мех сборщику и шли к своим сотням. На месте

командиры распределяли осадные лестницы и щиты. Затем сотни строились в колонну и шли к восточным воротам Тшепи. Подойдя к городу на расстояние полета стрелы, они устанавливали щиты и начинали насыпать земляной вал, который должен был защитить их, если кхешийцы решатся на вылазки из города.

На переправе войско наиболее уязвимо, поэтому конница Кандия была наготове. Пока защитники города ничего не предпринимали, только на городских стенах собралась большая толпа, издали наблюдавшая за действиями валузийцев.

К берегу, где ожидала переправы армия, пристала первая из возвратившихся галер. Пока ее разгружали, подоспели остальные. Новые тысячи воинов, взяв в руки мехи, входили в воду, освободившиеся галеры заново загружали, и они отплывали обратно. В отдалении переправлялась конница во главе с Брулом. К полудню галеры перетаскивали плоты с осадными машинами.

Задолго до заката переправа закончилась, и о ней напоминали только вытоптанные в зарослях широкие проходы. Скоро вспугнутые армией животные и птицы успокоились и вернулись к привычной жизни. К месту переправы один за другим подплывали крокодилы в надежде поживиться, но, не найдя ничего подходящего, удалялись.

У восточных ворот Тшепи собралась вся армия Валузии, сюда же подтащили осадные машины. Отряд Севера установил катапульты и ждал приказа начать обстрел. Вдоль берега Таиса специальные отряды резали тростник и вязали его в

снопы — ими воины будут забрасывать ров, окружающий стены. Конные тысячи замерли в отдалении — сегодня был не их день.

К крепости отправили посланника. Король Валузии предлагал городу сдаться без всяких предварительных условий на милость победителя. Сейчас все ожидали ответа.

Брул Копьебой тем временем проводил военный совет. Он объяснял план, который они разработали с Куллом и другими военачальниками накануне.

Пикт прекрасно видел удивление и раздражение на лицах воинов: хотя все присутствующие получили приказ от Кулла — на время его отсутствия беспрекословно подчиняться Брулу, — каждый считал, что и сам бы мог заменить короля.

О том, где сейчас находится король, знал только Брул. С этого он и решил начать.

— Предвидя ваши вопросы, хочу сообщить вам, где сейчас король. — Воины, не скрывая любопытства, смотрели на него. — Кулл занял цитадель города, самое его сердце — храм Сатха. И ожидает нас там, чтобы ударить кхешийцам в тыл.

Командиры с удивлением переглядывались. Никто не сомневался, что они возьмут Тшепи, но в отношении цитадели — этого города в городе — такой уверенности не было. Она имела высокие стены, запасы провианта, хорошо обученный гарнизон. Крепость окружал ров, заполненный водой из Таиса. Тысяча воинов способна была выдержать там любую осаду. Цитадель могла стать непреодолимым препятствием на пути армии, так как

ни голод, ни жажда, ни прямой штурм ей были не страшны. И теперь выясняется, что король уже там и готов ударить — это известие обрадовало всех.

— Поэтому необходимо как можно быстрее взять город и начать штурм цитадели. Теперь перейдем к нашим делам. Как было оговорено ранее, главный удар нанесем здесь, у восточных ворот. Мы должны отвлечь противника, заставить распылить свои силы.

Затул и Тезиарий, немедленно выступайте к южным воротам и проследите, чтобы ни один выкормыш Сатха и носа оттуда не высунул. Возьмите с собой часть щитов и лестниц. Приступ не начинайте без моего приказа. Кандий, бери свою конницу и отправляйся с Затулом и Тезиарием. Если понадобится, пусть твои конники спешатся и подключатся к штурму.

Чтобы отвлечь противника, к пристани подойдет флот. Он также перекроет гавань.

Имейте в виду: перед нами многочисленный но плохо обученный противник. В лучшие времена Тшепи защищали до пяти тысяч человек, сейчас большой отряд ушел к Ханнуру. В городе опытных воинов осталось не более двух тысяч. Стены охраняют горожане, которые будут хорошо защищаться, но не нападать. Тшепи — большой город, ему по силам выставить против нас десять тысяч бойцов, но не думаю, что возможны вылазки.

— Брул, вернулся наш посланник, он принес ответ: город отклоняет предложение короля, — прервал его тысячник.

— Ну что ж, начнем. Да будут с нами Валка и Энлиль. Север, начинай обстрел. Затул, Тезиарий и Кандий, выступайте немедленно. Келкор, выдвигай щиты ближе к стенам, пусть грондарцы покажут врагу, как надо стрелять из лука. Командиры, прикажите раздать осадные лестницы.

Единственное, о чем умолчал Брул,— обрушившийся подземный ход.

Раздался первый залп катапульт, в сторону города полетели камни. Многие из них не попали в цель, однако второй залп оказался более точным. Камни, ударяясь о стены, разрушали кирпичи, отбивали большие куски от кладки.

Стены Тшепи были сложены из обожженных кирпичей: камень, добываемый в окрестных каменоломнях, шел на строительство пирамид и домов богатых людей. Только цитадель и некоторые башни наружной стены имели каменную кладку, в том числе башни восточных ворот. От них камни, посланные катапультами, отскакивали, не причиняя видимого вреда. Поэтому Север приказал сосредоточить усилия на стенах.

Воины подтащили к стенам щиты, за каждым из которых прятались двое лучников, и грондарцы выпустили первые стрелы. Защитники крепости попытались ответить тем же, но им не удалось пробить ни один щит. Вскоре большинство кхешийцев были вынуждены отступить, и остались только лучники, которые под прикрытием зубцов стен продолжали обстреливать нападающих.

Город опоясывал ров. В отличие от рва, окружавшего цитадель, в который закачивали воду, этот

был сухой, только непосредственно у реки в нем стояла вода. Но он был тщательно очищен, имел крутые скаты и был достаточно глубок, чтобы служить серьезным препятствием для штурмующей армии.

По приказу Брула, воины подхватили снопы и начали засыпать ров. Грондарцы, прикрывая их, обрушили на городские стены град стрел, а защитники в ответ начали прицельно бить по воинам. Сраженные стрелами, несчастные падали в ров.

Перед воротами через ров был перекинут каменный мост, один пролет которого кхешийцы разрушили. Сюда подкатили таран и под прикрытием лучников приступили к починке моста.

Из амбразур башен стрелы лились сплошным потоком, и только здесь Север потерял пятьдесят человек.

Наконец мост восстановили, и таран доставили к самым воротам. Раздались удары, раскачивающаяся балка раз за разом била в закрытые створки. Из башен полетели тяжелые камни, но таран был защищен навесом, который выдерживал удары и надежно прикрывал воинов.

Тем временем ров почти доверху заполнили снопами, и воины пошли на приступ. Север приказал обстреливать другой участок, чтобы не задеть своих, и тут же на стены высыпали кхешийцы. На атакующих полетели камни, полился кипяток, опрокидывались котлы с расплавленной смолой.

С помощью шестов осажденные опрокинули большинство лестниц, и цеплявшиеся за них люди попадали в ров. Кхешийцы ликовали, но кое-где

нападавшим все-таки удалось подняться на стены. В этих местах началась рукопашная схватка.

Удары мечей заглушали стоны раненых и умирающих. Воины Сатха, пользуясь численным превосходством, теснили врагов и сбрасывали вниз.

Только в одном месте валузийцам удалось зацепиться, и они просто чудом удерживали небольшой участок стены. К ним присоединился Келкор, и, если б не он, его собратьям по оружию было бы несдобровать.

Опытный и умелый воин, Келкор крушил врагов обоюдоострой секирой. Сила его удара была такова, что лезвие одновременно разносило и щиты, и тех, кто пытался за ними укрыться.

Келкор понимал: чем дольше они сумеют удерживать стену, тем больше воинов подоспеет к ним на помощь, поэтому без усталости рубил врагов, защищая лестницу.

В какой-то момент боя, почувствовав недоброе, он обернулся и с ужасом увидел, как лестница со стоящим на самом верху воином переломила. Он отчетливо услышал треск и тут же сообразил, что произошло: кхешийцы не сидели сложа руки — со стены бросили аркан, который захлестнул плечи готового перелезть на стену воина, и тот, чтобы не упасть, судорожно вцепился в лестницу. Воины Сатха легко опрокинули ее, дружно натянув аркан. У Келкора не осталось никаких сомнений: приступ захлебнулся, надо уносить ноги. Он стал отступать, оглядываясь по сторонам.

Штурм продолжался. Валузийцам не удалось достигнуть видимых успехов нигде, кроме участ-

ка, удерживаемого Келкором. Они начали откатываться назад.

Сам Келкор еще спасся, когда напиравшие кхешийцы сбросили их. Он вовремя заметил веревку, спускавшуюся со стены, и успел уцепиться за нее.

Первый бой валузийцы проиграли. Со стен неслись ликующие крики, но защитники города не воспользовались своей победой, не решились на вылазку: слишком велик был отряд валузийцев, стоявших перед воротами, по которым непрерывно бил таран.

Снова катапульты обстреливали стены у восточных ворот. Грондарцы, пользуясь передышкой, пополняли запасы стрел. Воины Келкора перевязывали раны и готовились к новому штурму.

Брул отправил посыльного к южным воротам с приказом немедленно начать ложную атаку и тут же получил сообщение, что в восточных воротах наконец удалось пробить дыру и скоро собьют засов.

— Келкор и Тальмеш, приготовьтесь! Валузийцы берут на себя левую часть стены от ворот, камелийцы — правую. Как только ворота падут, я начинаю приступ. Эрадаи и Энкеши, подтягивайте сюда конницу! Вы ворветесь в город следом за пехотой.

Командиры бросились выполнять приказание.

Из первых воинов, проникших через дыру в воротах, не уцелел никто: все были ранены или убиты, но им удалось справиться с засовом. Валузийцы оттащили таран и распахнули ворота. В проем ворвались первые воины. Прикрываемые товарища-

ми, которые метали во врагов дротики, они кинулись разбирать баррикаду, наспех возведенную кхешийцами.

Как только Брулу донесли об этом, он объявил начало штурма.

Валузийцы и камелийцы под прикрытием грондарцев бесстрашно карабкались на стены несмотря на яростный отпор кхешийцев. Защитники сбрасывали лестницы, поражали атакующих стрелами и копьями, но ничто не могло остановить нападавших.

Ведя за собой отборных бойцов из своего отряда, на стену поднялся Тальмеш. Как только нога одного из лучших фехтовальщиков Камелии коснулась древней кладки, на него со всех сторон набросились противники.

Первый же воин Сатха, едва успев поднять меч для удара, рухнул с пронзенной насквозь грудью. Но радоваться было рано: на Тальмеша уже наседали еще двое кхешийцев. Одному камелиец проткнул клинком живот, а второго успел толкнуть щитом, да так, что, падая, тот напоролся на копьё своего же товарища.

Пока он с изумлением смотрел на торчавшее из его груди окровавленное древко, Тальмеш положил еще троих противников. Выхватив из ослабевших рук врага второй меч, камелиец яростно бросился в новый бой.

Завороженные невероятным искусством неприятеля, кхешийцы замешкались и позволили взобраться на стену еще несколькими камелийцам. Битва закипела с новой силой.

Когда плечом к плечу с Тальмешем сражались уже два десятка его воинов, он решил, что пора переходить в наступление. Сметая все на своем пути, камелийцы освободили проходы еще к трем лестницам, и вскоре их соратников по оружию стало уже не меньше сотни. Противник дрогнул и начал поспешно отступать.

Победу, однако, нельзя было назвать полной: кхешийцы закрылись в башнях и оттуда обстреливали камелийцев сверху, нанося значительный урон.

Тальмеш пожалел, что, преследуя врага, не сделал последний рывок и дверь башни захлопнулась у него перед носом. Он приказал рубить ее.

Камелийцы втянули лестницы наверх, опустили по другую сторону стены и стали спускаться в город.

Воинов возглавил тысячник, которому Тальмеш приказал открыть восточные ворота. Внизу на выручку своим спешили кхешийцы. Начался бой, но хорошо вооруженные камелийцы быстро взяли верх и рассеяли противника. Дорога к восточным воротам была открыта.

Скорым маршем камелийский отряд прибыл к воротам. Там шла страшная битва. Тысячник, не раздумывая, ударил с тыла по воинам Сатха. Зажатые между двумя отрядами, кхешийцы начали отступать, растекаясь по прилегающим улицам и оставляя врагу восточные ворота.

К этому времени камелийцы прорубили дверь в башню. Там было тесно, воины не могли как следует развернуться, и короткие кхешийские мечи

то и дело находили свою цель. Но что-то сломалось в кхешийцах, они потеряли волю к победе, и потому проиграли схватку.

Захватив башню, камелийцы вернулись на стену, где по-прежнему шел бой, и ударили во фланг кхешийцам.

Воины Сатха не ожидали нападения, и это их погубило: камелийцы объединились с атакующими валузийцами, очистили стену и на плечах отступающего противника стремительно ворвались в следующую башню.

Тальмеш взглянул на город: над Тшепи, как остров в море, возвышалась цитадель. Там сейчас находился король Валузии, ожидавший свои войска. В вышине кружил гриф.

Пора было спускаться и возглавить отряды Камелии.

Внизу воины растащили баррикаду и открыли ворота. В проем устремились валузийцы и грондарские лучники, двумя колоннами двигаясь к центру города и к южным воротам.

Камелийский отряд направился в гавань.

По дороге воинам то и дело преграждали путь баррикады, с крыш домов на них сбрасывали черепицу, но меткие стрелы грондарцев быстро разогнали всех, кто пытался сопротивляться.

У южных ворот собралось несколько тысяч кхешийцев, предупрежденных о приближающемся противнике. Они заняли круговую оборону, перекрыли несколько улочек наспех возведенными баррикадами и укрепились в ближайших к воротам домах.

Началась упорная битва, воины Сатха сражались за каждый дом. Валузийцы не могли как следует развернуться на узких улочках, и, чтобы взять баррикады, приходилось выбивать противника из домов.

Обе стороны несли большие потери. Воины Сатха уступали выучкой и вооружением противнику, но они доблестно сражались, стараясь прихватить с собой в царство мертвых побольше врагов.

Но, видно, чем-то они прогневили своего злого бога, и Сатх отвернулся от них. Не успело солнце проделать и трети своего дневного пути, как южные ворота оказались в руках валузийцев, и после этого кхешийцы сдались.

На улицах, правда, то и дело вспыхивали мелкие стычки, но воины короля Кулла безжалостно добивали поверженного врага.

Город пал к ногам победителя, и только цитадель продолжала сопротивляться. Но перед главным входом в нее уже стоял семитысячный отряд валузийцев, и Брул, возглавлявший его, ждал лишь сигнала от короля, чтобы пойти на приступ.

* * *

Кулл стоял перед закрытой дверью сокровищницы храма Сатха с несколькими связками ключей, отобранными у жрецов.

Прежде чем открыть дверь, он попросил Усирзеса осмотреть ее. Жрец долго стоял перед входом, делая пассы руками и что-то тихо бубня. Наконец он сказал, что дверь охраняет заклятье против попыток открыть замок с помощью магии. Других

заклинаний он не обнаружил. Можно спокойно пользоваться ключами.

Атлант склонился над замком, тщательно изучая его. Он решил вспомнить молодость и попробовать открыть дверь подручными средствами, однако прошлые навыки оказались здесь бесполезными. Жрецы Сатха умели охранять свои сокровища от воров. «Тут и с хорошими отмычками пришлось бы повозиться», — подумал Кулл.

Король внимательно осмотрел связки ключей и выбрал из них пять наиболее, на его взгляд, подходящих. Он по очереди вставлял их в замочную скважину и пытался повернуть. Подошел третий.

— Посвети сюда, но в комнату не входи, — сказал атлант сопровождавшему их воину.

В свете факелов они увидели незабываемое зрелище: в обширной комнате, уставленной по стенам открытыми полками, всюду стояли золотые и серебряные вещи. Здесь были чаши, кувшины, статуэтки прекрасной работы. Отделанные великолепными драгоценными камнями, они искрились всеми цветами радуги.

В нишах на мягкой ткани лежали особо крупные камни, среди которых Кулл опытным взглядом выделил большой изумруд — изумительной чистоты и размером с голову ребенка. В углу штабелями лежали золотые слитки. В центре комнаты стояла золотая статуя Сатха, человека с головой кобры, украшенная огромными рубинами; венчала статую корона, выточенная из целого рубина. Повсюду — множество самых разных сундуков и сундучков.

Храм Сатха скопил несметные богатства за последние два десятилетия. Конечно, святилище существовало и задолго до того, как культ змееголового божества стал главенствующим с Кхешии, однако в прежние времена Сатх считался лишь одним из богов обширного пантеона, наравне с Усиром, своим братом, и другими.

Богатство пришло к служителям Змея лишь когда они разорили и разрушили все прочие храмы в стране, свозя в свои хранилища их несметные богатства. Грабежи и убийства, таков был источник благосостояния жрецов Сатха.

Люди как замороженные стояли, не в силах отвести восхищенных взглядов от этого сияющего великолепия. Первым опомнился Кулл: на своем веку он видел такое не раз. Впрочем, его собственная сокровищница мало чем уступала этой.

Атлант внимательно осмотрел пол у себя под ногами, и ему не понравились несколько камней в самом центре прохода к статуе.

Поверхность брусчатки за много веков поистерлась, а эти камни выглядели гораздо более новыми. Кулл сразу понял: перед ним ловушка — значит, жрецы не очень полагались на свои замки.

— Принеси мне что-нибудь тяжелое, — приказал он второму воину.

Его слова вывели людей из оцепенения. Воин бросился выполнять приказание и скоро вернулся.

Король взял у него серебряное яйцо с тонкой гравировкой и кинул, целясь в подозрительную брусчатку. Едва оно коснулось пола, камни слегка подались вниз, и в то же мгновение сверху упала

плита, которая запросто могла раздавить десяток человек сразу.

Вдруг, словно уловив неслышное предупреждение, варвар почувствовал опасность, не раздумывая, отпрыгнул от дверного проема и посмотрел в комнату: после падения плиты там появилось темное облачко. Кулл сразу догадался, что это такое: если вору повезет и плита не расплющит его, то уж черный-то лотос обязательно убьет. Кажется, жрецы все предусмотрели, кроме одного: чужак не бросился вперед.

Теперь и другие увидели облачко.

— Мой король, в комнату нельзя входить, пока пыль не осядет. С пыльной черного лотоса шутки плохи, — обратился к Куллу Усирзес.

— Спасибо за предупреждение. — Кулл закрыл дверь и повернул ключ в замке.

На обратном пути король решил проверить посты. Ближайший находился здесь, в подвале. Двое воинов вытянулись перед ним.

— Ну, что тут у вас?

— Все тихо, мой король, но наверху, над нами, зашевелились рабы. Жрать хотят, наверное.

Кулл прислушался: сверху доносился какой-то шум.

— Хорошо, я разберусь. А вы примите нового арестанта.

Кулл передал им Нутхеса, и воины отвели его в загон к другим жрецам. Полураздетые, грязные, жрецы Сатха сидели в клетках, как простые рабы. Это было унижительно! У Нутхеса закипело в груди, он с трудом сдержал желание броситься на

конвоиров, но вовремя опомнился, дав, однако, себе слово вырваться отсюда и отомстить валузийцам.

Король поднялся этажом выше и вошел в помещение, где содержались рабы. В нос ударил резкий запах немытых тел и испражнений. В грязных загонах ютились не менее пятисот людей. Прильнув к решеткам, они кричали, требуя их накормить.

Шум стоял невообразимый. Вдоль загонов ходили валузийцы и, не скупясь, раздавали удары кнутом.

— Если не прекратите орать, казнь каждого второго, — громко сказал атлант.

Шум сразу смолк.

— Что тут происходит? — обратился Кулл к валузийцам.

— Сейчас время кормить их и вести на работы.

— Откуда ты знаешь?

— От того раба. Еще он рассказал, что здесь содержатся только чернокожие из Южных княств. Белых рабов отправляют в глубь страны — оттуда некуда бежать.

— Хорошо. Скажи им: работы сегодня не будет, пусть отдыхают. Еду принесут после, а если будут орать — останутся голодными.

Кулл покинул подвал и вздохнул полной грудью, прочищая легкие, а затем направился проверять воинов, охранявших выходы.

При его появлении воины вытянулись по стойке смирно.

— Докладывай, что у вас, — обратился Кулл к одному из воинов.

— Сюда приходил посыльный от наместника Тшепи,— ответил тот.— Наместник слышал шум, доносившийся из храма, и спрашивал, что это было. Мы доложили сотнику, и тот прислал для объяснений Рамдана. Рамдан сочинил целую историю о побеге черных рабов. Он рассказал посыльному, что рабы хотели перекинуть мостки на заднюю стену и сбежать в город, что их обнаружили на третьем этаже и прикончили. Удовлетворившись ответом, посыльный ушел. Пока все тихо.

— Хорошо, будьте начеку.

— Мой король, кхешиец сказал странную фразу: священные крокодилы будут довольны. Мы внимательно осмотрели храм, но крокодилов там нет.

— Да, это и правда интересно.

Кулл проверил заднюю дверь и четвертый этаж, везде было спокойно. Тогда он вернулся в храмовый зал. Здесь отдыхали воины, которые пришли в храм вместе с ним. Оставалось только ждать.

В это время Брул как раз отдавал войскам приказ перейти Таис...

Глава девятая

Ракаленное полуденное солнце било в узкие окна-щели. Кулл смотрел на город из укрытия, не показываясь в проеме. Бездействие угнетало его, он уже несколько раз порывался уйти из храма и попробовать вернуться по подземному ходу, чтобы возглавить армию, но всякий раз что-то останавливало атланта, и он снова начинал метаться по храму, как зверь в клетке. В это время никто не решался беспокоить владыку: все знали его бешеный нрав.

На улицах было полно народу. Внизу суетились вооруженные кхешийцы. По их перемещениям Кулл понял, что Брул разделил армию. Одна часть стояла у восточных ворот, другая — у Южных. Скоро начнется штурм.

— Мой король... — послышался чей-то голос.

— Как ты смеешь отвлекать меня? — вспыхнул Кулл.— Хочешь отведать палок?

— Нет, мой король, разреши мне говорить,— с поклоном ответил Усирзес.

— Говори. Извини, это бездействие сводит меня с ума.

— Ты помнишь, в храме есть потайная комната. Так вот, на ее стенах начертаны заклинания, с помощью которых можно видеть глазами животных и птиц. Я попробовал, и у меня получилось. Мне удалось наблюдать переправу твоих войск глазами крокодила. Правда, я совершил ошибку: подплыл слишком близко, и лучники изрешетили меня стрелами. Я чувствовал боль животного и умирал вместе с ним. Однако я вскоре очнулся. Надо мной хлопотал десятник. Он сказал, что я внезапно упал и потерял сознание, и тогда он послал воина за Рамданом.

— Что же ты раньше мне ничего не сказал?

— Не успел, мой король, да и Рамдан просил до поры молчать. Но сейчас, видя в каком ты состоянии, я решил сообщить тебе об этом.

— Скажи, Усирзес, это не опасно?

— Не знаю, — честно признался жрец.

— Ну вы и плуты — ты и Рамдан! Вечно печется о моей безопасности, когда его об этом не просят! Пошли скорее в потайную комнату.

В комнате их встретил десятник. Ничего не изменилось с тех пор, как Кулл был здесь в последний раз. В нише все так же пульсировал кристалл.

— Мой король, ты твердо решил испытать это на себе?

— Конечно. Почему нет?

— Пока все тихо, но, если ты понадобишься здесь, мы не сможем вызвать тебя. Ты нас не услышишь.

— И что ты предлагаешь?

— Пусть попробует десятник.

Кулл пристально взглянул на воина:

— Как тебя зовут?

— Чинор, мой король.

— Ты это уже проделывал?

— Да, мой король.

— Ну что ж, приступай. — Кулл хмуро посмотрел на Усирзеса: — Мог бы и пораньше рассказать мне...

Десятник благодарно улыбнулся и сел на циновку. Усирзес зажег курильницу и начал читать заклинания. Воин с отсутствующим видом смотрел на статую бога Инпу, и взгляд его, как заметил Кулл, становился все более пустым.

Жрец, продолжая говорить, взял в руки курлицу, ловким движением отсек ей голову и нацедил немного крови в плошку, стоявшую перед статуей. Обряд подошел к концу. Выкрикнув последние слова, жрец обратился к Куллу:

— Теперь можешь спрашивать его, только не говори слишком громко, иначе он очнется.

— Что ты видишь, Чинор? — спросил король.

— Я вижу внизу маленькие фигурки людей, они скопились у больших ворот. Это, похоже, наши, валузийцы. На стенах города тоже много людей — там кхешийцы.

— Продолжай.

— Люди забросали ров тростником и полезли на стены по приставным лестницам. К воротам подкатили таран. Началась битва, кхешийцы сбрасывают наших со стен. Некоторым валузийцам удалось за-

крепиться. Я вижу там Келкора, он сражается, как разъяренный лев.

Воин говорил медленно, иногда надолго замолкал.

— Наши побежали, их сбросили со стен. Кхешийцы ликуют.

— Что с Келкором?

— Его не видно. Вижу Брула, он в ярости. Очень много потерь. Вижу Келкора, он жив.

Кулл вздохнул. Этого следовало ожидать: Тшепи сильная крепость. Первый штурм отбит, но король хорошо знал Брула — так просто он не отступится.

— Лучники пополнили запасы стрел и снова обстреливают стены. Кхешийцы отвечают. По стенам бьют катапульты.

Воин замолчал на некоторое время, затем снова заговорил. Кулл услышал, как пробили ворота, как воины пошли на штурм во второй раз. Чинор рассказал о чудесах храбрости, проявленной Тальмешем. Кулл узнал, как камелийцы и валузийцы, объединившись, рассеяли кхешийцев и открыли ворота, как камелийцы выбили из башен противника и помогли Келкор.

Куллу стало ясно: войска уже в городе, и нет силы, способной остановить их.

— Город наш, скоро все будет кончено, — сказал он Усирзесу. — Теперь очередь за цитаделью. Так что, Усирзес, не мог бы ты разведать, что творится у нас под боком?

— Да, мой король. Но теперь пусть он смотрит другими глазами. В цитадели полно крыс, и у жре-

цов припасено специальное заклинание на этот случай. В прошлом они не раз пользовались им.

Усирзес вывел воина из транса. Кулл объяснил, что требуется от него на этот раз. Чинор без возражений согласился.

Все повторилось. Когда жрец закончил читать заклинания, воин смог увидеть мир глазами крысы.

— Нахожусь в каменной норе, меня обдувает ветерок. Впереди виден свет. Подбегаю ближе, выглядываю — богато обставленная комната. Сюда ведут две двери. У одной стоят два стражника, в противоположную входит человек. Он говорит, что идет к наместнику с важными новостями, его ждут. Стражники пропускают его... Бегу дальше, к следующему оконцу... Вижу наместника, он сидит за столом и диктует приказы. Вошел человек. Они о чем-то говорят. Подойду ближе...

* * *

В комнате наместника появилась крыса и, быстро шмыгнув под стол, спряталась там.

— Нас выбили из восточных ворот, — продолжал рассказ гость. — Горожане сражались яростно, но им не хватало боевого опыта. Теперь варвары растекаются по городу, как тараканы. Скоро они будут здесь и пойдут на приступ. Я привел с собой в цитадель триста человек. Битва продолжается только у южных ворот, но, думаю, это ненадолго, скоро весь город будет в руках варваров. Поэтому от твоего имени я приказал закрыть ворота цитадели.

— Ты правильно поступил. Ну что ж, запасов в крепости много, гарнизон обучен и многочислен, стены неприступны. Будем держать оборону, пока не подойдет наша армия. Верховный жрец говорил мне, что она сегодня выйдет из Ханнура и будет здесь уже через седмицу.

Помолчав, наместник обратился к своему помощнику:

— Сегодня я должен навестить главного жреца. От него есть какие-нибудь вести?

— Нет, господин. Знаю только, что утром они всем храмом ловили сбежавших черных рабов. Больше никаких известий от них не поступало.

— Странное это молчание... Надо проведать жрецов. Ведь они обещали приготовить для варваров что-то особенное. Но прежде всего — обед. Война войной, а на голодный желудок много не навоюешь.

Наместник встал из-за стола. Поднимаясь, он задел кипу папирусов, и на пол упало несколько документов. Помощник нагнулся, чтобы их подобрать, и тут заметил притаившуюся крысу.

— Крыса! — воскликнул он.

Зверек бросился со всех ног вверх по стене комнаты, обитой материей. Совсем рядом с ней, оцарапав ей бок, воткнулся кинжал. Гость, метнувший его, выругался с досады. Крыса, задыхая от пережитого ужаса, нырнула в отверстие и прислушалась.

— Ты заметил, какие у нее были глаза? — спросил наместник помощника.

— Да, совершенно человечьи.

— Ну вот и маленькая весточка из храма. Значит, там еще живы. Вели подавать еду. Ты не составишь мне компанию? — обратился наместник к своему гостю. — Как знать, может, это наш последний обед.

* * *

Кулл в это время спешил в главный зал, пересказать услышанное Рамдану и сотникам. Еще с порога он объявил:

— Город Тшепи наш. Валузийцы стоят у ворот цитадели.

Все с криками радости повскакивали с мест.

— Рамдан и сотники — ко мне. Нам надо кое-что обсудить.

Командиры собрались на военный совет.

— Я сообщил хорошую новость, но есть еще и плохая. Нас намерен посетить наместник.

Кулл вкратце пересказал подслушанный разговор, а пока он говорил, к ним присоединился Усирзес. Когда король закончил, воцарилось молчание.

— Обсудим план действий, — нарушил тишину Кулл.

Посыпались различные предложения: от прямолинейного штурма ворот до отхода назад через подземный ход, в котором придется расчистить завал.

Многие предлагали выйти на стену через четвертый этаж и, вырезав ее защитников, попробовать ворваться в башни.

Наконец слово взял сотник Фарамий:

— Мой король, ты сказал, что наместник хочет посмотреть, что же такое приготовили жрецы. И я подумал: демона-то мы уничтожили, но ведь об этом никто не знает. А если попросить Рамдана создать какую-нибудь кошмарную иллюзию? Кхешийцы примут ее за демона и откроют нам ворота. Вот тут мы и передадим их.

— Задумка хорошая,— кивнул Рамдан.— Но при дневном свете обман тут же раскроется: стоит подуть даже легкому ветерку, и пыль пройдет сквозь наше создание. Тогда и дурак поймет, что к чему.

— А что, если демона изобразит кто-то из нас? — предложил Фарамий.

— Как это? — удивился Рамдан.

— Ну, одеть кого-нибудь странно, размалевать пострашнее. Пусть он попрыгает внутри пентаграммы...

Все растерянно молчали, и еотник понял, что его план рассыпался в прах.

— А в этом что-то есть,— задумчиво протянул Усирзес.— Вспомните, как выглядел демон: это голая, лысая, сероватая обезьяна большого роста. Если взять мускулистого высокого человека, раздеть и покрасить, мы получим отличного демона.

— Кто у нас самый рослый? — спросил Кулл.

Все взгляды устремились на него. Кулл, осознав всю нелепость своего вопроса, ненадолго задумался.

— Хорошо, демоном буду я,— объявил он.— Если ничего не получится, тогда атакуем через четвертый этаж и попытаемся отбить хотя бы одну башню. Всех людей уберите из зала. Здесь останутся

только Рамдан и Усирзес, одетые жрецами Сатха. На всякий случай оденьте также жрецами десяток воинов — пусть стоят в тени у задней двери и не высовываются. А сейчас найдите краски.

— Мой король, ты забыл кое-что,— сказал Фарамий.

— Что?

— Кхешийцы тебя не узнают и откроют ворота — это хорошо. А если тебя не узнают валузийцы, что тогда?

— Изрешетят стрелами. Да, Фарамий, ты прав.

— Поэтому надо как-то предупредить своих.

Все задумались.

— Можно попробовать пускать стрелы с привязанным пергаментом через стены,— прозвучал чей-то голос.

— Это очень ненадежно. В пылу боя вряд ли кто обратит внимание на записки, да и читать не каждый умеет.

— Мой король!

— Говори, Рамдан.

— У меня из головы не идет одна фраза, брошенная сегодня утром кхешийцем.

— Священные крокодилы будут довольны?

— Я, кажется, понял, что она означает. Кхешиец имел в виду не храмовых крокодилов, которых здесь нет, а крокодилов, которые живут во рву цитадели. Их, наверное, кормят телами жертв. И я подумал: если им бросают мертвецов, а среди них окажется один живой, то он может переплыть ров и спрятаться на другой стороне — вот вам и гонец.

— Интересная мысль, но неплохо бы знать наверняка, что ты не ошибаешься.

— Можно просто допросить жрецов, как они кормят крокодилов, — пожал плечами Фарами.

— Отлично, вот ты этим и займись, — ответил Кулл. — О гонце поговорим позже, — заключил он. — Все свободны.

Все молча разошлись. Остался только Рамдан.

— Мой король, придется тебя побрить наголо, — хмуро сказал жрец, которому план короля очень не нравился.

— Давай, — со вздохом согласился Кулл.

Рамдан достал острое тонкое лезвие и начал осторожно срезать волосы короля. К ним подошел Усирзес с одеждами жрецов. У задней двери уже стоял десяток воинов, переодетых жрецами Сатха.

В каморке храмового живописца нашлось все, что нужно. Кулл разделся и безропотно отдал себя в руки жрецов. Когда они закончили красить его тело, Рамдан занялся лицом атланта. Один сотник отдал свой талисман — зубы серой гориллы. У Кулла появились два длинных клыка. На пальцы нацепили когти, вырезанные из дерева и покрашенные в черный цвет. Усирзес и воины еле удерживались от смеха, и лишь только Рамдан был предельно серьезен.

Работа уже подходила к концу, когда появился с докладом Фарами:

— Мой король, я все узнал. Они действительно просто сбрасывают тела в ров, чтобы накормить крокодилов. Мертвецов спускают по желобу, который хранится у них на четвертом этаже. Желоб

перекидывают на стену из крайнего окна. Но есть одна маленькая загвоздка — они делают это только по ночам.

— Но ведь сейчас день.

— Надо заставить наместника не мешать нам сделать это днем.

— Интересно, как? Эта задача — твоя, Рамдан. А ты, Фарами, молодец.

— Благодарю, король Кулл.

— А теперь ступай подбери парочку добровольцев для прыжка в ров. Ты, Рамдан, помоги их разукрасить, чтобы они сошли за мертвецов.

Тем временем воины тщательно прибрали зал. Трупы унесли, пол вымыли, светильники расставили и зажгли.

Воины перенесли носилки, на которых прежде восседал демон, в центр зала. На них уселся Кулл, скрестив ноги и вытянув вперед руки. Все замерли в ожидании, когда придет наместник.

Ждать пришлось недолго. Скоро в дверь постучали.

— Кто смеет беспокоить слуг Великого Змея во время служения? — спросил Усирзес, подходя к двери.

— Передай верховному жрецу, наместник города Тшепи просит разрешения войти и поговорить с ним.

— Верховный жрец отдыхает после ритуала, пойду доложу старшему жрецу.

Выждав положенное время, Усирзес повернул засов, и они с Рамданом навалились на тяжелые створки. Дверь медленно открылась. В зал вошел

наместник в сопровождении помощника и двух копыеносцев. Он с удивлением осмотрелся.

— Где старший жрец и что произошло с верховным жрецом?

— Старший поручил мне поговорить с тобой. Что касается верховного жреца, то сегодня утром несколько рабов пытались устроить побег. Они хотели проникнуть на четвертый этаж, оттуда перебраться на стену и бежать в город. Первым их обнаружил верховный жрец, именно он поднял тревогу. Рабы в отместку серьезно ранили его, — нашелся Усирзес.

— Надеюсь, виновные наказаны?

— Нет, это произойдет ночью, а сейчас их бросили в темницу храма.

— Понимаю. Теперь перейду к делу, ради которого пришел. Хочу сообщить вам неприятную новость: противник стоит у стен цитадели. Мы не смогли сдержать его. Верховный жрец обещал нам помощь. Вы готовы оказать ее?

— Взгляни сюда, наместник. Вот она. — Усирзес сделал широкий жест в сторону центра зала.

Наместник повернулся. То, что сначала он принял за золотую статую сидящего божка, оказалось живым существом.

Это был могучий демон с торчащими клыками и черными когтями. Если бы он выпрямился, то оказался бы на целую голову выше наместника. Особенно поражали его широкие плечи и мощный торс.

Кхешиец сделал знак помощнику, и тот, взяв факел, медленно направился к демону.

— Осторожно, — предупредил Рамдан, — не прикасайся к нему и не сотри пентаграмму, а то выпустишь его.

Помощник в ужасе попятился и остановился только на безопасном, как ему казалось, расстоянии. Наместник обошел вокруг Кулла и встал перед ним. Атлант открыл глаза.

Свет факела падал прямо на лицо золотого демона. От яркого света зрачки у Кулла сузились, и теперь на наместника глядели два глаза цвета серого орихалка. Он отшатнулся: таких глаз не бывает у кхешийцев. Орихалк сулил несчастье.

Если у наместника и оставались какие-то сомнения, то эти глаза развеяли их окончательно.

Кулл тоже успел разглядеть кхешийца, вернее, его одежду: шлем со страусовыми перьями, пластинчатые доспехи, защищающие торс, поножи, сандалии. На боку висел короткий меч, почти бесполезный в поединке, но очень опасный в тесноте битвы.

Наместник подозревал Усирзеса:

— Когда вы собираетесь выпустить его?

— Старший жрец сказал, чтобы мы с тобой решили сами.

— Этот демон боится дневного света?

— Нет. Ты хочешь выпустить его немедленно?

— Да.

— Разумное решение. Медлить действительно нельзя. Варвары могут принести сюда Щит Хотата, и тогда наш демон лишится силы.

Наместник и Усирзес вместе составили план. Жрецы донесут демона до ворот. В это время на-

местник откроет ворота и поднимет решетку. На устремившихся вперед валузийцев жрецы выпустят демона и, когда тот окажется за воротами, спокойно закроют их.

— Наместник, есть еще одно дело, о котором мне поручено сообщить тебе.

— Слушаю.

— У нас скопилось много еды для священных крокодилов, и мы хотим накормить их сейчас.

— Но сейчас день! — воскликнул наместник. — Как на это посмотрит Великий Змей?

— Это решают жрецы.

— Хорошо, я тотчас предупрежу охрану стен, — склонил голову наместник.

В хорошем расположении духа он покинул храм Сатха.

Рамдан и Усирзес подошли к Куллу.

— Ты прекрасно сыграл свою роль, — улыбнулся Усирзес.

— Ты тоже, — ответил король и собрался встать.

Неожиданно вернулся помощник наместника. Все затаили дыхание, а Кулл быстро присел. Но кхешиец не заметил ничего подозрительного. Он обратился к Усирзесу:

— Наместник сообщает, что у ворот стоит большой отряд варваров, и просит вас поторопиться.

— Иди и передай наместнику: мы готовы. Да пребудет с вами Великий Змей.

Кхешиец, поклонившись, вышел.

Глава десятая

Радучись, Сатхамус вошел в потайную комнату храма. Это помещение ничем не отличалось от такой же комнаты в храме Сатха в Тшепи. Стены были испещрены текстами заклинаний, в нише на подставке лежал камень богини Нут, освещающая комнату мерцающим светом. Перед ним сидел жрец с закрытыми глазами. Другой служитель примостился рядом, готовый в любой миг сменить товарища. Взглянув на них, Сатхамус сразу понял: они очень устали.

— Что у вас случилось? — спросил Сатхамус.

— О великий, в назначенное время храм Сатха в Тшепи не ответил. Нам еще не удалось установить связь, хотя мы уже давно пытаемся это сделать, — тихо сказал жрец.

— Должны быть какие-то очень веские причины для этого. Не думаю, что вы или они что-нибудь напутали в заклинании. Хорошо, выведи наблюдателя из транса и оба ступайте отдыхать. Я распорядился прислать вам смену.

Жрец склонился к своему товарищу и зашептал слова заклинания. Через некоторое время сидящий пришел в себя. Он так устал, что не сразу узнал Сатхамуса. Только присмотревшись, жрец понял, кто перед ним, встал и поклонился верховному жрецу.

— О великий, храм Сатха не отвечает,— сказал он.

— Я уже понял. Что ж, вы свою работу выполнили, теперь отдыхайте. Ключи оставьте мне, я подожду вашу смену. Да, чуть не забыл, принесите мне еще пяток куриц — я гляжу, вы уже всех перерезали. Ступайте, да пребудет с вами Великий Змей.

Оставшись один, Сатхамус задумался, почему молчит Тшепи.

Просто забыть об этом они не могли — он сразу отбросил такую возможность. У ворот города стоял враг.

Значит, в потайной комнате постоянно оставались наблюдатели, которые сразу обратили бы внимание на пульсирующий кристалл.

Нельзя было считать причиной молчания и неподготовленность наблюдателя в Тшепи: в потайную комнату допускали только хорошо обученных жрецов.

Оставались только три причины: или в комнате никого не было, или как-то повредили камень богини Нут, или его просто украли. Второе было маловероятно: с кристаллом обращались очень осторожно. Кража тоже отпадала: камень берегли как зеницу ока.

Тогда комната пуста? Но почему? Или враг вырезал всех защитников храма, или верховный жрец затеял сложный ритуал, на котором должны присутствовать все старшие жрецы.

Вряд ли валузийцы пошли на ночной штурм. Кулл не повел бы ночью уставших воинов форсировать широкую реку и штурмовать хорошо укрепленный город.

А может, и повел? «Нет, это невозможно,— подумал Сатхамус,— о ночном штурме нас известили бы в первую очередь.» Но и ритуалов, для которых нужны все жрецы, он не знал.

Из задумчивости его вывела новая смена наблюдателей. Они принесли с собой клетку с пятью птицами. Вошедшие поклонились, приветствуя Сатхамуса.

— О великий, мы готовы приступить к своим обязанностям,— сказал старший.

— Подождите снаружи, сейчас я сам попробую вызвать Тшепи. Ваща помощь мне не нужна.

В это время в комнату вошел Амензес — самый молодой маг Черного Логова.

— Приветствую тебя, Сатхамус.

— Приветствую тебя, Амензес,— ответил верховный жрец.

— Мне передали, что пропала связь с Тшепи и ты просишь меня прийти.

— Поразмыслив об этом странном молчании, я пришел к выводу, что, скорее всего, в комнате никого нет.

— Тогда ты, наверное, уже понял, что там случилось? — спросил Амензес.

— Нет. Я хочу кое-что попробовать, и мне нужна твоя помощь. Мой план прост: мы объединим наши усилия и попытаемся через кристалл подчинить кого-нибудь... лучше, конечно, младшего жреца или служку, можно и крысу, на худой конец — раба. Но придется действовать на расстоянии, и моих сил может не хватить. Ты согласен помочь?

Амензес на мгновение задумался. В простом, казалось бы, предложении таилась большая опасность — быть полностью подчиненным верховному жрецу.

Во время совместных действий тот легко может это сделать. У юного мага даже возникло подозрение, а не ловушка ли это?

Но факты говорили обратное: усталый вид жрецов, встреченных им по пути сюда, и горка куриных трупики в углу — все это подтверждало слова верховного жреца.

Конечно, молчание города можно использовать как предлог, но, сравнив свои силы с силами Сатхамуса, он понял: верховному служителю Сатха это ни к чему.

Амензес — самый молодой из магов Черного Логова и поэтому, как это ни прискорбно, самый слабый.

Серьезным соперником он станет, если выживет, лет через сто. А это большой срок даже для Тха-Таурага. Так что не стоит ожидать подвоха со стороны Сатхамуса.

— Да, — наконец ответил Амензес.

Без лишних слов они стали готовиться к церемонии: зарезали двух куриц — в честь богини Нут

и бога Инпу, их кровью обагрили небольшой алтарь перед кристаллом, и Амензес начал нараспев читать заклинания.

Сатхамус расслабился и, очистив разум от всех посторонних мыслей, под действием заклинания стал погружаться в транс. Мозг отключил зрение, комната потускнела и уплыла в сторону.

Наступила полная темнота.

Сатхамус подсознательно повторял вместе с магом слова древнего текста. Среди темноты возникла яркая точка, которая постепенно увеличивалась.

Когда последнее слово было произнесено, точка превратилась в небольшое солнце, затопившие светом сознание жреца.

Свет был настолько ярким, что это одновременно удивило и восхитило жреца: обычно при вызове свет был тусклым и солнце поменьше. Сатхамус знал, что это солнце — кристалл в Тшепи.

Верховный жрец вспомнил о маге и решил поискать его.

Он мысленно ощупал пространство вокруг, обнаружил сознание мага рядом со своим и понял, почему маги Черного Логова никогда не объединяют своих усилий, ведь так легко поглотить и растворить в себе сознание мага, подчинить его своей воле.

Сознание Сатхамуса потянулось к сознанию Амензеса, обволакивая его тонкими нитями. Амензес приготовился к защите. Солнце начало тускнеть и уменьшаться. Сатхамус мгновенно отказался от мысли подчинить мага и сосредоточил все уси-

лия на солнце. Вскоре к Сатхамусу присоединился и успокоившийся Амензес.

Солнце засияло с новой силой. Общей волей кхешийцев их сознания соединились с солнцем тысячами нитей и начали приближать кристалл к себе.

Перед их внутренним взором солнце стало увеличиваться, свет его начал тускнеть, и на его фоне проступили смутные, размытые очертания предметов.

Это была огромная удача.

Вскоре картина начала проясняться — они как будто заглядывали в призрачную комнату с едва различимыми силуэтами. Сатхамус очень удивился: в помещении явно находились люди, их тени перемещались. У него снова вспыхнули подозрения, что камень был украден, и они видят похитителей.

Перед Сатхамусом начала вырисовываться застывшая фигура.

Он догадался: с этим человеком они вступили в контакт.

Усилий двух магов хватило, чтобы вскользь брошенный человеком взгляд приковался к кристаллу надолго. Осталось только проникнуть к смотрящему в мозг и узнать, что произошло в городе и почему храм не отвечает.

Кхешийцы сосредоточились на «собеседнике».

Вскоре стало появляться лицо. На них смотрели серые глаза. Таких глаз не бывает у кхешийцев! За спиной человека четко обозначилась стена помещения, где находился кристалл.

Это была потайная комната, верховный жрец узнал ее сразу по фрагментам заклинаний, написанных на стенах. Камень богини Нут лежал на месте.

Сатхамус успокоился и перенес внимание на человека. Одетый как жреца Сатха, тот не был ему знаком. Верховный попробовал проникнуть в мозг чужака, но не сумел.

Будь у Сатхамуса с Амензесом больше времени, они сумели бы подчинить «собеседника», но в самый неподходящий миг его отвлекли. Кхешийцы увидели, что кто-то подошел к нему и сказал — эти слова отчетливо прозвучали в мозгу верховного жреца: «Мой король, я думаю, смотреть на кристалл...»

В это мгновение связь прервалась. Сознание кхешийцев затопил испепеляющий свет: они слишком приблизились к кристаллу.

Верховный жрец пронзительно вскрикнул, его мозг погрузился в спасительную темноту, он потерял сознание.

Сатхамус медленно приходил в себя. Сначала он не узнавал ничего вокруг, потом вернулось понимание, взгляд его принял осмысленное выражение, и он сообразил, где находится, — в потайной комнате.

Над ним, пытаясь привести его в чувство, хлопотали жрецы. Еще не полностью владея речью, он знаками показал, что с ним все в порядке.

Вскоре он совершенно оправился и спросил, что случилось. Ему рассказали, что жрецы, ждавшие за дверью, услышали крик и, вбежав в комнату,

увидели лежавших на полу верховного жреца и мага.

Сначала жрецы подумали, что оба мертвы, и лишь потом нащупали слабый пульс и тут же принялись приводить обоих в сознание. Это заняло немало времени.

— Мы рады, что ты вернулся к нам из страны мертвых, о великий,— вежливо закончил жрец свой рассказ.

— Спасибо за заботу,— поблагодарил Сатхамус.— Помогите мне подняться.

Жрецы поставили его на ноги и, видя, что их помощь больше ему не нужна, отошли к своему товарищу, хлопотавшему над магом.

Почувствовав, что силы полностью вернулись к нему, Сатхамус напрягся, мучительно пытаясь вспомнить, что же случилось перед тем, как он потерял сознание.

Память медленно возвращалась, картина становилась все яснее: сначала совместная с Амензесом удачная попытка установить связь, потом появление странного жреца Сатха, отозвавшегося на их зов, и наконец болезненный разрыв контакта. Так ли это было?

Вот только с этим необычным жрецом что-то неладно. Последняя фраза... Он сказал: «Мой король»...

И тут его осенило: слова прозвучали по-валузийски! Перед мысленным взором жреца опять всплыло лицо человека, которого называли королем. У него были серые глаза, высокий лоб и длинные черные волосы... Волосы!

Жрецы Сатха брили головы! Это самозванец.

Сатхамус вспомнил описание короля Валузии Кулла: волевое лицо с серыми глазами, длинные черные волосы... Верховный жрец даже вспотел — этого не могло быть!

Но как Кулл туда попал? Ночной штурм отпадает, о нем жрецы сообщили бы сразу. Перемирие тоже следует исключить: Кулл не дурак, он знает, что, стоит ему войти в город, даже для переговоров, кхешийцы забудут все клятвы, схватят и казнят его.

Предательство? Жрецы Сатха знают, чего ждать от Кулла. Нет, предательство тоже отпадает. Тогда как он попал в храм? Сатхамус был уверен: они видели именно храм Сатха в Тшепи, а не другое место, только там были такие тексты заклинаний на стенах.

Верховный жрец допускал, что одежда могла обмануть стражников, но жрецы сразу бы раскрыли обман. Тогда почему он находился в потайной комнате и к нему, не таясь, обращались по-валузийски?

Его размышления прервал пришедший в себя Амензес:

— О великий, извини, что прерываю твои размышления, но хочу вернуться к нашему путешествию. Тебе не показался странным тот жрец?

Сатхамус посмотрел на него. Амензес уже полностью оправился и жаждал поделиться впечатлениями. У стены застыли в ожидании жрецы.

— Я рад, что твое здоровье вне опасности,— сказал Сатхамус.— Подожди, я только отдам необхо-

димые распоряжения, и мы с тобой все обсудим. Дети Сатха, продолжайте вызывать Тшепи,— обратился он к жрецам.— Хотя, по-моему, это бесполезно,— тихо, чтобы слышал один только Амензес, добавил он.

Верховный жрец и маг вышли из комнаты в коридор, чтобы поговорить без свидетелей.

— Знаешь, кого мы видели в Тшепи? — спросил Сатхамус, когда они остались одни.

— Нет. Но это не настоящий жрец Сатха. Я думаю, это вор, пробравшийся в храм, чтобы что-то украсть.

— Это король Валузии.

Маг застыл, как изваяние.

— Невероятно! — наконец произнес он. — Но я вынужден признать: ты прав, о великий. Он полностью подходит по описанию, и к нему обращаются «король». То-то сначала он показался мне похожим на Халега, когда тот вышел из подземного хода с Тха-Таурагом. Не личное сходство, а осанка, твердый взгляд и особенно серые глаза. Я преклоняюсь перед твоей наблюдательностью и способностью видеть очевидное там, где другие не видят ничего. — Маг помолчал. — Но как Кулл попал туда? Наверное, ты уже знаешь?

Что-то в словах Амензеса насторожило Сатхамуса. Он почувствовал, что разгадка где-то рядом, маг, сам того не желая, как-то ответил на мучивший жреца вопрос.

— Нет, — честно ответил Сатхамус, пытаясь ухватить ускользавший ответ. — Повтори, что ты сказал о Кулле?

— Он похож на Халега. Для меня все северные варвары похожи друг на друга.

— А ты не можешь поточнее вспомнить свои слова?

— Мне показалось, что он похож на Халега. Я видел тулийца, когда он вместе с Сенахтом и Тха-Таурагом вышел из подземного хода. Мне бросилось в глаза не личное сходство...

— Ну конечно! — воскликнул Сатхамус, перебив мага. — Подземный ход. Ответ на вопрос, как варвар попал туда, очень прост — по подземному ходу.

— Я не слышал о таком в Тшепи.

— И я тоже, Амензес, но это не значит, что хода нет. Вспомни о подземном ходе, ведущие из нашего храма в храм богини Нут. О нем мы знаем только потому, что раз в сто лет туда спускается Тха-Таураг, иначе мы давно забыли бы о нем. Я уверен, что такой огромный и древний храм Сатха, как в Тшепи, обязательно имеет подземный ход.

— Да, это все объясняет. Значит, храм в руках врага. Если они захватили цитадель, Тшепи обречен, как ты и предсказывал.

— Похоже, так оно и есть. Кулл решил переправиться ночью через Таис и по подземному ходу ворвался в храм. Но как он узнал о проходе? Без предательства тут не обошлось.

— Я тоже так думаю. Что будем делать?

— Тебе лучше остаться здесь, Амензес. Постарайся узнать что-нибудь еще. А я пойду предупредить Логово.

— Да пребудет с тобой Великий Змей.

Маг направился в потайную комнату. У самого выхода спутник вдруг окликнул его:

— Да, кстати... Я хотел принести твои извинения, за то что пытался подчинить твой разум.

Амензес коротко кивнул.

— Не будем об этом.

Глава одиннадцатая

а пристани Ханнура сегодня собрался весь город. Зеваки запрудили рыночную площадь и портовые улочки, дабы поглазеть на отплытие жрецов и правителя Кхешии, которое было назначено на полдень. Солнце почти уже достигло зенита, когда со стороны храма Сатха раздался приветственный гул, предвещавший начало шествия. Толпа оживилась.

По главной улице потянулись инкрустированные золотом паланкины жрецов, отплывающих с армией. Во главе процессии в окружении телохранителей ехал владыка Сенахт. Он отказался от носилок и сейчас лишний раз убедился, что был прав. Ему было приятно смотреть на восторженные лица, слышать радостные вопли подданных и думать о том, что его Кхешия, богатая и сильная страна, одолеет любого врага.

В это время в потайной комнате храма Сатха на циновке, скрестив ноги и привалившись спиной к стене, сидел Амензес и мелкими глотками пил го-

рячий отвар со жгучими и ароматическими приправами.

То и дело юноша бросал хмурый взгляд поверх чаши на магический кристалл, лежавший на подставке из сандалового дерева, на маленький алтарь перед ним, забрызганный кровью двух куриц, принесенных в жертву всевидящей Нут и справедливому Инпу.

Несколько долгих дней и бессонных ночей провел молодой маг, пытаясь связаться с храмом Сатха в Тшепи, но все оказалось напрасно, и сейчас он чувствовал себя разбитым и опустошенным. Голова туго болела и кружилась, ноги, казалось, онемели, руки заметно дрожали.

Допив отвар, Амензес поставил чашу на пол, выпрямился и, положив разведенные руки на колени, принял позу, в которой ему всегда было проще всего сосредоточиться.

Вскоре его дыхание замедлилось, а потом и вовсе остановилось, лицо застыло, став похожим на восковую маску, опущенные веки оставались неподвижными — сейчас маг менее всего напоминал живого человека, сторонний наблюдатель принял бы его за статую.

Амензес же видел себя сидящим на высоком холме. Порывистый ветер то налетал со спины, то бил в лицо, то толкал в бок. В воздухе кружились сверкающие искорки, вспыхивая, как мелкая рыба чешуя в лучах солнца. С вершины холма открывалась бесконечная даль, а с неба текло ровное и густое, точно мед, сияние. Время здесь, казалось, вовсе остановило свой бег.

Между тем в потайной комнате прошло не больше тысячи ударов сердца, когда веки жреца дрогнули и открылись. Лихорадочный блеск в глазах пропал, головная боль исчезла, вязкий туман, мешавший сосредоточиться, рассеялся. Мысли стали ясными и простыми, будто палочки для счета.

Маг легко поднялся на ноги и выглянул в окно.

Солнце стояло в зените.

В жарком воздухе над главной улицей висела пыль, поднятая сотнями ног и копыт. Под восторженные крики, лязг доспехов, скрип повозок процессия, точно огромный змей с золотой чешуей, ползла к порту.

Далеко впереди, за колонной чернокожих наемников, Амензес увидел большую повозку, над которой развевалось храмовое полотнище, черное, с изображением великого Сатха, вышитым тонкими серебряными нитями.

Жрецы Черного Логова, Сатхамус и сам Тхатаураг отправлялись вместе со кхешийским войском вниз по реке. Амензес нагонит их после. Битва, которая, как предсказала всевидящая Нут, произойдет через пять дней, будет решающей. И без магии, в которой Черное Логово особенно преуспело, защитникам Кхешии не обойтись.

Маг оторвал взгляд от процессии. Таиса из окон храма видно не было. На крепостной стене, окружавшей столицу, застыли крошечные фигурки воинов с копьями в руках. Амензес смотрел против солнца, а потому и воины, и каменные зубья стены казались ему совсем черными. Он отвернулся от окна и, подойдя к резной подставке из

сандалявого дерева, опустился на циновку перед магическим кристаллом.

Маг знал: если в этот раз там, за много лиг в храме Сатха, он не сможет найти нужного человека и подчинить себе чужое тело, то еще на одну попытку сил у него уже не хватит. Отправляясь в поход, Сатхамус и Логово хотели знать наверняка, пал Тшепи или нет.

Амензес выровнял дыхание, направил на кристалл пристальный взгляд. Примерно через двадцать ударов сердца глаза его затуманились и вдруг стали неживыми, точно сделанные из стеклянных шариков глаза куклы. Кристалл же, наоборот, ожил и из мертвого, светящегося голубоватым светом камня превратился в огромный живой глаз.

Амензес мысленно открыл веки и тут же увидел рассеянный свет, комнату и человека в одежде жреца, накинутой поверх доспехов, который сидел на циновке спиной к кристаллу...

Его звали Чинор.

Он был десятником валузийской пехоты и уже шестой раз воевал под знаменами Кулла.

Сейчас Чинора все раздражало: одиночество и безделье томили его и, чтобы хоть чем-то занять себя, он встал и принялся расхаживать по маленькой комнатке из угла в угол, стараясь не мелькать у окна.

На полу лежали циновки. Стены комнатки покрывали темные письма, знаки которых были незнакомы Чинору и походили на сцепившихся друг с другом многоножек и каракатиц. А на резной подставке из сандалового дерева лежал круп-

ный, размером с кулак взрослого мужчины, кристалл. Из-за этого кристалла Чинор и торчал тут.

Утром Кулл сказал ему:

— Слушай меня внимательно, парень. Видишь этот камень? Он очень дорогой, и в нем заключена сильная магия. Ты будешь охранять его.

Усирзес, уходя, наказал никого не пускать в комнату и, главное, не смотреть на камень:

— Это опасно. Тебя сменят, когда мы возьмем цитадель, я сам или Рамдан. Словом, кто-то из нас двоих придет сюда. Ты узнаешь нас по голосу?

— Да, господин, я тебя понял,— ответил тогда Чинор.

— Запомни, десятник, ты отопрешь дверь, только если узнаешь наши голоса,— повторил жрец.— Это приказ короля.

Чинор кивнул и покосился на кристалл:

— Можно спросить?

— Спрашивай.

— Я вот что подумал,— сбиваясь, заговорил Чинор.— Эта штука магическая, она может вселяться в другие тела, но она не может превратиться в паука или в птицу, а тем более превратить в них меня. Чего мне бояться? А если может, что я с ней буду делать? Я ведь ничего такого не умею...

— Если ты не будешь смотреть на него,— пообещал Усирзес,— ничего дурного не случится. И дверь никому не открывай.

— Хорошо, не беспокойся,— ответил десятник.

— Эта вещь может такое сделать с тобой... — продолжил жрец.— Даже на миг на ней не задерживай взгляд. И вот еще что. Будь осторожен и не

подходи к окнам, не высовывайся — воины из цитадели увидеть могут.

— Понял. К окну не подходить и не высовываться, — кивнул Чинор и снисходительно улыбнулся: он прошел не одну войну, и его ни к чему было учить осторожности.

Усирзес ушел. Чинор запер за ними дверь и остался один на один с кристаллом.

Он неподвижно сидел у двери спиной к камню, пока в комнату не начали долетать звуки надвигающейся битвы. Ему, опытному вояке, больше всего на свете сейчас хотелось бы оказаться в гуще боя, встать плечом к плечу с друзьями и бить врага. А он вынужден охранять эту безделицу, когда там, за толстыми каменными стенами, льется кровь!

С досады Чинор плюнул и начал ходить по комнате из угла в угол, поневоле бросая на камень осторожные взгляды. Время шло, но ничего не происходило, и десятник невольно подумал о том, что, может быть, Усирзес ошибся и камень, из-за которого он здесь торчит, — это просто стекляшка и никакой магии в нем нет.

Конечно, для магов он, может быть, и опасен. А у него, простого воина, никакой особой силы нет, и эта вещица для него — какой-то пустяк. Тогда что он вообще тут делает?

Чинор разозлился и, повернувшись к камню лицом, уставился на него так пристально, что на глазах выступили слезы.

Однако проклятый кристалл ничуть не изменился, а десятнику стало так скучно, что он готов был согласиться даже на то, чтобы из магического

камня выползло чудовище. Тогда хоть подраться было бы с кем.

Чинор разочарованно вздохнул и снова отвернулся от камня. Сидя на полу, он смотрел в окно, видел только кусочек ярко-синего неба над Тшепи и вдруг подумал, что в других странах, где ему довелось побывать, небо голубое и похоже, особенно по утрам, на высокий купол, и только в этой поганой земле оно какое-то неправильное, ослепительно синее и плоское, как крышка сундука.

«А все оттого, что люди, которые здесь живут, поклоняются змею», — решил он.

Настроение у десятника совсем испортилось.

Между тем шум за окном становился все громче. Бой шел уже на улицах города, запахло гарью, а по небу протянулись полосы дыма, точно рукава огромных рубаш.

Чтобы хоть немного развеяться, Чинор стал насвистывать боевой марш валузийской пехоты. Неожиданно ему показалось, что у него чешется лопатка, он почесал ее рукоятью кинжала, но зуд все не проходил. Чинор потянулся за кинжалом снова и тут понял, что ему ужасно хочется оглянуться, точно кто-то невидимый шептал ему в ухо: «Оглянись, оглянись, оглянись...»

Не видя смысла отказывать себе в таком простом желании, он обернулся.

Камень, лежавший на резной подставке, ожил и смотрел на него, словно большой человеческий глаз, вынутый из глазницы.

На мгновение Чинор опешил, потом подошел поближе и присел на корточки перед кристаллом.

И тут его словно ударили ладонью по лбу. Искры, брызнувшие из его глаз, рассыпались фонтаном и погасли во тьме.

Чинор чувствовал, что падает в какой-то бездонный и темный провал, и в тоже время понимал, что по-прежнему сидит на циновке в маленькой комнате в храме Сатха в Тшепи, склонившись над кристаллом. Его мысли вдруг остановились, а воздух, которым он дышал, стал густым и вязким...

* * *

...На циновке в комнате сидел человек в боевых доспехах. Его разум оказался примитивным, точно сознание мула. И упрям этот человек был, как животное, только его воля была бессильна перед магией Черного Логова.

Амензес заставил человека обернуться, их взгляды встретились, и маг, почти не напрягаясь, вытряхнул его сознание и влил в этого тупого вояку свое. Это была легкая победа. Человек даже опомниться не успел, как лишился своего тела.

Тело Чинора, на мгновение оставшееся без хозяина, даже не успело упасть на циновку. Амензес уже не раз проделывал такие трюки и знал, что понадобится какое-то время, чтобы ловко управлять чужими мышцами и ясно видеть чужими глазами.

Но это еще полбеды. Самым отвратительным для мага был запах "пленника". Вот и сейчас Амензес чуть не задохнулся от чудовищной вони, которую сам валузийский десятник, конечно же, никогда даже не замечал.

Маг сморщился, почувствовал жуткую смесь запахов грязи, пота, чеснока и невесть чего еще. Похоже, воин не мылся уже несколько лун. Маг судорожно сглотнул, но сдержаться всё же не смог, и его стошнило на циновку.

Переведя дыхание, он заставил тело Чинора встать на ноги, затем поднял одну руку, другую, сжал пальцы в кулак и заметил, что на правой руке не хватает мизинца. Сделал шаг, другой. Эти шаги напоминали шаги ребенка, который учится ходить.

Амензес огляделся, то есть заставил повернуться голову Чинора направо, потом налево. Настороженно прислушался.

Из окна долетал шум далекого боя, за дверью слышалась какая-то возня.

Тело Чинора прислонилось к стене, и на губах десятника заиграла тонкая, едва заметная улыбка. Раньше он никогда так не улыбался.

Чтобы узнать все, что знал валузийский воин, магу понадобилось всего несколько ударов сердца. Чужая жизнь посыпалась на Амензеса, как ворох пестрых картинок.

Чинор был сыном земледельца. Его детство пахло навозом, землей и жнивьем. Брезгливо морщась, маг перелистал эти картинки за один миг. Быстро просмотрел юность. Перед мысленным взглядом Амензеса мелькнули колонны воинов марширующих по пыльным дорогам в закатную даль, хохочущие пьяные девки в душной и дымной полутьме шатров, степные ночи, костры, силуэты всадников, заслоняющие крупные, точно сливы, звезды...

Маг начал всматриваться в жизнь Чинора внимательнее и увидел ночную переправу через Таис, освещенный факелами подземный ход, демона в храме Сатха и Щит Хотата, горящий сапфировым светом в руках Рамдана...

Амензес узнал: верховный жрец убит, а Нутхес, его преемник, жив. Его и других жрецов валузийцы заперли в подвале храма.

Теперь маг знал все, что хотел знать. Он подошел к кристаллу, осторожно его взял, спрятал в складках плаща, подошел к двери, отодвинул задвижку и выглянул наружу.

Коридор был безлюден.

Тогда Амензес вышел из комнаты и тихо прикрыл за собой дверь. Он бывал здесь раньше и не нуждался в провожатых.

Глава двенадцатая

Ваконец восемь воинов, сопровождавших наместника Тшепи, осторожно подняли носилки и понесли к выходу из храма. Кулл, раскрашенный золотой краской и наголо обритый, сидел неподвижно, стараясь принять вид если не угрожающий, то, по крайней мере, угрюмый. Наместник шел сзади, и атлант слышал, как он сказал негромко:

— Надеюсь, ваш демон стоит этих хлопот.

— Не беспокойся, господин, — заверил его Усирзес. — Демон обладает нечеловеческой силой и неуязвим для копья или стрелы. Его сможет остановить только сильный магический талисман. Такой, как Щит Хотата. Но валузийские колдуны сильно уступают магам Черного Логова и вряд ли быстро поймут, что к чему.

Носилки вынесли за ворота храма. Тяжелые створки, сделанные из железного дерева, придерживали валузийские воины, переодетые храмовыми стражниками.

Полуденное солнце жгло немилосердно и светило так ярко, что Кулла сморщился, оскалил клыки и зажмурился.

Ворота за его спиной медленно затворились. За ними остались Рамдан и три сотни воинов. Камелиец хотел сопровождать Кулла, но король слишком дорожил им, чтобы подвергнуть его опасности. Атланта сопровождали Усирзес с десятком переодетых воинов.

У носилок шли телохранители Кулла — два воина из отряда Алых Стражей, которые прятали под плащами короткие мечи и кинжалы. Наместнику Усирзес сказал, что эти двое разрушат пентаграмму и освободят демона.

Кхешийские воины, толпившиеся во дворе, старались подойти поближе, чтобы поглазеть на чудовище. Не поворачивая головы, атлант скосил глаза в одну, потом в другую сторону: на лицах воинов читались изумление и страх, никто не смеялся. Судя по всему, «демон» получился что надо.

Солнце скрылось за башней цитадели. Носилки остановились у ворот.

— За стеной — варвары, — сказал наместник Тшепи, обращаясь, по-видимому, к телохранителю Кулла. — Натрави на них демона. Постарайся сделать это быстро, иначе враги или сам демон ворвутся в цитадель, а вас убьют. Решетка будет открыта недолго. Ты все понял, жрец?

— Да, господин, — тихо ответил тот.

— Если замешкаетесь, я не стану вас ждать, — пообещал наместник.

— Да пребудет с тобой Великий Сатх.

Обойдя носилки, наместник еще раз взглянул на Кулла, но, увидев его стальные серые глаза, поспешно отвернулся. Затем он постоял немного, накрутил конец бороды на крючковатый палец, поцокал языком. Он почему-то медлил отдавать приказ, и ворота цитадели оставались закрытыми.

Кулла знал, что сейчас из окон храма за ними следит множество глаз. Уже натянуты луки, и стрелы положены на тетиву. Казалось, воздух от ожидания стал густым, а время остановилось...

Наместник кашлянул и сплюнул на землю.

— Открывайте ворота, — буркнул он и, задрав голову, крикнул: — Эй, на башне, уснули что ли? Живо поднимайте решетку и опускайте мост!

* * *

— Этот жрец пойдет со мной, — сказал десятник, показывая на Нутхеса. — Приказ Кулла.

Воин пожал плечами и крикнул жрецу:

— Ты что, оглох? Иди сюда!

Нутхес поднялся и, распахнув тесно сидевших жрецов, выбрался из загона, в котором прежде содержали рабов.

Воин запер загон, и все трое вышли из подвала на лестницу. Там на ступеньках, прислонив к стене боевой топор с шербатым лезвием, сидел второй воин.

— На допрос? — спросил он.

Десятник кивнул.

— Если бы Кулла не приказал взять вас живыми, всех бы вырезали! — Валузиец с ненавистью взглянул на Нутхеса. — Крысы! Бледные, точно

мертвецы, ходят — ноги едва передвигают, драть-ся по-честному не умеют, так и зовут на подмогу всякую мерзость! Тьфу, Энлил вас побери! — И он плюнул, целясь в и без того уже грязный плащ Нутхеса.

Десятник толкнул жреца и, когда Нутхес оглянулся, жестом показал: иди наверх.

На площадке второго этажа стояли четверо воинов. Они грызли сушеные фрукты и о чем-то негромко разговаривали. Ни десятник, ни пленный их не интересовали. Продолжая беседовать, они расступились и пропустили обоих.

Нутхес шел по лестнице не спеша, благо конвоир не подгонял, и смотрел под ноги. Он невероятно устал, а в загоне для рабов так и не сумел заснуть.

Голова болела, перед глазами все плыло, как в тумане, он ни на чем не мог сосредоточиться, но то, что жрец все-таки замечал, вызывало у него непонятную смутную тревогу.

Нутхес попытался взять себя в руки и осмыслить, что же заставляет его тревожиться. Через четыре ступеньки он понял: десятник. А вернее, его глаза. В глазах воина, который вел его куда-то, была отстраненная холодная мудрость. Такие глаза могли быть у жреца, мага, но никак не у воина.

Он хотел было обернуться и вновь взглянуть на валузийца, но решил, что лучше пока этого не делать.

Между тем они поднялись еще выше и свернули в узкий проход, который связывал два крыла храма. Одна стена здесь была глухая, а ту, что вы-

ходила ко рву с крокодилами, прорезал ряд полукруглых окон.

В проход с другой стороны быстрым шагом вошли десяток воинов и сотник, которые несли куда-то пять трупов, по виду явно кхешийцев. Пропуская воинов, Нутхес и его конвоир встали у стены.

Сотник прошел было мимо, но оглянулся и, сделав знак воинам следовать дальше, направился к десятнику.

— Тебя что, сменили? — спросил он.

— Да, — коротко ответил тот.

Сотник пристально посмотрел на него. Косой солнечный луч, падавший из окна, освещал старый шрам от стрелы на шее десятника, а на его правой руке не хватало мизинца. Сомневаться не приходилось: человек, который стоял перед сотником, — его давний друг Чинор.

— А этого куда ведешь? — поинтересовался он, все-таки ощущая смутное беспокойство.

— На допрос. Приказ Кулла, — ответил десятник.

Валузиец не поверил своим ушам: он прекрасно знал, что Кулла не до пленного жреца — как раз сейчас король сидел на носилках, которые скоро понесут через двор кхешийские воины.

— Ты что, пьян? — спросил он, подходя к десятнику вплотную.

— Нет, — спокойно ответил Чинор.

И правда, вином от него не пахло.

Сотник положил руку на плечо Чинора и развернул его к свету. В лучах яркого солнца лицо десятника казалось мертвым, а из глазниц, как из

прорезей в маске, смотрели холодные чужие глаза. Сотник понял, что человек, который стоит перед ним, — не Чинор.

В этот же миг десятник ударил его кинжалом в живот и тут же выдернул лезвие из раны. Валузиец согнулся, закрывая обеими руками живот, и что-то прохрипел. Чинор положил ему ладонь на лицо, толкнул назад и одним ловким движением, точно убивал жертвенное животное, перерезал горло от уха до уха.

Сотник упал, заливая каменные плиты кровью.

— Возьми его за ноги, — коротко велел десятник Нутхесу.

— Кто ты? — спросил жрец, не двигаясь.

Воин ничего не ответил, а, взявшись за ремни, приподнял тело и выжидательно посмотрел на Нутхеса.

Тот молча взял сотника за ноги. Вместе они затаскивали мертвеца в первую попавшуюся комнату и спрятали там.

— Пойдем, — позвал десятник.

Жрец пожал плечами. Он начинал догадываться, что конвоир ведет его на четвертый этаж.

В проеме, выходящем в сторону рва, сустились валузийцы. Желоб, по которому жрецы сбрасывали тела, был установлен на место. Вдруг кто-то закричал:

— Смотри! Один живой! Второй тоже плывет. Стреляй! Попали! Хотат его побери! Один ушел!

Жрец и воин вошли в комнату. Десятник запер дверь и устало опустился на циновку. Нутхес сел на другую.

— Я маг Черного Логова — Амензес, — сказал десятник пристально глядя на Нутхеса. — Ты знаешь обо мне?

— Да, господин, — торопливо ответил Нутхес.

— Нам нужно было узнать, что происходит в Тшепи, но мы не могли связаться с вашим храмом. Тогда я пришел сюда и взял на время это тело...

Надо сказать, жрец не слишком удивился. Он уже предполагал что-то подобное, а поскольку был посвященным, знал, что для мага украсть чужое тело все равно, что для базарного воришки — сунуть финик.

— Теперь я знаю, что здесь было. Ночью Кулл пришел в храм по подземному ходу, — продолжал Амензес. — Он захватил храм, и вскоре Тшепи падет. Изменить что-то — не в нашей власти. Поэтому не стоит поднимать тревоги. Мне нужна твоя помощь в другом. Ты вынесешь из храма магический кристалл. Ты понимаешь, что может случиться если им завладеют валузийские маги? — Он осторожно передал камень жрецу.

Нутхес кивнул. Он знал, что будет, попади такой кристалл в руки Рамдана или кого-то из жрецов Валки и Хотата. Кулл тогда сможет проникать в сознание любого живого существа во всей Кхешии, и для него не останется тайн. И это только малая часть всех бед.

— Мы пока переждем здесь, а при первом удобном случае ты сбежишь. Ты должен доставить кристалл в Туит. Там передашь его мне или верховному жрецу Сатхамусу. Понял?

— Да, мой господин,— кивнул Нутхес

Некоторое время они молча сидели друг перед другом, думая каждый о своем.

Затем Нутхес поднялся и подошел к окну. И обернулся к своему спутнику.

— Странно. Наместник открывает ворота цитадели,— удивленно сообщил он магу.— Оттуда выносят носилки... Я ничего не понимаю, что там происходит. Предательство?!

— Не все ли равно? — грустно улыбнулся маг.— Всевидящая Нут предсказала, что город падет. Я был бы безумцем, если бы решил, что могу изменить предсказание богини. Ты должен спасти кристалл.

— Да, господин,— ответил Нутхес.

— Найди лодку и отправляйся вверх по Таису. Спешу, а то корабли Кулла догонят тебя.

— Я понял, господин.

— Чтобы выбраться из храма, переоденешься валузийским воином. Возьмешь одежду и доспехи десятника. Дождись лучше ночи. Так будет безопасней.

Он поднялся с циновки, снял пояс с мечом и начал отцеплять доспехи. Сложив все на пол, Амензес посмотрел на Нутхеса немигающим взглядом змеи:

— Да пребудет с тобой Великий Сатх.

Приоткрыв дверь, он быстро пересек коридор, забрался в оконную нишу и по желобу ловко съехал вниз.

Нутхес, сидя в комнате, услышал всплеск, сопровождавшийся удивленными криками. Он быс-

тро снял жреческое одеяние и принялся натягивать на себя снаряжение десятника валузийской пехоты. Пора было отправляться в путь.

* * *

...Когда Чинор пришел в себя, он с удивлением обнаружил, что летит вдоль каменной стены прямоком в ров.

Вода оказалась теплой, мутной, пахло тухлятиной и еще невесть знает чем. Чинор вынырнул на поверхность, отдышался и только тут сообразил, что ни меча, ни доспехов при нем нет. Он был голый и совершенно не понимал, как такое могло случиться. И как он очутился здесь, десятник тоже понять не мог.

Он взглянул вверх и увидел почти отвесную каменную стену, на удивление хорошо сложенную и такую гладкую, что ухватиться было не за что.

В этот миг в воде что-то плеснуло. Чинор резко обернулся: неспешно рассекая зеленую ряску, к нему приближалось большое толстое бревно, утопленное больше чем наполовину. Осмотревшись по сторонам, он увидел, что бревен таких не то пять, не то шесть и все почему-то плывут в его сторону. Потом на одном из бревен блеснули глаза и открылась пасть, усеянная множеством крупных желтоватых зубов.

И тогда Чинор закричал, но было уже поздно...

* * *

Сложенные из каменных блоков стены цитадели мрачной громадой вздымались над крышами

домов Тшепи. Кое-где в городе уже занялись пожары, и в душном воздухе повис запах гари.

— Да на такую громаду и года не хватит,— сказал Брул, ни к кому не обращаясь.

Пригнувшись, он снял шлем, отер ладонью пот со лба и увидел бегущего к нему посыльного.

— Господин, из рва выловили человека в чем мать родила. Говорит, что он валузиец и его послал Кулл.

— Ко мне его. Скорей!

Не успело сердце Брула отстучать пять десятков ударов, как к нему подвели человека, закутанного в воинский плащ.

— У меня донесение от короля Кулла,— бодро сообщил он.

— Кто ты?

— Нат. Пехотинец второго десятка, третьей сотни...

— Довольно. Что велел передать король?

— Скоро кхешийцы откроют ворота. Из них жрецы Сатха вынесут демона. Этим демоном будет Кулл. Король приказал по нему и носилкам не стрелять. Как только ворота откроются, вы должны ворваться в цитадель.

Брул быстро обернулся к окружавшим его военачальникам:

— Все слышали? Начинайте собирать своих воинов у главного входа. Там будем ждать сигнала. Своих предупредите, чтобы в демона и носилки не стреляли. Отвечаете головой.

Командиры бросились к своим отрядам, на ходу отдавая приказание.

Вскоре Брул во главе семитысячного войска уже стоял перед воротами цитадели.

— Пора,— сказал он негромко тысячнику.

Тот обернулся к воинам и крикнул:

— К цитадели — бегом! Сомкнуть щиты!

Воины, прикрываясь тесно сдвинутыми щитами, помчались вперед и вскоре уже стояли у рва. Сыпавшиеся со стен стрелы не причиняли никому вреда.

Осторожно выглядывая из-за щита, Брул осмотрелся вокруг: кхешийские лучники стояли на стене и верхней площадке башни, мост через ров был по-прежнему поднят, а ворота закрыты. Оставалось ждать и уповать на Валку, Хотата и всех богов подряд, что у Кулла все получится.

Ожидание затянулось. Воинам надоело топтаться на месте, прибавилось раненых. Брул поймал себя на том, что грызет от нетерпения собственную бороду. Он думал уже отвести войско назад, под защиту домов, и тут неожиданно мост принялся опускаться.

— Без моего приказа — ни шагу,— сказал Копьебой сотникам.— По носилкам не стрелять.

Мост медленно опустился. Из открытых ворот кхешийские воины вынесли носилки. Брул прищурился, всматриваясь, и оторопел: он ожидал увидеть что угодно, но только не это.

На носилках неподвижно сидело нечто. Таких существ Брулу еще никогда не доводилось видеть. Немыслимое создание ослепительно сверкало в лучах вечернего солнца, а вместо кожи у него, кажется, была рыбья чешуя...

* * *

Ранним утром в башне, где располагался подъемный механизм, остались двое воинов — Лий и Мардук.

Лий был совсем еще молод, этой весной ему исполнилось семнадцать, и поход в Кхешию был первым в его жизни.

Мардук, сорокалетний опытный воин, на своем веку новидал многие страны и не первый год воевал под знаменами Кулла.

Волосы Мардук стриг наголо, чтобы не нужно было ухаживать за ними, а на лбу, точно племенная скотина, имел выжженное клеймо. Так метили беглых рабов. Он и был когда-то рабом, и его освободила валузийская конница. Тогда Мардук и вступил в войско Кулла. В одном жарком бою он лишился левого уха. Кривая вражеская сабля обрубила его, точно лопух, и теперь от него остался лишь треугольный лоскуток мяса.

Воины ждали подмоги, которую им обещал атлант.

Вскоре забрезжил рассвет. И, словно это послужило им сигналом, на башню по винтовой лестнице стали подниматься кхешийские воины. Лий и Мардук слышали лягганье доспехов, негромкую речь и гортанный смех.

Лий подошел к двери, ведущей на лестницу, и достал меч.

— Будем драться, — сказал он.

Мардук ухмыльнулся и покачал головой.

— Ты что, решил сдаться в плен? — изумился Лий. — Ты боишься смерти? Кулл приказал...

— А теперь, парень, послушай меня, — перебил его Мардук. — Кулл приказал нам спрятаться, если придут кхешийцы. Вдвоем мы их не одолеем. И еще. Если ты когда-нибудь в другой раз назовешь меня трусом — отрежу язык.

Лий сразу понял, что Мардук не шутит.

Спрятаться в башне оказалось проще простого. Каменная лестница вела выше — на открытую площадку, которую занимали лучники. Под лестницей стояли пустые бочки из-под смолы.

Воины протиснулись между бочками к стене и придвинули их так, что осталась только узкая щель, через которую можно было наблюдать за тем, что происходит в башне.

Жаркое солнце нестерпимо медленно ползло по небосклону, и цвет неба в узком окне, которое было видно Лию и Мардуку, понемногу менялся, пока не засиял пронзительной синевой.

К полудню оба воина совершенно одурели от безделья, духоты и зноя. Мучительно хотелось пить.

В конце концов Лий заявил, что ему на все плевать и сейчас он вылезет из-за бочек и поубивает сколько сможет кхешийцев. Мардук приставил к горлу юноши нож:

— Не угомонишься — зарежу, как собаку.

И Лий успокоился.

Весь день по лестнице сновали вверх-вниз. Лий не понимал кхешийскую речь и оттого скучал еще больше, а Мардук терпеливо слушал. Он понимал не все, что говорили воины, но из отдельных фраз и обрывков разговоров на лестнице понял, что штурм Тшепи начался. После полудня об этом уже

можно было догадаться по далекому шуму боя, а вскоре стало ясно, что войска Кулла стоят у стен цитадели.

То, что происходило в храме, для Мардука оставалось загадкой. Он слышал, как кхешийцы то и дело повторяют: «Золотой демон», — но не мог понять, что эти слова значат.

Потом тяжело загудели цепи, мост стал опускаться. Вскоре башня дрогнула от глухого удара и стало так тихо, что Мардук и Лий слышали шаги людей, идущих по мосту.

— До чего же он здоровый, — сказал кто-то из кхешийцев, стоявших на площадке.

— Блестит, точно золото, — восхитился другой.

— Жрец говорил, что он может разорвать человека пополам, будто куклу, — добавил третий.

Внизу кто-то вскрикнул.

— Не понимаю... — протянул тот кхешиец, который говорил первым. — Что там происходит? И почему демон лупит наших?

— Кажется, началось, — шепнул Мардук на ухо Лию.

— Что началось? — так же тихо спросил Лий.

* * *

Восемь кхешийских воинов торжественно вынесли носилки с восседающим на них демоном из ворот цитадели и ступили на мост. Защитники крепости не сводили с них глаз.

Прищурясь Кулл смотрел на противоположную сторону рва. Там, сомкнув щиты, стояла валузийская пехота.

Неожиданно стало тихо. Свист стрел, лязганье доспехов, гомон — все одновременно смолкло. На ослепительно сиявшего золотом нагого человека, сидевшего на носилках в центре пентаграммы, обратились тысячи глаз.

Куллу до смерти захотелось почесать выбритую и покрытую краской голову, но он сдержался и протянул руки за спину ладонями вверх.

Как только носилки опустили на мост, телохранитель в одеяниях жреца шагнул к «демону», чтобы якобы разрушить пентаграмму, и вложил ему в каждую руку по кинжалу.

Зло улыбаясь, Кулл прыгнул на кхешийцев. Двое упали. Атлант развернулся и пнул третьего ногой в грудь. Взмахнув руками, тот полетел в ров.

Он не успел еще коснуться воды, когда Кулл повернулся к четвертому.

Кхешийский воин замер, глядя на золотого демона с серыми стальными глазами. Демон кроваво-жадно улыбался.

Воин в испуге попятился, оступился и рухнул с моста.

Телохранители Кулла тем временем закололи еще четверых носильщиков.

Все это заняло лишь пару мгновений. Кхешийские лучники еще не успели опомниться, валузийцы — ступить на мост, как все было кончено.

Телохранители подняли носилки и прикрыли ими Кулла как щитом от стрел, которые вот-вот должны были посыпаться с башни.

Король набрал полные легкие воздуха и что есть мочи выкрикнул:

— Я Кулл — король Валузии! За мной! Лий, Мардук, делайте свое дело!

Тишина лопнула, как воловий пузырь.

С громкими криками на мост хлынула живая лавина, готовая смести все на своем пути.

— Вперед! — Брул с первым десятком воинов подбежал к королю. — Ты похож на живого золотого бога! — хохотнул он.

Друзья встали плечом к плечу. Король орудовал коротким кхешийским мечом, взятым у покойника.

Валузийская пехота схватилась у ворот со кхешийцами. Кхешийцы, опомнившись, попытались оттеснить Кулла на мост и закрыть ворота, но время было упущено.

Лучники со стен стреляли беспрерывно, но валузийские воины неуклонно шли вперед. Казалось, участь кхешийцев была решена, но вдруг мост под ногами нападавших дрогнул и стал медленно подниматься. Кто-то сорвался вниз.

Кулл, зло скрипнув зубами, заорал:

— Мардук! Лий! Дети демонов! Где вы?!

— Мы здесь! Кулл! Кулл!

И тут же мост замер.

Валузийцы ворвались в цитадель, точно стремительная река из металла и плоти. Во дворе началась резня.

Кхешийцы защищались, но они были обречены: как только во дворе завязались первые схватки, в спину им ударили три сотни, ожидавшие до того в храме. Большинство кхешийцев начали бросать оружие и сдаваться на милость победителей,

и лишь небольшой отряд во главе с наместником заперся на оружейном складе.

Валузийцы тараном выбили дверь и ворвались туда. Ни один враг не ушел живым, а мертвого наместника Тшепи выбросили на площадь, чтобы его видели все. После этого те, кто еще продолжал сопротивляться, сложили оружие.

Между тем Кулл и Брул с отрядом пехоты ворвались в башню и поднялись на площадку, где находился механизм, поднимавший мост. Площадка была залита кровью, на полу лежали тела пятерых кхешийских воинов, еще двое были тяжело ранены. Чуть дальше на лестнице Кулл наткнулся на трупы тех, кого оставил здесь на рассвете. Лий и Мардук были изрублены на куски.

— Это им мы обязаны победой, — сказал атлант. — Похороните их с почестями.

Брул осмотрел механизм и обнаружил, что барабан, на который наматывалась цепь, заклинен.

Они поднялись на верхнюю площадку башни.

Над городом висело черное облако дыма. Все было кончено. Цитадель, оплот Тшепи, пала.

* * *

Смеркалось. Король стоял посредине двора и с ожесточением чесал голову.

— Эту краску можно смыть водой? — спросил он у Рамдана.

— Нет, господин, — ответил тот. — Я подобрал особый состав.

— Скажи на милость, зачем ты это сделал? — нахмурился Кулл.

Ему все меньше нравилось, как на него пялятся воины. Хорошо, в открытую никто не смеялся.

— Я не хотел рисковать,— объяснил Рамдан.— Жарко-то как! Я боялся, что пот смоем краску.

— И что теперь делать? — спросил атлант.

— Приготовлю другой состав, смыть краску.

— Так что же ты медлишь? — рявкнул Кулл.

— Э-э-э, видишь ли, мой король,— замялся Рамдан,— Для этого раствора мне нужны некоторые минералы и корни, а у меня их нет. Но, даю слово, через пару дней...

Маг смолк: его горло сдавили сильные пальцы.

— Послушай,— прошепел Кулл.— Ты, Рамдан, мне, конечно, друг, но если к вечеру я не смою эту дрянь, с тебя снимут кожу. С живого.

Рамдан тщетно попытался улыбнуться.

— Ты понял? — спросил атлант, отпуская его.

Маг осторожно кивнул и достал из-за пазухи мешочек.

— Вот, мой король,— прохрипел он.— Добавь это в воду...

Оставив Кулла одного, Рамдан сел на ступеньки. Рядом стоял Брул и жевал сушеный финик.

— Шутки он никогда не понимал,— пожаловался Рамдан.

Брул пожал плечами и, пряча улыбку, сказал:

— День у него выпал тяжелый. Хотя золото ему очень идет...

— Это да,— тоже улыбнулся маг.

Глава тринадцатая

Никогда Кулл не был утонченным знатоком блюд, но за многие годы походной жизни ему надоело жареное над костром мясо, насажанное на клинок или на пику. То ли сырое, то ли горелое, с одного бока соленое и перченое так, что глаза лезли на лоб, а с другого совершенно пресное — это была нормальная пища для юнца, отправившегося за подвигами, но не для короля.

Однажды, лет шесть или семь назад, во время привала в сухой осенней степи Кулл отведал похлебки, состряпанной одноглазым воином из мяса каких-то мелких зверюшек с пряными травами и корнями.

Опустошив миску, Кулл вдруг подумал, что прежде не едал ничего более вкусного.

— Кто готовил? — поинтересовался тогда он.

— Мун, мой король,— ответили ему.— Он воин, состоит при обозе.

— Будет моим поваром,— распорядился Кулл и сыто рыгнул.

С тех пор одноглазый Мун стряпал исключительно для короля, а также для близких друзей Кулла и его военачальников.

Поварскому делу Мун учился мало, он обладал этим даром с рождения. Готовил он всегда, повинаясь лишь чутью, и, надо сказать, оно редко его подводило.

В тот вечер одноглазый Мун запек на углях двух барашков, фаршированных рыбой и сладким перцем. К ним подавалось пальмовое вино из винных погребов наместника Тшепи. Повар уверял, что вино это значительно старше короля Валузии.

Пировали во дворце наместника, в большом зале. Ночь выдалась душной, поэтому все окна были открыты. Со двора доносились смех и нестройное пение валузийских воинов. Войско отдыхало после штурма. Этой ночью город принадлежал ему.

За столом, уставленным роскошной посудой, собрался весь цвет валузийской армии. Сначала Кулл награждал особо отличившихся. Никого не забыли, даже сотник Фарамий стал командиром полутысячи.

Все чествовали Тальмеша, а Келкор, осушив с ним не один кубок пальмового вина, побратался с доблестным камелийцем.

— Мун, этот барашек выше всяких похвал, — сыто улыбнулся Брул.

— Я даже не предполагал, что можно так вкусно есть, — добавил Рамдан, бросая ребрышко на блюдо, полное чисто обглоданных костей.

— Да, недурно, — согласился Кулл.

Мун с достоинством поклонился:

— Жаль, мой король, что завтра мы покидаем Тшепи. Задержись войско здесь еще на день, я осмелился бы угостить тебя и твоих друзей жарким из крокодила.

— Из крокодила? — удивленно взглянул на него атлант.

— Да, мой король, — кивнул Мун.

— Но ведь у крокодилов жесткое мясо, — заметил Брул.

— Я слышал об этом, — ответил одноглазый повар. — Но мне кажется, я знаю, как сделать его мягким и сочным.

— Жаркое из священного крокодила... — хмыкнул Рамдан. — Слышали бы жрецы Сатха... Славная была бы шутка!

Брул громко захохотал, а Усирзес едва заметно улыбнулся.

Келкор, сидевший у открытого окна в широком кресле с подлокотниками, хмыкнул, выронил кубок и оглушительно захрапел. Тальмеш посмотрел сквозь него и смачно зевнул.

— Келкор ведет себя непочтительно, — отсмеявшись, заметил Брул.

— Он победил кхешийцев, но кхешийское вино победило его, — сказал Рамдан.

Начальник стражи подал знак, и в зал вошли воины.

— Отнесите Келкора туда, где есть ложе, — распорядился Кулл.

Слуги то и дело убирали со стола опустевшие блюда и приносили из кухни новые, полные всякой снеди. Пальмовое вино текло рекой.

Время от времени Мун украдкой наполнял кубок из сосуда необычной формы и, воровато озираясь, залпом осушал его.

В зал позвали храмовых танцовщиц — развлекать победителей. Зазвучала тихая музыка, девушки начали исполнять священные танцы, восхваляющие богов. Все, кто еще был не пьян, с интересом наблюдали за ними, отпуская сальные шутки.

Пир продолжался.

С чашей в руке валузийский король подошел к окну и подозвал Брула. Во дворе горел большой костер, вокруг которого сидели воины. Искры и лохмотья гари, точно огненные бабочки, летели в ночное небо.

Там, за стенами цитадели, лежал город, который сегодня был отдан армии на разграбление. Там горели другие костры и пожары, там сотни и сотни воинов хлестали вино из мехов, кувшинов и бочек и ели от пуза.

Они врывались в дома, переворачивали вверх дном целые кварталы, искали золото, насиловали женщин. Так повелось с незапамятных времен. Так было и сейчас.

— В юности, — сказал Кулл, — я думал, что в войне самое главное вот это. — Он указал чашей на языки пламени, плясавшие между домами. — Теперь этот обычай меня больше угнетает, чем радует... Хотя нет худа без добра. Могу биться на любой заклад — завтра спозаранку придут старейшины и принесут выкуп за город. Ладно, оставим это... Я хочу поговорить о десятнике, который пропал с поста. Как его имя?

— Чинор, мой король, — ответил Брул. — Это он освободил Нутхеса из-под стражи. Воинам сказал — приказ Кулла. Другие видели, как Чинор вел кхешийского жреца по лестнице...

— Я так понимаю, — нахмурился Кулл, — десятник оказался предателем. Он освободил жреца, и оба, прихватив кристалл, бежали из города.

— Я думаю, это не десятник освободил Нутхеса и не он унес кристалл, — сказал Рамдан, который подошел совсем незаметно. — Мой король, я уверен: произошло именно то, чего я боялся. Чинор посмотрел в кристалл, и опытный кхешийский маг похитил его тело. Ведь такое возможно? — спросил он Усирзеса.

— Такое случалось, — ответил Усирзес. — Жрецы Сатха способны красть тела у непосвященных людей.

— Где же тогда десятник? — поинтересовался Кулл.

Рамдан только пожал плечами.

— Если все было именно так, то Чинор мертв, — предположил Брул.

— Все равно десятник виноват, — сказал атлант. — Я приказал ему не смотреть на камень. Он нарушил приказ и поплатился за это.

— А мы потеряли кристалл, — вздохнул Рамдан. — И я с досады готов локти кусать. Второго нам уже не достать!

По двору громко застучали копыта, раздалось ржание.

Брул выглянул в окно:

— Повозки, мой король.

— Ну что ж,— сказал Кулл,— пока воины грабят город, их король обчистит храмовую сокровищницу.

* * *

Воины из отряда Алых Стражей внесли в сокровищницу факелы и вставили их в скобы на стенах. Отсветы дымного трескучего пламени заплывали по углам и нишам, ложились на каменные полки, а со всех сторон то вспыхивали в ответ лунный блеск серебра, мягкий теплый отсвет золота, крупный топаз, то подмигивал, будто глаз прекрасной невольницы, изумруд, то вдруг озарялось матовым сиянием жемчужное ожерелье, а то выступала из древней полутьмы изящная статуэтка многорукого существа с пикой и распростертыми за спиной крыльями...

Кулл не забыл, что лежавшие на полу сокровища покрывала тонким слоем пылища черного лотоса, и потому сначала распорядился вынести все с верхних полок: туда яд попасть не мог. Остальное же: каждое блюдо с тонкой, точно паутина, чеканкой, каждое кольцо и браслет, каждую монету — слуги, прикрыв лица повязками, ополаскивали под струей воды. Затем утварь и украшения складывали в мешки, выносили из храма и грузили на повозки.

Когда все было закончено, конный отряд Алых Стражей сопровождал повозки на пристань, где сокровища переложили в трюм стоявшего у причала флагманского корабля валузийского флота — «Великий Хотат».

Кулл задержался в опустевшей сокровищнице, чтобы с факелом в одной руке и кинжалом в другой обойти ее и простучать стены.

Камни отзывались одинаково глухо.

Брул сидел на корточках в углу и с тоской наблюдал за атлантом.

— Искать тайники — занятие куда более увлекательное, чем игра в кости,— улыбнулся Кулл.

Рамдан в свете факела пытался разобрать полустершуюся надпись, которая шла по одной стене, а затем переползала на другую. Следуя за ней, маг шаг за шагом двигался вдоль стены. Вдруг он резко остановился и отпрыгнул в сторону.

— Что-то случилось? — негромко спросил Брул.

Кулл опустил кинжал и с опаской взглянул на мага.

— Это не ловушка,— успокоил всех Рамдан.— Сквозь камни я чувствую магию. Вот здесь.

— Тайник? — заинтересовался Кулл.

— Скорее всего,— кивнул Рамдан.

Усирзес подошел к магу, потоптался на камне, на который тот указывал, потом присел и коснулся пола ладонями.

— Ничего не чувствую,— признался он.

— Я сам слышу ее едва-едва,— сказал Рамдан,— и могу ошибаться, но мне кажется — это очень древняя магия. Как этот храм.

Усирзес вздрогнул, и даже в сумрачном свете факелов было видно, как жрец побледнел.

Нагнувшись, Кулл постучал рукоятью кинжала по каменной плите, потом по соседним. Хмыкнул. Вставил лезвие в щель и надавил — плита не

сдвинулась ни на волос. Атлант попробовал сдвинуть плиту в другую сторону — ничего. Тогда он нажал сильнее.

Закаленный клинок изогнулся и треснул. Кулл коротко выругался сквозь зубы.

— Возможно, где-то есть механизм, который открывает плиту, — предположил Брул.

Рамдан кивнул.

— Да, — согласился Усирзес. — Это может быть панель или камень, на который нужно нажать. Только как его найти? Разве что повезет.

Кулл задумчиво посмотрел на Усирзеса.

— Ну-ка, малый, принеси мне молот, — приказал король стоявшему у входа телохранителю. — Самый тяжелый, какой найдешь.

Не прошло и ста ударов сердца, как тот вернулся в сокровищницу с большим кузнечным молотом.

Атлант взвесил молот в руке:

— Годится. Рамдан, отойди в сторонку...

Качнув молотом туда-сюда, Кулл размахнулся, крякнул, как заправский кузнец, и опустил его на плиту.

Из-под молота выскочила оранжевая искра, плита треснула и раскололась. Под ней обнаружилась выложенная камнями ниша, в которой стоял сундучок из брусков железного дерева, обернутый истлевшей ветошью.

— Похоже, это была шкура леопарда, — сказал Брул, разминая в руках клочок волос. — Дубленая кожа. Такой сносу нет.

— Ничто не вечно, — тихо сказал Усирзес.

Рамдан, встав на колени, внимательно изучил каменную нишу.

— Не было здесь никакого механизма, — сказал он, поднимаясь. — Тайник смастерили тогда же, когда строили храм. Попросту говоря — этот сундук замуровали в фундамент.

Ни замка, ни замочной скважины на крышке не было, однако она просто так не открывалась.

Брул попытался поддеть крышку лезвием кинжала, но стальное острие лишь скользило по железному дереву. Пожав плечами, Брул передал сундучок Рамдану, но валузийский маг даже не стал пытаться его открыть.

— Его запечатали заклинанием, — уверенно сказал он. — Настолько древним, что я тут бессилён.

— Можно, я попробую? — спросил Усирзес.

Никто не возражал.

Жрец взял сундучок и легко открыл крышку.

Брул и Кулл молча переглянулись.

— Я, кажется, понял... — сказал, помолчав, Рамдан. — Что бы ни лежало здесь, это связано не Сатхом, а с другим богом. С его братом, Усиром.

— Ты прав, — улыбнулся Усирзес, и глаза его блеснули.

Жрец осторожно вынул из сундучка свиток. Не нужно было касаться его руками, чтобы понять, насколько этот папирус источен временем.

Кулл откашлялся:

— Рамдан?

— Да, мой король.

— Ты не мог бы объяснить, как он открыл сундук? — спросил атлант.

— Все дело в заклинании, мой король,— ответил Рамдан.— Этот сундучок не мог открыть никто, кроме служителей или последователей культа Усира.

Почему-то король и маг говорили совсем тихо, едва ли не шепотом, и сухой шелест пергамента, который прозвучал в следующее мгновение, казался им очень громким.

— Я знаю, что это! — воскликнул Усирзес.— Этот свиток написан во времена, когда кхешийский народ был еще юным. Маг, который запечатал заклинанием сундук, был свидетелем роковых событий. Здесь предсказание, в котором говорится о том, что рано или поздно Сатх коварно убьет своего брата Усира. Это первоисточник, семя истины...

— А что еще там сказано? — поинтересовался Рамдан. Свиток был не так уж мал, там явно имелись и иные записи кроме того предсказания, о котором сказал только что жрец.

— Здесь говорится, что ничто не вечно. Даже смерть... — восторженно прошептал Усирзес.— Наш бог воскреснет из мертвых, он вернется к нам, так гласит пророчество. О, как сладостно мне читать эти строки! Какое счастье эта благая весть! Когда кровавый культ Сатха падет, а храмы Усира откроются по всей Кхешии, эта реликвия будет храниться в нашем главном храме. И тысячи, сотни тысяч паломников устремятся к ней...

— Но как могло получиться, что такой свиток замурован в фундамент храма Сатха? — удивился Рамдан.

— А кому в голову пришло бы искать его здесь? — вопросом на вопрос ответил Брул.— По-моему, надежнее места не найти. Тем более, возможно, и на месте этого святилища когда-то поклонялись не Змею, а его брату Усиру.

— Этот свиток много для тебя значит? — спросил Усирзеса Кулл.

— Да, господин,— просто ответил жрец.— Это подлинная реликвия. Взгляни, вот здесь, внизу... В знак истинности предсказания, на папирусе проступила капля крови самого Усира. Мой бог свидетельствует сам за себя!

Кулл взглянул на алое пятно внизу свитка.

— Забирай его, он — твой.

...В храм Сатха в Тшепи Нутхес попал восьмилетним мальчиком. Он и брат его отца проделали изнурительное путешествие по пустыне и на закате долгого, как вечность, летнего дня пришли в город. Дядя переговорил со жрецом у храмовых ворот, потом поцеловал маленького племянника в макушку. Ворота храма открылись. Нутхес робко шагнул внутрь, затем резко обернулся: быстрыми шагами, почти бегом, дядя уходил вверх по улице. Мальчик вздохнул, сделал еще один шаг и из золотого пронизанного кхешийским солнцем лета попал в древнюю полутьму.

Нутхес стал послушником, потом жрецом. У мальчика была необычно цепкая память, и магические премудрости давались ему чрезвычайно легко. Он был молчалив, собран, со всеми вежлив,

всецело предан Сатху, и такая жизнь казалась ему единственно возможной. Своим прилежанием он привлек к себе внимание верховного жреца, и тот помог ему, сделав сначала жрецом Великого Змея, а затем — своим преемником.

В храме Сатха Нутхесу было знакомо все, и, конечно, скрытые в толщи его древних стен тайники и убежища. В одном из таких убежищ, расположенном между подвалами храма, у самой лестницы за стеной, сложенной из каменных глыб, он и скрывался сейчас.

Жрец провел здесь никак не меньше трети дня, лежа на удобной каменной скамье и положив под голову руки. Его дыхание было ровным и глубоким, точно у спящего, но Нутхес не спал: по лестнице то и дело спускались и поднимались люди. Нетрудно было догадаться, что происходит: Кулл грабил храмовую сокровищницу.

Потом топот смолк. Нутхес выждал еще немного и решил было покинуть убежище, но снова услышал шаги и голоса людей. Тогда он встал и, подойдя к стене, прикинул одним глазом к смотровой щели.

Видно было немного: четыре выщербленные ступени и стену напротив. Сперва на лестнице было темно, потом ступени залил густой оранжевый свет факелов. Воин из отряда Алых Стражей прошел так близко, что, не будь стены, жрец мог бы коснуться его рукой.

Вслед за воинами шел Кулл.

— Брул, — услышал Нутхес громкий, хриплый голос валузийского короля, — то пальмовое вино, которое мы пили за ужином, как оно тебе?

— Славное вино, мой король.

Кулл шагнул на последнюю ступеньку, которую мог видеть Нутхес, и пропал. За ним шли его приближенные, Рамдан и поклонявшийся Усиру кхешийский предатель.

Нутхес не боялся, что валузийский чародей почувствует сквозь стену магию кристалла: он укрыл камень с помощью особого заклинания, и теперь тот излучал не больше магии, чем булыжник.

— Я, прежде чем лягу спать, пожалуй, выпью еще, — донесся откуда-то сверху голос Кулла. — Ты не составишь мне компанию?

— С удовольствием, мой король, — откликнулся Брул.

За Усирзесом по лестнице шли еще два воина с факелами...

Нутхес снова сел на скамью. Смотреть больше было не на что.

Подождав еще немного и убедившись, что никто за стеной больше не ходит, жрец нажал на округлый камень у изголовья скамьи.

С низким гулом часть стены опустилась, и стала видна лестница. Тусклый рассеянный свет падал на щербатые ступени с площадки наверху. Нутхес поднял с полу суму, где лежали жреческая одежда и магический кристалл, и выскользнул из убежища.

Стараясь ступать неслышно, он поднялся по лестнице и выглянул на площадку. Там никого не было. Воткнутый в скобу на стене догорал факел. На полу валялись осколки. Подойдя ближе, жрец

разглядел, что статуя Великого Сатха, стоявшая в нише, разбита.

Следующий лестничный пролет тонул во тьме, а откуда-то издалека доносились голоса: похоже, несколько сотен варваров горланили во дворе походную песню.

Пройдя еще десяток ступеней, жрец увидел, что ворота храма распахнуты, во дворе полыхал огромный костер, и отсветы его пламени озаряли храмовый вестибюль. К чаду костра и запаху горелого мяса, долетавшему из-за ворот, примешивался кислый запах мочи. Отглядевшись по сторонам, Нутхес задохнулся от возмущения: валузийцы превратили храм в отхожее место. Понятное дело, стражников у ворот не было.

Жрец открыто, не таясь, вышел во двор. Воины сидели, стояли и бродили вокруг костра. Они кричали, хохотали, нестройно пели или, точнее говоря, драли глотки. Из темных углов доносился пьяный женский смех.

У стены оружейного склада стояла подвода, груженная бочками. Одна из бочек раскололась, и из трещины по двору растеклась винная лужа, возле которой, раскинув руки, лежал оглушительно храпящий воин.

Нутхес неспешно направился к воротам цитадели. Насколько он мог разглядеть, они были открыты и никем не охранялись.

Жрец шел понурирав голову и смотрел только себе под ноги. Никто не останавливал и не окликал его. Он уже почти достиг ворот, когда на плечо жреца опустилась чья-то рука.

— Ты чего такой невеселый? — спросил его молодой уже воин с опаленной костром бородой.

Нутхес не нашелся сразу, что ответить.

— Да, наших тоже поубивали, — вздохнул валузиец. — На то она и война...

Он поднял мех с вином и надолго припал к нему, после чего передал мех Нутхесу.

Жрец сделал глоток, потом другой. Это густое и пряное вино, несомненно, было из винного погреба наместника Тшепи.

— Двух моих друзей кхешийцы сбросили со стены, — продолжил воин. — И мне тоже как-то не очень весело... Я вижу, друг, ты меня понимаешь. Давай уйдем отсюда. Погуляем по городу, напьемся, а если надоест, поймем какую-нибудь девку. Их здесь много...

Валузиец обнял Нутхеса за плечо, и оба зашагали к воротам.

У входа на мост стояли пятеро воинов с луками. Все были изрядно пьяны и забавлялись, стреляя горящими стрелами по крокодилам.

Один оглянулся на звук шагов и, увидев Нутхеса и его спутника, окликнул их.

— Ты не задирайся, а то зубы повыбиваю, — огрызнулся воин с подпаленной бородой.

— Ты, Харам? — удивился лучник и подошел ближе, держа в руке вместо факела стрелу, обмотанную у острия чадающей промасленной ветошью.

— Ты мне огнем в лицо не тычь! — рассердился Харам.

— Тебя куда несет? — грубо спросил лучник. — Ты на ногах едва стоишь, свалишься с моста.

— Может, я и плохо стою на ногах, но половину зубов тебе с одного удара вышибу,— вскинулся Харам.

— Иди ты к демонам,— огрызнулся лучник и отступил.

Больше никто не обращал на них внимания, и вскоре Харам и Нутхес миновали мост. Старого воина изрядно шатало...

— Пей, друг,— сказал Харам, когда они уже шли по городской улице к окраине.— За тех славных ребят, кто погиб сегодня, и радуйся, что это не мы...

Нутхес сделал пару глотков и почувствовал, что порядком захмелел.

Харам тоже выпил, изрядно полив себя вином, и пробормотал:

— Ненавижу этот город...

С трудом переставляя ноги, он дошел до перекрестка и вдруг заметил, что идет один. Молчаливый спутник исчез...

Нутхес тем временем направлялся к пристани. Город, по которому он шел, был мало похож на Тшепи. Жители, не успевшие удрать, попрятались. Они сидели в темноте, улицы освещали пожары, а окна были черны и мертвы.

Там же, где веселились победители, все было по-другому. Нутхес, шагая по улицам, видел, как девушка, спасаясь от воинов, выбросилась из окна, видел старика с разрубленным черепом, лежавшего у стены, семью, застывшую с узлами посредине улицы, точно изваяние. От пожара было светло — это горел их дом.

Дважды Нутхеса останавливали пьяные воины, угощали его вином, и жрец кричал вместе со всеми: «Слава Куллу!»

Как-то его чуть не сбили с ног всадники. Прижавшись к стене, Нутхес смотрел, как они проносятся мимо. На черных конях, в черных доспехах и плащах, точно демоны...

Наконец он вышел к пристани.

Там было оживленно. У причалов стоял валузийский флот. Нутхес попробовал сосчитать, сколько кораблей пришло в Тшепи, но не сумел: слишком много. Мачты, подобно стволам высоченных деревьев, упирались в небо, горели факелы и костры. Присмотревшись, он понял, что все воины здесь совершенно трезвы, повернулся и пошел вдоль берега в другую сторону. Здесь у каждой семьи была своя лодка, и жрец довольно быстро нашел то, что искал: небольшое суденышко с мачтой, парусом и веслами.

Положив суму под скамью, Нутхес столкнул лодку в воду и стал тихо выплывать на середину реки.

— Эй, ты куда?! — раздался с берега писклявый голос.

Жрец вздрогнул и оглянулся.

По берегу вслед за ним бежала старуха.

— А ну греби к берегу! — крикнула она, видя, что Нутхес ее заметил.— Я тебе все руки переломаю, ворюга! Лодку верни!

Отвернувшись от старухи, Нутхес поставил парус, затем лег на руль и выровнял посудину. За бортом мерно качалось звездное небо, нос лодоч

ки мягко разрезал ночной бархат, и волна размывала знакомые созвездия.

Нутхес оглянулся.

За кормой догорал Тшепи. Высоко над крышами домов поднимались черные стены цитадели, которую еще вчера все считали неприступной.

Старуха стояла на берегу и отчаянно ругалась.

* * *

Кхешийский флот вышел из Ханнура, когда солнце стояло в зените. Первыми по речной глади скользнули десять боевых галер, покрашенных в белый и синий цвета. На каждом судне стояли низкие мачты с широкими белыми парусами, штевни боевых кораблей были вырезаны в виде уток.

Вслед за ними от причала отошла галера правителя Кхешии — изящное и прочное судно под лиловыми парусами, с расписанным носом и штевнем в виде белого лотоса. Каюты на галере были удобны, просторны и богато отделаны.

За кораблем владыки пристроилась три храмовые галеры с высокими черными бортами под черными же широкими парусами. На парусах серебряной нитью было вышито изображение Великого Змея. Штевни этих судов были вырезаны в виде черных лотосов.

За ними отчалили еще три десятка боевых галер с белыми парусами — они везли кхешийскую пехоту.

Затем стали сниматься с якорей самые различные суда, которые прежде перевозили лишь скот и всевозможные грузы.

Чтобы быстро переправить армию к Туиту, пришлось собрать небывалый флот. Связь между кораблями устанавливали сигнальщики, которые сидели в корзинах, привязанных к верхушкам мачт.

Чтобы передать приказ или сообщение от флагманской галеры другим судам, они использовали флажки разного цвета, а в сумерках и ночью — факелы.

Кхешийский флот был настолько велик, что, когда первые суда спустились по реке на пару десятков лиг, плывшие на них войны уже не могли различить в закатной дали башни Ханнура, а от причалов еще продолжали отчаливать новые корабли.

Когда последнее судно покинуло порт, день близился к вечеру. Уставшие жители Ханнура стали расходиться по домам, лениво обсуждая увиденное. В город снова вернулась размеренная жизнь.

Начало смеркаться. По приказу Халега, чтобы избежать столкновения, на корме каждого корабля зажгли фонари. Хотя столкнуться в ясную лунную ночь было довольно сложно, тулиец не хотел рисковать.

Ни владыка Сенахт, ни Халег, ни маги Черного Логова не хотели ждать завтрашнего утра. На военном совете решили: главное сейчас — выиграть время, прийти к Туиту раньше Кулла и занять выгодную позицию.

Когда взошла луна, а поля по обоим берегам сменились лесами, сигнальщик с храмового струга передал сообщение для Халега, а затем за тулийцем прислали легкую лодочку с двумя гребца-

ми, которая быстро доставила его к судну с черными парусами.

Молчаливый жрец проводил его на корму, в каюту Тха-Таурага, обставленную весьма скромно, но со вкусом: пара удобных кресел, стол и скамья, серебряные светильники на стенах и под потолком, вдоль одной из стен — пологая лесенка.

Когда Халег вошел, светильники не были зажжены. Тха-Таураг сидел в полутьме, но, казалось, не замечал этого.

Услышав, что дверь отворилась, маг кивнул вошедшему и тонкой рукой указал на кресло по другую сторону стола. Из полутьмы неслышно выступил раб и зажег один из светильников.

Другой раб поставил перед гостем поднос с двумя чашами и высоким сосудом из белого металла, покрытым тонкой чеканкой, с крышкой и носиком. Переставив чаши на стол, раб наполнил их горячей дымящейся жидкостью из сосуда и исчез.

— Это алай,— сказал Тха-Таураг.— Я не пью вина уже третью сотню лет. Но тебе, если хочешь, принесут доброе вино.

Халег взял в руки чашу и с интересом заглянул в нее: жидкость в слабом свете масляной лампы казалась темно-красной.

— Это особый напиток, рецепт его пришел из глубокой древности,— пояснил маг.— В нем — лепестки розы, которая растет на границе пустыни. Он дает силу и не туманит рассудок.

— Мне нравится,— улыбнулся Халег, сделав глоток.— А вина не нужно. Ты пригласил меня для беседы, и я хочу иметь ясную голову.

Тонкие бесцветные губы Тха-Таурага изогнулись.

— Туит,— произнес маг.— Ты думал о Туите, Халег? О битве?

— Да, господин,— кивнул тулиец.— Я думал о битве. Но планов у меня пока нет.

— Все признают, что ты опытный воин и великий стратег,— сказал Тха-Таураг.— Я тоже верю в твой талант и вовсе не хочу обижать тебя. Но битва, которая произойдет у стен Туита, будет совершенно особой. Ни о чем подобном ты даже не слышал.— Маг замолчал и пристально посмотрел в лицо Халега.

Тулиец катал в ладонях чашу и внимательно слушал его.

— Магия,— проговорил Тха-Таураг скрипучим голосом.— Тебе, Халег, придется учесть ее, когда будешь разрабатывать план... А сейчас давай поднимемся наверх.

Он и Халег одновременно встали. В каюту тут же вошел раб с лампой, чтобы осветить ступени.

Площадку на крыше каюты окружала резная деревянная ограда. Опершись о перила, Халег задумчиво посмотрел на реку.

— Сперва меня беспокоил амулет валузийских магов,— заговорил Тха-Таураг.— Чтобы уравнять чаши весов, я достал чешуйку Великого Сатха. Валузийцы лишились своего превосходства, но и я мог не все предусмотреть.— Тха-Таураг снял с шеи кожаный мешочек.— Возьми его.

Халег надел талисман на шею.

— Я не расставался с чешуйкой с того мгновения, как мы принесли ее из подземелья,— продол-

жил маг. — Я хочу узнать, заметишь ли ты то же, что и я.

— Она стала тяжелее, — сказал Халег уверенно.

— Закрой глаза, — посоветовал ему Тха-Таураг.

Тулиец послушно закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям.

— Чешуя тянет меня туда, — сказал он, указав рукой в темноту. — Там Туит?

— Думаю, чешуя Сатха указывает не на Туит, а на Тшепи. На Кулла и Щит Хотата.

— Что это значит? — спросил Халег.

— Великий Сатх мудр, — пояснил Тха-Таураг. — Он знает: Кулл пришел в Кхешию, чтобы убить его детей и осквернить его храмы. Сатх знает, где его враг, и ищет встречи с ним... Слушай меня внимательно, Халег. Ты должен быть готов к тому, что другая сила, превосходящая твою или мою, вмешается и решит исход битвы. Возможно, Великий Змей сойдет под стены Туита...

Тулиец оторопело посмотрел на мага.

Скрипели снасти. Нос судна с тихим плеском разрезал речную гладь. Впереди по правому борту мигал огонек в лодке проводника.

— Луна взошла, — сказал Халег.

Тха-Таураг неторопливо оглядел небо.

— Она похожа на спелый плод, — заметил маг, — и через четыре дня созреет. В назначенный срок в указанном месте пересекутся судьбы многих тысяч смертных. И сбудется предсказание Всевидящей Мут, и мы узнаем то, что не смогли прочесть.

Глава четырнадцатая

Ночное небо будто полиняло и стало серым, звезды начали таять одна за другой, над Таисом повис туман. Светало. Привалившись к корме, Нутхес следил за едва заметными берегами. Сейчас мир был похож на набросок картины: белый лист пергамента и лишь несколько неуверенных линий на нем.

— Разве это туман? — думал Нутхес. — Так, одно название. Вот осенью, бывает, туман поднимается от Таиса и совершенно затапливает пристань, а потом, как молоко, проливается на улицы. В такие дни городские кварталы рядом с пристанью по утрам похожи на Страну Мертвых. Дома на разных сторонах улицы едва видны, и люди ходят тихо, как призраки..."

Жрец зевнул.

Первый луч солнца, точно алый клинок, прорезал молочную пелену над его головой и пропал в вышине. Лес по обоим берегам просыпался. Птичий гам становился громче. С правого борта затре-

щали кусты, потом в реку упал камень. Нутхес оглянулся: какой-то крупный зверь спустился к реке и теперь жадно лакал воду...

Странное дело, Нутхес плыл всю ночь, а до этого пережил кошмарный и, кажется, бесконечный день, но, пока не рассвело, сна у него не было ни в одном глазу.

Теперь же он отчаянно зевал, веки слипались, будто намазанные медом, его знобило, как всегда бывает на рассвете после бессонной ночи.

Река между тем снова вильнула, и Нутхес налег на руль. За поворотом тумана почти не было: солнце уже поднялось над деревьями. В лесу орала обезьяны и истошно вопили птицы...

Нутхес почувствовал, что солнечные лучи согревают его, и закрыл глаза...

Он проснулся в одно мгновение, точно кто-то хлопнул его по плечу. Сердце жреца бешено колотилось...

Оглядевшись по сторонам, Нутхес не увидел ничего предвещавшего беду. Лодка по-прежнему плыла по середине реки, а солнце все так же висело над верхушками деревьев.

"Слава Сатху, я проспал совсем чуть-чуть", — сказал себе Нутхес.

Он смачно зевнул и уставился на сверкающую водную гладь.

Причалить к берегу и отдохнуть Нутхес не решился, опасаясь, что, пока он будет спать, валузийский флот пройдет мимо и достигнет Туита раньше, чем он. А тогда пробраться в городок станет совсем не просто...

"Пристану к берегу на закате, тогда и отошплюсь", — подумал он и прикрыл глаза.

Нутхес не сразу понял, что спит. Он увидел, как из-за речного мыса выступил город с глинобитными невысокими стенами, разглядел фигурки людей на причалах. Солнце уже клонилось к закату.

"Это Туит. Как быстро я добрался! А мне говорили, плыть надо три дня и три ночи..."

Тут он увидел стоявших на причале седобородого наместника Тшепи и верховного жреца и сообразил, что это сон.

Точно зверь, попавший в сеть, Нутхес попытался вырваться из сна и невероятным усилием воли открыл глаза: он сидел на дне лодки. А она плыла напрямик к речной отмели, засыпанной камнями. Жрец навалился на руль, заложив такой крутой поворот, что едва не перевернулся. Речная галька зашуршала по дну, и лодочка замерла...

Нутхес перешагнул через борт и сел на плоский камень, лежавший на отмели. Руки его дрожали.

"Это Сатх хранит меня в пути".

Не проснись он, не поверни в последний миг руль, нос лодки был бы смят о камни, как яичная скорлупа, и тогда идти ему до Туита пешком...

Жрец понимал: плыть сейчас дальше нельзя, сон все равно его одолеет. Тогда он забрался с ногами на камень, устроился поудобнее и сосредоточился. Затем он закрыл глаза и постарался выровнять дыхание. Сперва его отвлекал плеск воды. Но скоро все звуки пропали, а красноватый сум-

как перед глазами сменился беспредельной ослепительной далью. Здесь не было солнца, но отовсюду с неба лилось золотое сияние. Вокруг холма, на котором сидел Нутхес, вился прохладный ветерок. И невесомые сверкающие пылинки летели по воздуху, будто цветочная пыльца...

Нутхесу казалось, что он пробыл в Верхнем Сияющем Мире несколько мгновений, но, когда открыл глаза, солнце уже стояло в зените, а камень, на котором он сидел, раскалился так, что обжигал ноги.

Прежде всего кхешиец напился из реки и купался, а затем, не одеваясь, толкнул лодку с отмели и забрался внутрь.

Он чувствовал себя замечательно отдохнувшим, как будто только что проснулся после долго сна. Жутко хотелось есть, но с этим Нутхес решил поременить.

Он плыл по реке, пока солнце не скрылось за кронами деревьев, пристав к берегу только однажды, когда увидел дикое плодовое дерево, стоявшее у самой воды...

В зеленых вечерних сумерках, не разводя костра, благо ночь была теплой, он заснул на речном мысе, предусмотрительно вытащив лодку на берег.

Нутхес надеялся, что на рассвете его разбудит солнце. Но, увы, смертным не дано знать своей судьбы. Когда жрец уснул, а из сумерек соткалась ночь, кто-то неслышно выскользнул из-за стволов и изо всех сил ударил его узловатой дубинкой чуть выше уха.

* * *

— Как все же странно порой оборачивается жизнь. Судьба приподносит нам подарки, которых мы не ждем, и потом не знаем, благодарить ее или проклинать,— промолвила Иссария после затянувшегося молчания.

— О чем ты? — удивился Кулл.

Они стояли на корме "Великого Хотата". Кулл, опираясь руками о резной борт, смотрел на Таис. Корабль разрезал зеленую речную гладь, словно нож — ткань.

— Мне вдруг вспомнился день, когда мы впервые встретились с тобой,— пояснила Иссария.— Я очень изменилась за это время и не знаю, хорошо это или плохо.

Кулл взглянул на женщину, что стояла бок о бок с ним, и невольно залюбовался ею: белоснежное платье оттеняло загорелую кожу, синие глаза сияли, подобно драгоценным сапфирам.

— Ты все так же прекрасна,— улыбнулся он.— И ничуть не изменилась. Что тревожит тебя?

Иссария покачала головой:

— Ты меня не понял. Раньше я была другой. Свободной. Я не боялась ни людей, ни богов

— А сейчас?

— Пожалуйста, дай мне договорить. Просто молча послушай.

— Повинуюсь, моя госпожа.

— Не называй меня так! Я была госпожой в былые дни, госпожой самой себе. Но ты сделал меня рабыней.

Кулл был изумлен и рассержен.

— О чем ты, женщина?! Смилуйся Валка над тобой, ты гневаешь небеса своими речами! — Иссария часто действовала на него именно так. Дразнила, приводила в замешательство и даже в ярость. Иногда ему казалось, он готов убить ее. Ни одна женщина никогда не вызвала в нем подобных чувств. И одновременно он не мог прожить без нее и дня, начинал скучать, если не видел ее прелестного лица, не слышал звонкого, точно колокольчик, голоса.

Долгое время Куллу не удавалось разобраться в собственных эмоциях. И лишь в последнее время он начал подозревать, что, возможно, это просто любовь. Та самая, которую он ждал и страшился всю свою жизнь. Она все же настигла его.

Тем временем Иссария, заметив, что слова ее разгневали короля, успокаивающим жестом опустила ему на запястье свою тонкую руку без единого украшения.

— Не сердись, ты не понял меня. Я лишь хотела сказать, что в прежние дни была свободна от всего на свете. У меня не было ни привязанностей, ни обязательств. Но теперь, встретив тебя, я изменилась. Теперь я боюсь за тебя. Не проходит дня, чтобы я не тревожилась о твоей судьбе, не боялась тебя потерять. Моя любовь делает меня рабыней!

Впервые за эти полтора года, что они провели вместе, Иссария заговорила с ним о своей любви. Кулл был поражен. И надо же чтобы это случилось именно в тот миг, когда и он сам осознал свои чувства к этой женщине!

Однако непривычное смущение сковало уста атланта. Он хотел и не мог раскрыть женщине свое сердце. Вместо этого, чтобы скрыть неловкость, Кулл засмеялся:

— Вот это да! Никогда не думал, что услышу такие речи от тебя! Помнится, в тот первый день ты была далеко не так любезна

О, да! Иссария тоже рассмеялась, видно, вспомнив, как осыпала отборнейшими проклятиями Брула Копьебоя и Ка-Ну, втащивших ее — дерзкую воровку, пойманную ими во дворцовой сокровищнице, — в тронный зал, на суд короля.

Воровка была очень ловкой, пиктам помогла обнаружить ее лишь врожденная подозрительность, да приобретенная в диких лесах привычка подмечать любые мелочи.

Удержать дерзкую грабительницу было еще тяжелее: она царапалась, кусалась и наносила обоим мужчинам совсем не женские, весьма чувствительные удары.

Приведенная под очи короля, она еще какое-то время продолжала отчаянно сопротивляться, но затем вдруг, взглянув на нахмурившегося правителя, гордо выпрямилась, сверкнув синими, как небо, глазами. Такого же цвета было небо над Атлантидой

И, встретившись с ней взглядом, Кулл понял, что погиб.

Он приказал освободить пленницу, пригласил ее стать гостьей в его дворце. Она, нимало не смягченная неожиданной милостью, дерзко ответствовала, что удержать ее здесь — это все равно что

пытаться поймать ветер. И осталась во дворце на долгих полтора года.

— И все же,— заметил Кулл, посерьезнев,— мне горько думать, что ты можешь быть несчастлива со мной. Если вольные просторы манят тебя. Мне будет тяжело с тобой расстаться, но ради твоего счастья, Иссария...

Женщина покачала головой.

— Нет, мой король, я стала твоей пленницей добровольно и ныне не желаю для себя иной доли. Тем более, что — синие глаза сверкнули лукавством,— я еще не сдалась на милость победителя. Что бы ты ни говорил, а верхом я скачу не хуже тебя. А из арбалета стреляю лучше!

Кулл ничего не ответил, только едва заметно усмехнулся и снова отвернулся к реке.

Иссария закусила губу и посмотрела по сторонам.

— Эй, Манорг! — крикнула она слуге с белыми, точно снег, волосами.— Спустишь в каюту и принеси мой арбалет и стрелы.

— Слушаюсь, моя госпожа.

* * *

Отцы города пожаловали в цитадель на рассвете. Кулл еще досматривал пьяные сны, и седобородые кхешийцы смиренно дожидались его пробуждения.

С трудом преодолевая головную боль, Кулл вошел в зал и очень удивился, когда стоявшие перед ним старцы пали ниц. Король взял у слуги кубок с питьем, которое приготовил Рамдан, и сделал

большой глоток. Голова не прояснилась, но звон в ушах пропал. Атлант заметно повеселел:

— Кто такие?

— Мы городские старшины Тшепи.

— Зачем пожаловали? — грозно нахмурился король.

Кхешийцы переглянулись и вытолкнули вперед тучного благообразного старца.

— Мы смиренно молим тебя о милости — увести армию из Тшепи и не грабить наш город,— начал он.

— Кто-то грабит ваш город? — Кулл сдвинул брови.— Назови виноватых, и их повесят. Надеюсь, это не мои воины.

— Нет, господин,— сразу нашелся старик.— Но по улицам разбежалось много рабов, которые и творят безобразия. Мы принесли с собой скромный дар. И молим тебя о защите от распоясавшихся сол... Извини, рабов.

Отцы Тшепи принесли четыре ларя, полные золотых кхешийских монет. Кулл поломался немного, только для приличия, и выторговал еще ларь серебра.

Затем валузийский владыка торжественно представил просителям нового наместника, с которым он оставлял три тысячи таваронской пехоты, призванной защищать жителей Тшепи от всяческих нападений.

Между тем погрузка на корабли затянулась. Воины, утомленные бурной ночью и дармовым вином, ползали по раскаленному пирсу, словно мухи по патоке.

Армия Кулла понесла ощутимые потери: на пристань не явились две тысячи человек. Из них большинство было ранено, убитых и дезертиров числилось не больше пятисот.

Куллу ничего не оставалось, как восполнить потери таваронцами. Теперь с Затулом отплывали всего пять тысяч человек, но он против этого особенно и не возражал, считая, что тылы должны охранять лучшие.

Однако в душе командир таваронской пехоты все же недоумевал, почему именно его сотни поредели больше всех, ведь и валузийские, и шемитские воины были ничуть не хуже. Правда, по этому поводу он не сказал ничего, ибо прекрасно знал: с Куллом спорить бесполезно.

Только в полдень флот, насчитывавший около трехсот судов, покинул Тшепи. Большую часть его составляли речные галеры, отнятые у противника.

Валузийская конница под командованием Кандия и конный отряд шемитов Энкеши сопровождали флот по берегу Таиса.

“Великий Хотат” на сей раз уступил место флагмана другому кораблю. В трюме галеры лежали драгоценности из храмовой сокровищницы и лари с выкупом за Тшепи. Кроме корабельной команды на борту “Хотата” разместились отряд Алых Стражей и два десятка грондарских лучников. Рамдан, валузийские маги и Усирзес тоже были здесь.

Усирзес с самого отплытия сидел на палубе, держа на коленях истлевший папирус и пытаясь прочесть древний текст. Рамдан же, напротив, ни

разу не поднялся наверх. Он не выходил из каюты и просил без особой нужды его не беспокоить.

Одноглазый Мун быстро нашел, чем занять лучников: он поручил им наловить рыбы. Один Валка знает, откуда он раздобыл длинные удилища с тонкой бечевкой и железными крючками, но вскоре грондарцы так увлеклись, что стоявшие вдоль бортов садки начали быстро наполняться добычей.

* * *

Манорг принес из каюты арбалет и стрелы и остановился поодаль, ожидая новых приказаний.

— Брул! — крикнула Иссария. — Будь судьей на нашем состязании.

Брул, наблюдавший за рыбной ловлей, поспешил на корму.

— Мы поспорили, — объяснила ему Иссария. — Я говорю, что стреляю из арбалета лучше Кулла.

— Ясно, — кивнул Брул. — А во что моя госпожа желает стрелять?

— Не знаю... — Иссария, прищурившись, посмотрела на левый берег. — Вот! Те зеленые яблоки... В самый раз.

Кулл и Брул многозначительно переглянулись.

— По три выстрела, — сказал атлант.

— Вообще-то это не яблоки, — пояснил Брул, рассматривая стоявшее у самой воды дерево. — Это шамары. Они созреют только к сезону дождей, когда кончится осень.

— Манорг! Арбалет! — приказала Иссария. — Не надо заряжать, я сама.

Женщина поставила деревянное ложе на палубу и, сильно нажав на ворот, натянула тетиву.

— Болт!

Манорг протянул ей арбалетную стрелу, окрашенную в красный цвет.

— Смотри, Брул,— сказала Иссария.— Когда дерево будет точно против корабля, я собою стрелю одно из этих зеленых яблок, или как ты называл эти дички?

— Шамары, моя госпожа,— с поклоном ответил Копьебой..

Иссария вложила болт в углубление, выточенное в деревянном ложе, и прижала приклад к плечу. Крупный рубин в ложе вспыхнул в солнечных лучах и на миг ослепил Кулла.

— Я стреляю,— предупредила она.

Красная стрела прожужжала в воздухе, и в то же мгновение плод разлетелся вдребезги.

— Поздравляю тебя, моя госпожа,— улыбнулся Брул.— С первого выстрела.

— Теперь ты,— повернулась Иссария к атланту.

Ее синие глаза смеялись.

Оглянувшись, Брул заметил, что Усирзес оторвался от папируса и с интересом наблюдает за происходящим.

— У тебя что-нибудь получилось? — спросил его Брул.

— Да, немного... — ответил Усирзес.— Мой король, извини, я хотел выразить восхищение меткостью твоей возлюбленной. Этот выстрел сделает честь любому стрелку.

— Спасибо, Усирзес. Только ты набрался мужества и признал это.— Иссария с вызовом посмотрела на атланта.

— Что ты там топчешься? Поднимайся на корму,— позвал Кулл.

Жрец подошел ближе:

— Таким оружием не пользуются в Кхешии.

— Он бьет намного дальше лука,— сказала Иссария.

— Это так,— кивнул Брул.— Только и гораздо медленнее. Пока ты, моя госпожа, перезаряжаешь арбалет, лучник успеет выпустить пять стрел подряд. Да и сделать хороший арбалет значительно труднее, чем лук.

Иссария пожала плечами.

Кулл, нажав на ворот, натянул тетиву.

— Болт,— приказал он коротко.

Манорг протянул королю красную арбалетную стрелу.

Кулл вложил ее в выточенный в ложе паз и стал ждать, когда корабль проплывет мимо следующего дерева с плодами шамары.

— Из какой страны это оружие? — поинтересовался Усирзес.

— Из той же, что и этот юноша,— ответил Брул.— Его зовут Маноргом, как и командира грондарцев.

Манорг поклонился жрецу. Его длинные белые волосы рассыпались и закрыли лицо.

— Они оба с севера,— продолжил Брул.— Для вас, кхешийцев, это край мира. В его стране арбалетом пользуются наравне с луком. Манорг — хороший стрелок...

— Я стреляю,— предупредил Кулл.

Он поднял арбалет. Плоды шамары на гибких ветках показались ему на редкость мелкими. Берег быстро скользил мимо, и вот дерево оказалось точно напротив "Хотата".

Кулл прицелился и нажал на крючок...

В то же мгновение галера содрогнулась от носа до кормы, палуба под ногами качнулась, два лучника-рыболова вывалились за борт. Усирзес тоже не удержался на ногах и упал на палубу. Арбалет Кулла повело вверх. Болт сорвался с ложа и ушел в раскаленное кхешийское небо.

— Кажется, мы налетели на камни! — крикнул Брул.

Но это были вовсе не камни.

Зеленая вода за бортом галеры вздулась, образовав огромный пузырь, который тут же прорвался, и на поверхности реки появилось чешуйчатое тело толщиной с приличную бочку. Ни головы, ни хвоста чудовища видно не было. На спине чешуя была черной с синеватым отливом, а на брюхе — желтой, почти белой. Каждая чешуйка — с ладонь взрослого мужчины.

Никто не мог сказать, какой длины был змей. Наверное, он мог перекрыть Таис от берега до берега.

Показавшаяся вскоре над водой морда зверя походила на огромный молот с маленькими для такого монстра глазками — не крупнее обеденного блюда.

Судя по всему, чудовище лежало на дне много веков, а тени кораблей, заскользившие над ним,

разбудили его. Змей приподнял голову, пытаясь разобраться, что его потревожило, и случайно ударил по днищу корабля Кулла.

Корпус "Хотата" выдержал удар, и тогда змей решил выглянуть наружу, чтобы понять, на что наткнулся...

Приплюснутая морда змея раскачивалась вровень с верхушками мачт корабля, и на несколько мгновений люди на палубе задрали головы вверх и застыли, будто статуи, с изумлением глядя на поднимавшийся из реки почти вертикально, точно ствол невиданного исполинского дерева, толстый чешуйчатый столб.

А змей разглядывал судно и странных букашек, толпившихся на нем.

Не успел никто из людей опомниться, как монстр изогнулся и ударил тяжелой мордой по палубе, возле носа. Настил разлетелся в щепки, а змей просунул голову в трюм.

— Ты в порядке? — шепнул Кулл Иссарии.

Женщина была необыкновенно бледна.

— Что это? — спросила она.

Кулл пожал плечами.

— Чего вы ждете? К оружию! — крикнул он подоспевшим лучникам. — Стреляйте в эту тварь!

— В Таисе не водятся такие чудовища,— сказал Усирзес.

— Но ведь это не рыбка, верно? — усмехнулся Брул.

Змей между тем вытащил морду из дыры в настиле. В пасти чудовища, будто салфетка торчал запасной парус.

На галере поднялась невообразимая суета. Гребцы повскакивали с мест и выставили перед собой весла, выдернутые из уключин; грондарские лучники, выстроившись полукругом на корме, начали обстреливать монстра. Все стрелы попали в цель, но чудовище, казалось, даже не заметило этого: прочная чешуя надежно защищала его.

— Ему ничего не стоит разбить корабль в щепки, — заметил Кулл.

Иссария подобрала арбалет и, навалившись на ворот, натянула тетиву.

Манорг упал на палубу и так ударился головой, что еще не пришел в себя. Колчан с красными стрелами лежал рядом с юношей.

Иссария взяла стрелу, быстро зарядила арбалет и, прижавшись плечом к ложу, выстрелила. Ее стрела попала чуть ниже головы змея, но, хоть и пробила чешую, беспокоила монстра не больше, чем человека — заноза.

Продолжая жевать парус, змей повернул морду в одну сторону, потом в другую, как будто оглядываясь.

На корму поднялся Рамдан, держа сосуд из толстого зеленоватого стекла.

— Дайте мне стрелу! — крикнул он лучникам.

Кто-то протянул ее магу.

Рамдан опустил наконечник в сосуд, и густая бесцветная жижа, липкая, как вар, обволокла каленное острие.

— Осторожно! Коснешься наконечника, и ты — покойник! — предупредил жрец, возвращая лучнику стрелу. — Сможешь попасть змею в глаз?

Лучник, молодой парень с редкой, едва бывшейся бородкой, хмыкнул, точно его обидели. Он был родом из Грондара, а любой знает: грондарским лучникам нет равных.

Длинная оперенная стрела тонко свистнула в воздухе и впилась в глаз монстра.

— Вот и все, — выдохнул Рамдан.

Тело чудовища изогнулось и рухнуло в реку. Волна едва не перевернула галеру и разметала ближайшие суда. В зеленой и мутной воде бились чешуйчатые кольца: змей умирал, и его агония походила на стихийное бедствие.

Неожиданно над водой показался хвост монстра. Судорожно извиваясь, он чиркнул по воздуху, перебил канаты, державшие мачту "Хотата", и снова исчез в глубине. Мачта повалилась на корму, парус сбил лучников с ног и накрыл их, точно ша-тер.

Со всех сторон к королевской галере спешили на помощь суда, но ни одно из них не могло подойти близко.

Наконец вода за бортом в последний раз вскипела и затихла. По реке пошли затихающие волны.

— Что это было? — спросил Усирзес, который разбил нос и теперь стоял запрокинув голову, чтобы остановить кровь.

— Яд, — коротко ответил Рамдан. — Я его нашел в храме Сатха, но не ожидал, что он так скоро пригодится.

Исполинское чешуйчатое тело, покачиваясь, поплыло вниз, увлекаемое течением. Суда обходи-

ли мертвого змея стороной, уступая ему дорогу. Скоро к галере подошли десять кораблей, матросы быстро начали устанавливать мачту, плотники — чинить разрушенный настил, ныряльщики проверили днище — в нем не оказалось ни одной пробоины.

Прошло совсем немного времени, и "Великий Хотат" гордо поднял свой парус.

Глава пятнадцатая

Нутхес пришел в себя и слегка пошевелился. Это едва заметное движение отдалось тупой болью в голове, и жрец замер, ожидая, когда боль хоть немного утихнет. Его запястья и щиколотки оказались крепко стянутыми, а из-под головы исчезла сумка, что беспокоило кхешийца больше всего, и невероятным усилием воли он все же заставил себя приоткрыть глаза и оглядеться.

Он лежал в полутьме на краю полянки, посередине которой горел костер. Прямо на углях стояло глиняное закопченное блюдо с высокими краями, и какой-то человек, сидя на корточках, помещивал в нем что-то очищенной от коры палочкой. Пахла эта стряпня довольно противно, но у жреца, который уже давно ничего не ел, рот сразу наполнился слюной, и засосало под ложечкой...

Сколько Нутхес ни вглядывался в лицо человека, сидевшего возле костра, он никак не мог понять, откуда тот родом. Не из Кхешии уж точно. Таких чудовищно длинных носов, скорее, похожих

на клюв, во всей стране Сатха днем с огнем не сыщешь. Да и кожа незнакомца отливала неприятной зеленью, хотя в этом, вполне возможно, была виновата игра света от мерцавшего костра. А может, жрецу просто привиделось.

Другой человек в грязной набедренной повязке сидел на земле, прислонившись спиной к мохнатому стволу, и сосредоточенно рылся в сумке Нутхеса. Рядом стояла узловатая дубинка. Спутник длинноносого был невероятно тощим, нечесаные волосы и борода свисали клоками, и уж он-то точно родился в благоденственной земле Великого Змея.

Нутхес устало прикрыл глаза. Люди, в чьи руки он попал из-за своего легкомыслия, наверняка бродяги. Такие, ни на миг не задумываясь, за пару медяков могли любому перерезать глотку. Бездомные, вечно голодные. Отчаявшиеся и потому опасные люди.

Запустив в очередной раз руку в сумку жреца, бродяга довольно оскалился. Передних зубов у него не было вовсе.

— Бу! Смотри, что я нашел! — воскликнул он, вынимая магический камень.

Кристалл, озаряемый пламенем костра, ярко горел пронзительно-голубым светом.

Бродяга с длинным носом поднял голову от миски и круглыми глазами уставился на кристалл, потом открыл рот, и до слуха Нутхеса донеслись щелканье и клекот. Бу явно не нравилась находка. Одной рукой он прикрыл лицо, а другой попытался выхватить кристалл у бродяги.

— Хорошо, Бу. Я выброшу его в реку, — пообещал тот. Похоже, кхешиец прекрасно понимал своего спутника. — Тихо, Бу, тихо. Не сердись...

Он убрал кристалл в сумку, и Бу сразу успокоился, нагнулся над блюдом, ловко выловил палочкой дымящийся кусок и бросил в рот, затем переставил блюдо с углей на землю.

Бродяга-кхешиец обошел костер, сел рядом, и оба начали есть.

— Эй, ты, — позвал Нутхеса кхешиец. — Я знаю, что ты очухался. Жрать хочешь?

— Хочу, — сказал Нутхес.

Похоже, притворятся дальше смысла не было.

— Тогда чего в темноте сидишь? Иди сюда, пока мы с Бу добрые, — сказал бродяга и захохотал.

Бу повертел головой из стороны в сторону и весело заухал: шутка ему понравилась.

— Ты ведь из Тшепи плывешь? — спросил, отсмеявшись, бродяга.

Нутхес промолчал.

— Выходит, взял-таки город валузийский король. И крепость пала. Иначе бы ты, жрец, в храме сидел, а не шастал по Таису. Вот как выходит...

— Откуда ты это узнал? — спросил Нутхес.

— Что, интересно? Ладно, расскажу. В деревушке недалеко отсюда нас с Бу хотели повесить. Гады, проклятье богов на их головы! За пару сушеных фиников.

— Тебя поймали на воровстве?

— Если хочешь, да. Только мы с Бу называем это по-другому.

— А что дальше?

— Что дальше? А ничего, — огрызнулся бродяга и уткнулся в миску.

Он прекрасно понимал, что думает о нем жрец, и это раздражало его, однако и поболтать с кем-нибудь ему хотелось, а потому вскоре он снова заговорил.

— А скажи, грабят варвары город? — спросил он. Нутхес промолчал, и бродяга ответил себе сам: — Грабят, конечно. Вот и мы с Бу в Тшепи идем. Тшепи — город большой, глядишь, и для нас что-нибудь найдется...

— Не найдется. Варвар все пожег.

— Вот-вот, точно так нам сотник и сказал: придет варвар и все сожжет. Это тот сотник, что нас с Бу спас от петли. Хотел нас в армию взять — денег, жратвы и баб сулил. Только мы ночью удрали. Ни к чему нам армия, нам и без нее хорошо. Эй, жрец, а что за камушек ты нес? Это что, талисман?

Нутхес понял, что бродягам попался один из вербовщиков, который готов был собирать в войско всякий сброд. Узнав, что хотел, жрец замолчал и задумался о своих делах.

— Ты не молчи, жрец, — сказал ему бродяга. — Будешь молчать, я тебе оба глаза выколю и уши прижгу. Сразу все расскажешь. И под нос себе не бормочи ничего, все равно не испугаюсь. Ты не маг, в паука меня не превратишь. Бу чародеев за много лиг чуёт. Он и камешек твой почуял... Ты говори, жрец, не молчи. Тогда, может, и доживешь до утра зрячим.

— Это не драгоценный камень. Это магический предмет, — отозвался Нутхес.

— Ты что, глухой? — взвился бродяга. — Я тебе разве по уху дубинкой съездил? Я знаю, что в твоём камешке есть магия. Мне сказал об этом Бу. Я хочу знать, какая магия. Может быть, твой камень умеет превращать глину в золото?

— Нет, — ответил Нутхес.

— Нет? — переспросил бродяга. — Жаль. Тогда какой в нем прок?

Нутхес облилиз сухие губы. Нужно было что-то придумать.

— Это глаз бога Сатха, — соврал он.

— Глаз? — переспросил бродяга. — Видно, твой Сатх очень мелкий?

— Не гневи бога, — нахмурился жрец.

— Ладно, не буду, — пожал плечами бродяга.

— Если долго смотреть в этот кристалл, можно его увидеть, — продолжил Нутхес. — Можно спросить о чем-нибудь. Только Великий Змей не любит, когда его беспокоят, и тем, кто задает вопросы, выжигает мозг. Вот почему смотреть в этот камень опасно. Можно лишиться рассудка.

Нутхес замолчал.

Бродяга тоже не проронил ни звука. А его спутник, высунув язык, старательно вылизывал блюдо. Нутхес смотрел на это чудо во все глаза: язык Бу был явно не человеческий — длинный, тонкий и липкий.

Бродяга-кхешиец поднял голову и, сощурясь, пристально взглянул на жреца.

— Не пойму, врешь ты или нет, — признался он. — Наверное, нет. Бу мне так и сказал, чтобы я не смотрел на камень, иначе случится беда.

Бу повернулся к приятелю и свистнул.

— Знаю,— ответил тот.

Тогда Бу поднялся и, взяв пустое блюдо, пошел к реке.

— Кто он? — поинтересовался Нутхес. — Я никогда не видел таких людей. Мне померещилось, или у него и правда зеленая кожа?

— Да, это неудобно,— согласился бродяга. — Когда мы входим в город или деревню, я заставляю Бу вымазаться глиной. Чтобы люди на него не глазели. Бу этого не любит.

— Откуда он родом?

Бродяга долго не отвечал.

— Его народ живет на Краю Света,— наконец сказал он. — Жрец, ты слышал что-нибудь о людях-птицах, которые живут на Краю Света?

Нутхес покачал головой.

— Край Света — это там, где кончается пустыня,— пояснил бродяга. — Я оказался там не по своей воле. Знаешь, я видел огромную шахту без дна, вырубленную посреди каменного плато. Ее стены были гладкими, словно камень оплавился, как стекло. А потом я увидел, как в ту шахту садилось солнце, Гнездо, в котором жил Бу, находилось у самого плато...

— Я не верю тебе,— покачал головой жрец.

— Да... — пробормотал бродяга. — Иногда я сам не верю, что видел такое. А он тогда откуда взялся? — И он указал на поднимавшегося от реки Бу.

— Зачем тебе кристалл? — спросил Нутхес. — Этот камень не драгоценный. Ни один ювелир не купит его у тебя, испугается гнева Сатха...

— Может, ты и прав,— согласился его собеседник. — Но я толкну камушек какому-нибудь магу. И знаешь, жрец, мне почему-то кажется, что любой валузийский маг этот кристалл с руками у меня оторвет. Похоже, я угадал,— добавил он, когда увидел, как перекосилось лицо Нутхеса.

— Помогите мне доставить кристалл в Туит, и жрецы Черного Логова щедро вознаградят тебя,— предложил Нутхес. — Ты можешь мне верить. Я преемник верховного жреца в храме Сатха в Тшепи. Освободи меня, и через два дня станешь обеспеченным человеком.

— Ну нет,— усмехнулся бродяга. — Если у меня нет зубов, это еще не значит, что мозгов тоже нет. В Туите мне перво-наперво отрежут голову. И знаешь, жрец, для тебя есть еще одна неприятная новость: в Туит ты не попадешь.

— Как?!

— У нас с Бу вышли припасы,— сощурился бродяга. — Он извел на похлебку все, что оставалось: и сушеное мясо, и финики... До Тшепи еще недалеко... Словом, нам нужно хорошо закусить перед дорогой, да и с собой кое-что взять. Скажу тебе жрец, правду: я и прежде не брезговал человечинкой, но, признаюсь, вашего брата пока не пробовал...

Нутхес задохнулся от ужаса, а бродяга зевнул, лег на теплую землю у костра и положил голову на торчавший корень.

— Ты, жрец, не бойся, я тебя зарежу, мучить не стану,— сказал он. — А почему из тебя сразу дух не выпустил — так не хотел, чтобы мясо тухло и что-

бы звери почуяли запах крови. Это нам с Бу совсем ни к чему...

Бу между тем тоже устраивался спать. Спал он, судя по всему, сидя на корточках и прижав локти к бокам.

— Эй, жрец, хочешь спи, хочешь на звезды смотри, удрать все равно не сможешь. Бу чутко спит. Тогда до утра не доживешь, сразу прибью... — пробормотал бродяга.

Вскоре он заснул.

* * *

“Великий Хотат” гордо плыл в походном строю.

Галера прилично набрала воды и накренилась, так что команде приходилось отчерпывать воду.

— Ну что, корабль будет держаться? — спросил Кулл.

— Да, мой король, — ответил Брул. — Конечно, нужно кое-что починить... Вода понемногу просачивается в трюм, но мы не утонем.

— Я не хочу сейчас терять время, — сказал Кулл. — Пусть вычерпывают воду из трюма на ходу. Будем плыть, пока не сядет солнце.

— Слушаюсь, мой король.

«Великий Хотат» шел вверх по Таису до заката.

Солнце садилось за лесом. Корабли один за другим подходили к правому берегу и бросали якоря, воины прыгали за борт, на полянах ставили походные палатки и разводили костры.

Сотня воинов вытянула “Хотата” на песчаную отмель, и теперь судно лежало на боку, точно выбросившееся на сушу морское чудовище, и на и

его мокрому борту играли закатные лучи. Уже в сумерках корабельная команда начала латать днище.

Кулл распорядился поставить на берегу шатер и низкие столы для трапезы. На этот раз одноглазый Мун приготовил свежую речную рыбу: часть обжарил, а часть нафаршировал перцем и рисом и потушил.

Из трюма королевской галеры достали бочонок доброго валузийского вина из перебродившего ягодного сока: пальмовое атланту опротивело. Он никогда не любил слишком приторных вин.

Сначала все говорили только о змее.

— Я согласен с нашим кхешийским другом, — сказал Брул. — Это морской змей — в реке ему явно тесно. А в море такие твари водятся, еще и покрупнее есть.

Рамдан к рыбе не притронулся, только тянул из чаши вино, молча слушал и смотрел на пламя.

— Если это морской змей, — спросил Кулл, — тогда какой демон занес его сюда?

— Не знаю, мой король, — признался Копьебой.

Иссария устала от мужских разговоров, но в шатер не шла. Укрывшись накидкой из леопардовой шкуры, красавица полусидела-полулежала, прислонившись к нагретому солнцем комню.

— Скажи, жрец, ты прочел пергамент? — поинтересовалась она у Усирзеса.

— Да, моя госпожа, — ответил тот с поклоном.

— Там написано о том, как брат убил своего брата? — взглянул на него Кулл.

Жрец снова поклонился.

— Если ты не слишком устал, расскажи нам эту историю,— попросила Иссария.

— Валкой клянусь, у человека, который решился на такое, должна быть черная душа,— заметил атлант.

— Да, мой король,— отозвался Усирзес.— Только это был не человек, а бог, и имя его Сатх... А началась эта история давным-давно. Небо тогда располагалось так близко к земле, что добраться до него можно было по обычной лестнице, а боги часто ходили среди людей, и люди этому не удивлялись. Над кхешийской землей стоял дворец богини Нут, которую еще называют Всевидящей... Всевидящая Нут родила четверых детей. Двух мальчиков — Усира и Сатха — и двух девочек, чтобы те стали их женами. Когда дети Нут подросли, они стали спускаться на землю и играть с детьми людей, потому что вчетвером на небе им было скучно. Бог Усир подружился со многими людьми и возлюбил кхешийский народ. Вернувшись однажды на небо, молодой бог сказал своей матери, Всевидящей Нут:

— Я стану заботиться о людях, научу их многому из того, что умею сам. А если придут враги, я буду защищать мой народ.

И ответила Всевидящая Нут:

— Хорошо ты решил, Усир. Тот народ, у которого нет бога, погибнет.

И бог Усир выполнил свое обещание. Он научил людей возделывать почву и находить путь к дому по звездам, строить суда, чтобы ходить по реке, а из руды с помощью огня делать топоры и

мечи. Когда люди овладели этими знаниями, Усир обучил их грамоте и дал им справедливое управление. Бог заботился о своем народе, и Кхешия стала так прекрасна, что чужеземцам казалось, будто это небо опустилось на землю. Пустыню прорезали каналы, а в городах дома простых граждан стали похожи на дворцы вельмож. В те далекие дни и крестьянин, и владыка были счастливы и славили бога Усира.

Но благоденствие продлилось недолго, по счету небожителей, хотя на земле минула не одна тысяча лет. И все это время Сатх смотрел с неба на дела брата своего Усира, слушал, как люди возносят ему молитвы, и в душе его день ото дня скапливалась, точно яд, черная зависть. Зависть затмила богу Сатху рассудок и закрыла глаза, и он возненавидел брата. Больше всего на свете он возжелал, чтобы люди почитали его так, как почитают Усира.

И вот однажды Сатх спустился по золотой лестнице на землю и пришел во дворец правителя Кхешии, где в то время гостил Усир. Точно накидку, Сатх набросил на плечи ночь, под ней он миновал стражу и вошел в покои, где отдыхал его брат, снял со стены серп и зарезал Усира. Тело его сжег, а пепел развеял над Кхешией. Земля приняла прах бога и стала необычайно плодородной...

Люди не знали, что Усира погубил брат. Они думали, бог оставил их. А на другой год земля дала небывалый урожай, и Сатх, спустившись с неба, сказал, что теперь он станет заботиться о кхешийском народе. У людей короткая память и черствые

души. Вскоре они забыли своего благодетеля и стали почитать братоубийцу. И черные капища выросли на кхешийской земле...

А слугами Сатха были злодеи со змеиными лицами. Проклятые колдуны, сковавшие цепью проклятий нашу прекрасную землю и души ее людей. Тех, кто был достаточно силен, чтобы восстать против них, они погубили сталью и магией. Остальным пришлось подчиниться. И вскоре большинство забыли, что когда-то жили совсем иначе.

Если сегодня вы скажете этим людям что еще пару десятков лет назад они поклонялись благому Усиру, они не поверят. Сила заклятий змеелюдей такова, что кхешийцы и впрямь поверили, будто всю свою жизнь служили одному лишь Сатху.

Лишь избранные хранят память об убитом боге. Но теперь, благодаря этому древнему свитку, который предсказал все, что должно случиться в будущем, и хранит истинную кровь Усира, мы сможем снять проклятие с Кхешии!

Усирзес оторвался от свитка и замолчал.

— И все же это грустный рассказ,— вздохнула Иссария.— И он как будто незакончен...

— Да, у этой истории нет конца,— согласился жрец.— Она продолжается по сей день. И то, что происходит с нами здесь и сейчас,— часть этой истории.

— Но разве это не притча? — спросил Рамдан.

— Нет,— покачал головой Усирзес.— Все это случилось в действительности. Я знаю мудреца, который видел своими глазами, как Сатх убил Усира. Он не был жрецом. Он служил во дворце и в ту

ночь считал и записывал на свитки папируса, сколько в какой провинции собрано зерна. Комната, в которой работал писец, находилась как раз напротив покоев, где отдыхал бог Усир.

Писец засиделся допоздна и собирался уже идти домой, но вдруг заметил, как в покои к Усиру скользнула тень. Тогда он подошел ближе, заглянул в приоткрытую дверь и увидел, как брат поднял руку на брата...

На другой день человек этот отказался от высокой должности при дворце и покинул столицу. Он стал жить как отшельник в палаше на краю пустыни. То, что довелось ему увидеть, изменило его жизнь...

Я встречался с ним. Он рассказал мне о том, чему стал свидетелем. И это его рассказ помог мне снять оковы забвения, которые сковывали мою память, подобно всем прочим кхешийцам. С его помощью я одолел магию змеелюдей и помог освободиться еще нескольким людям, в том числе и своему брату.

Правда, до вашего появления мы были бессильны сделать что бы то ни было. Ибо смерть за отступничество грозила не только нам, но и всем нашим близким

— Ты веришь, что твой бог воскреснет? — спросил, прищурясь, Кулл.

— Да, мой король, об этом тоже говорится в этом пророчестве,— кивнул Усирзес.— Когда мы построим светлые храмы вместо капищ и вознесем молитву Усиру, Истинный бог, вернется к нам. Потому что бога, мой король, нельзя уничтожить.

* * *

К полуночи бочонок с вином опустел. От реки долетали стук деревянных молотков и отборная ругань.

Иссария поправила покрывало на плечах и зевнула.

— А луна здесь всегда такого цвета? — спросила она. — И звезды?

Кулл пожал плечами. Ему хотелось спать, а не любоваться звездами.

— Нет, ты посмотри, — настаивала девушка.

Атлант взглянул на небо. Звезды светились холодным светом, а луна, поднимавшая над кронами деревьев, походила на налитый темной кровью пузырь.

— Что за дрянь такая? — пробормотал Кулл.

— Может быть, это связано с временем года? — предположил Брул. — Или в воздухе висит цветочная пыль... Или еще что-нибудь...

Усирзес покачал головой:

— Я никогда не видел такой луны и ни о чем подобном не слышал.

Люди, сидевшие вокруг костра на циновках, смотрели на небо. Чернокожие слуги, прислуживавшие им, застыли, задрав головы. Телохранили валузийского короля тоже не отрываясь глядели ввысь. Все видели одно и то же: небо было точно забрызгано кровью.

— Это определенно не цветочная пыльца, — сказал негромко Рамдан.

— Тогда что же это такое? — спросил Брул.

— Знамение, — ответил маг. —

Он поставил на стол пустую чашу и пристальным взглядом обвел сидевших у огня.

— Змей, который напал на галеру, — тоже знамение, — продолжал Рамдан. — Брул оказался прав — это морской змей. А морскому змею не место в реке. И луна не должна быть красной. Это знаки. Предвестия богов.

— Я так понимаю, — сказал Кулл, — битва будет кровавой.

— Да, мой король, — кивнул Рамдан. — Я не говорил об этом прежде, потому что не был уверен. Теперь другое дело... Я хочу, чтобы все взглянули на Щит Хотата.

В руке мага, будто прямо из воздуха, возник талисман.

Иссария приподняла голову и прищурилась, всматриваясь в камень.

— Он светится? — неуверенно спросила она.

— Похоже, что на него падает свет от костра, — заметил Брул.

Кулл промолчал.

Тогда Рамдан прикрыл талисман широким черным рукавом своего одеяния. Теперь блики костра не падали на камень, и все увидели, что в глубине Щита Хотата мерцает яркая сапфировая звездочка.

— Талисман начинает светиться, — начал объяснять Рамдан, — если я или другой маг с его помощью выполняем какое-то магическое действие и если тебе, мой король, угрожает опасность...

Брул хотел что-то сказать, но Рамдан знаком остановил его.

— Я не задействовал талисман,— продолжал Рамдан.— А Брул, я полагаю, хочет сказать, что опасность нашему королю не угрожает. Произошло вот что. В ту ночь, когда мы по подземному ходу проникли в храм Сатха в Тшепи, Щит Хотата зажегся сам собой. Сейчас оно светится ярче. И я уверен, завтра огонь внутри камня будет виден при солнечном свете.

— Ну и что все это значит? — нахмурился Кулл.— Сперва морской змей, потом эти звезды, а теперь талисман. Послушай, Рамдан, из того, что ты тут наговорил, я пока не понял ни слова!

— Я все объясню, мой король,— склонил голову маг.— Щит Хотата вспыхнул, потому что где-то в Кхешии появился другой магический талисман. Оба талисмана чувствуют друг друга за десятки лиг. Если они окажутся рядом, скажем, по обе стороны поля брани, может произойти все, что угодно: землетрясение, ураган, или Таис выйдет из берегов. Все, что угодно, вплоть до конца света. Вот об этом и предупреждают нас звезды.

— Ловко подвел,— ухмыльнулся Кулл. Похоже, обещанный магом конец света ничуть не беспокоил валузийского короля.— А что тогда значит змей в реке?

— Бога Сатха называют также Великим Змеем,— ответил Рамдан.— На наш корабль напал змей, и это значит, что другой талисман — это талисман Сатха.

— Сатх и Хотат,— сказал задумчиво Кулл.— Два древних бога. Насколько я знаю историю, они много попортили друг другу крови...

* * *

Нутхес последовал совету бродяги: лежал и смотрел на звезды. Луна в эту ночь напоминала темное кровавое пятно, однако жрецу было все равно: отчаяние захлестнуло его...

Он так задумался, жалея себя, что сначала даже не обратил внимания на шорох в траве. Но вскоре трава зашуршала снова, уже громче. Жрец перестал пялиться на звезды, повернул голову и увидел у костра зверька, сидевшего на задних лапках, размером примерно с крысу, с пушистым хвостом. Зверек перебежал к дереву, осторожно забрался в брошенную возле него сумку, выбрался наружу, а потом сел на ногу бродяги и устался на Нутхеса.

“Завтра он зарежет меня, как барана,— думал тот.— А человек-птица приготовит жаркое. Так-то вот, зверек.”

Пушистый гость спрыгнул с ноги спящего, порыскал в траве, сел на задние лапки и принялся грызть найденный возле костра финик. Он сидел так близко, что Нутхес разглядел в полутьме его глаза — маленькие черные бусинки.

Внезапно жрец почувствовал, как по его лицу заструился пот, закрыл глаза и заставил себя успокоиться. В этот миг он осознал, точно увидел молнию в ночном небе: Великий Сатх был всегда рядом с ним и, когда пришло время, снова помог ему.

Подчинить себе тело человека — вот настоящее чудо. Не подавить его волю, не погрузить в сон, а украсть, отобрать тело, как будто это плащ или башмаки, и пользоваться им самому — вот

высшее умение. И далеко не у всякого мага такое получится.

Похитить тело у животного или птицы — не много проще, но все равно не всем это под силу. В храме Сатха в Тшепи жрецы часто развлекались, отбирая тело у орла в полете или у крысы, чтобы подслушивать, что происходит в других кельях, а то и в комнате верховного жреца.

Обычно в этом участвовали двое. Тот, кто хотел попасть в тело животного, сосредотачивался и отрешался от всего земного.

Затем он искал дверь в Мир, Где Живут Души Меньших Братьев, который напоминал огромный погруженный во тьму зал. Попад туда, жрец начинал разыскивать нужную ему душу.

Между тем второй жрец читал нараспев необходимые заклинания. Одни открывали дверь в Мир, Где Живут Меньшие Братья, другие помогали занять тело животного.

Чтобы отрешиться от всего, жрец должен был уметь полностью сосредотачиваться. Такой же навык требовался и для того, чтобы читать заклинания. В этом-то умении и заключалась разница между жрецом и магом.

Маги в отличие от простых смертных умели достигать совершенной сосредоточенности на разных уровнях сознания.

Они могли расщепить свою личность на несколько и поручить каждой части себя какое-то вполне определенное дело, поэтому, чтобы перебраться в чужое тело, им совершенно ни к чему были помощники.

Нутхес последние несколько лет безуспешно пытался перешагнуть этот порог, и верховный жрец как-то пояснил ему, что человек становится магом в одно мгновение и случается такое, как произошло, когда ему что-то угрожает.

Если жизнь жреца висит на волоске, а его сознание достигло крайней точки отчаяния, он может угадать и совершить некое волевое усилие, которое спасет ему жизнь. В следующий миг его сознание расщепится, жрец начнет мыслить на нескольких независимых друг от друга уровнях и тогда станет магом.

* * *

Зверек с глазами, точно черные бусинки, не спешил уходить. Он сидел на краю поляны на расстоянии вытянутой руки от Нутхеса и грыз свою добычу.

"Да поможет мне Великий Сатх", — пожелал себе удачи кхешиец.

Жрец закрыл глаза и стал медленно произносить первое из цепочки заклинаний, необходимых для магического действия. От первого он перешел ко второму, потом к третьему. Читая заклинания, Нутхес пытался одновременно отрешиться от внешнего мира, но у него ничего не выходило.

Нутхес понимал, что делает что-то не так. Он замолчал и попробовал сначала сосредоточиться.

Дыхание его замедлилось, все звуки исчезли. Нутхес огляделся вокруг, чтобы найти дверь, за которой находится Мир, Где Живут Меньшие Братья, и отыскал ее на прежнем месте. Оказавшись

рядом, он толкнул ее, но дверь не открылась. Конечно, по-другому и быть не могло. Дверь открывало заклинание.

Стоя у двери, Нутхес попытался вспомнить первую строку, но ничего не получилось. Жрец сосредоточился, все необходимые слова всплыли в памяти, и в то же мгновение Нутхес очнулся на берегу реки.

Сидевший поблизости зверек внимательно смотрел на жреца. Вдруг он завертел головой, будто слышал звук, который человеческое ухо уловить не могло, и быстро посеменил в лес. Кхешиец проводил грызуна отрешенным взглядом.

Ночное небо над поляной понемногу светлело. «Все кончено», — сказал себе Нутхес.

Он почувствовал себя бесконечно усталым. Досада на самого себя, злость на свое бессилие обрушились на жреца, точно шквал, и он заплакал. С тех пор, как он плакал в последний раз, прошло столько лет, что жрецу казалось: это было в другой жизни.

Неожиданно зверек снова появился на поляне и начал что-то искать в траве рядом с человеком-птицей.

Нутхес приподнял голову и принялся снова читать заклинания из цепочки. И тут же прекратил.

«В такие мгновения становится ясно, кто есть кто, — разозлился кхешиец. — Я — никто. Ублюдок, дурак, сын рабыни — вот кто я такой. Баран, которого беззубый бродяга зарежет на рассвете. Так и должно быть.»

Кусая губы, Нутхес беззвучно засмеялся. Он смеялся над собой и своей жизнью, мысленно повторяя, что нет на свете ничего более нелепого и смешного, чем он.

Жрец задыхался от смеха, когда услышал хруст. «Кажется, вывихнул себе шею», — подумал он и почувствовал, как новый приступ злого веселья, будто стайка пузырей, поднимается откуда-то из глубины души.

Но Нутхес не засмеялся.

Все, что в последние мгновения заполняло его душу: обида и злость на самого себя, страх, отчаяние и тоска — все это исчезло. Нарыв прорвался, и гной вытек.

Нутхес прислушался и ощутил внутри себя Великую Тишину.

* * *

Когда ворует тело у другого существа и смотришь на мир его глазами — мир меняется.

Человек взглянул на поляну глазами грызуна, и она превратилась в поле. Было светло, как днем. Присмотревшись внимательнее, Нутхес понял, что рассвет еще не наступил, просто теперь он стал лучше видеть в темноте.

Не теряя времени, зверек подбежал к лежащему на земле человеку, на отрешенном грязном лице которого застыли бороздки от слез.

С веревкой на щиколотках жреца он расправился в два счета, помчался к рукам и вдруг замер: человек лежал на спине, и до веревки, которой связаны его запястья, грызуну не добраться.

Конечно, он мог вернуться в свое тело, перекачаться на живот и попробовать снова занять тело зверька, но для этого нужно было время, а времени уже не оставалось. К тому же насмерть перепуганное животное почти наверняка успеет удрать, и тогда все пропало.

Прежде чем Нутхес сообразил, что делать, он обежал вокруг потухшего костра четыре круга. Грызуну не под силу перевернуть на бок человека, но ведь он может прорыть ход у него за спиной, добраться до рук и перегрызть веревки!

Он начал копать канавку в верхнем слое земли. Дело шло скоро, пока на пути не встал корень. Нутхес попробовал обойти его, но наткнулся на другой.

Он выбрался наружу. До рассвета оставались считанные удары сердца. Человек-птица пошевелился во сне, но не проснулся и глаз не открыл. Нужно было спешить. Грызун снова юркнул в норку и стал обкапывать корень снизу. Обойдя его, он начал продвигаться вверх до тех пор, пока в норку не свесились веревочные концы. Он так спешил перегрызть их, что прокусил самому себе руку, и, едва дело было сделано, выпрыгнул из тела зверька.

Нутхес открыл глаза и осторожно пошевелил затекшими руками, потом приподнялся и, опершись о землю, сел.

Небо между мохнатыми стволами налилось тяжелым светом, словно на том берегу начался лесной пожар. Бродяги спали. Костер прогорел еще среди ночи, и угли подернулись пеплом.

Морщась от боли, жрец сидел на земле и ждал, когда сможет нормально двигаться. Сейчас ему больше всего на свете хотелось тихо спуститься по обрыву к реке, сесть в лодку и оттолкнуться шестом от берега, но ему был нужен кристалл.

Кристалл лежал в сумке, а она под самым носом у спящего бродяги. Можно, конечно, попробовать подкрасться к нему, но Бу обладает необычайно чутким слухом. А если человек-птица проснется, Нутхес окажется меж двух огней.

Нутхес растер затекшие лодыжки и снова посмотрел по сторонам: того короткого меча, который достался ему от десятника, нигде не было видно. Бродяга был человеком неглупым и, скорее всего, избавился от клинка, чтобы валузийские воины в Тшепи не задавали лишних вопросов.

Жрец подобрал с земли увесистый камень, выровнял дыхание, поднялся на ноги и тремя быстрыми бесшумными шагами пересек поляну. Бродяга лежал на боку, тихо посапывая. Нутхес присел на корточки возле его головы, поднял камень и с размаху опустил его. Душа бродяги мгновенно рассталась с телом.

Жрец быстро схватил в одну руку сумку, а в другую — дубинку бродяги. Как он и ожидал, человек-птица проснулся, разбуженный шумом, вскочил и что-то заклекотал, обращаясь к приятелю, но тот не ответил. Тогда Бу все понял и бросился на бывшего пленника, но тот был готов к нападению, и через пару ударов сердца второй бродяга валялся на траве с проломленным черепом. Он умер сразу, но Нутхес еще долго бил его, вымещая

на бедолаге свою бешеную злобу на преследовавшие его злоключения.

Наконец он успокоился и устало присел рядом с бездыханными телами, затем сунул руку в сумку и достал оттуда кристалл. В первых лучах восходящего солнца камень запульсировал голубым светом, словно звал жреца в путь.

До Туита было еще далеко. Нутхес поднялся и побрел к лодке.

Глава шестнадцатая

полудню воздух от зноя загустел, словно масло, над рекой повисла дымка. Нутхес сидел голышом на скамье и правил лодкой. Он так устал, что уже и не замечал этого. Жрец пообещал самому себе, что, пока не увидит пристань Туита, к берегу не причалит и не сомкнет глаз.

Ближе к вечеру зной немного спал. Солнце больше не обжигало плечи, а раскалённое добела небо уже не слепило глаза.

Он не причалил к берегу, когда краешек распухшего алого солнца коснулся верхушек деревьев. Речная вода на закате окрасилась в кровавое золото, а потом погасла. Близилась ночь, и Нутхес накинул жреческий плащ.

Он плыл сквозь зеленые сумерки, такие густые, что, казалось, по воздуху можно грести, как по воде. Плыл, когда на небе зажглись звезды, а над рекой встала черная и прозрачная, как хрусталь, ночь.

Мимо в тишине проплывали покинутые деревни и маленькие городки. Так было везде, по всей реке: густые заросли сменялись покинутыми селениями. Люди ушли в глубь страны, опасаясь войска варвара.

Незадолго до рассвета третьего дня пути он увидел огни на правом берегу Таиса и направил туда лодку. Река круто поворачивала, а из-за поворота появлялись все новые и новые огоньки.

Наконец Нутхес увидел пристань и множество кораблей, стоявших у причала. Его окликнули, к нему быстро подплыла лодка, в которой сидели воины...

Кхешийский десятник, подавив зевок, с тоской в глазах смотрел за окно. На столе перед ним лежали перемазанная речным илом сумка Нутхеса и кристалл. С крюка, вбитого в потолок, свешивалась лампа. Фитиль потрескивал и коптил.

— Мое имя Нутхес. Я был жрецом в храме Сатха в Тшепи. Но три дня назад Тшепи пал. Варвар обманом занял цитадель и осквернил храм. В Туит я прибыл по распоряжению Амензеса, мага Черного Логова... Прикажите проводить меня к нему или к верховному жрецу Сатхамусу.

— Послушай, жрец,— посмотрел на него десятник.— Я не хочу тебя обидеть, но вот так взять и поверить тебе на слово тоже не могу. Сам понимаешь, время тревожное.

Нутхес кивнул.

— А если на самом деле ты никой не жрец, а пробрался сюда, чтобы убить верховного жреца или, скажем, самого Тха-Таурага,— осторожно продол-

жил вояка.— Сейчас раннее утро. Жрецы еще спят. Их утомило путешествие по Таису — флот прибыл из Ханнура вчера вечером... Да и ты нуждаешься в отдыхе. Я тебе советую немного поспать в соседней комнате, а мы пошлем гонца...

У Нутхеса вдруг все поплыло перед глазами: беленые стены караулки, лампа, висевшая на крюке, удивленное лицо офицера, кристалл на столе... "Кристалл!" Эта мысль в одно мгновение вернула жреца из забытья.

— Ты прав, мне действительно нужен отдых. Три дня под палящим солнцем кого угодно вымотают до предела. Я подожду в соседней комнате. Только верни мне кристалл.

— Нет,— отрезал десятник.— Он останется у меня. Сейчас я доложу о тебе начальству.

— Кристалл,— повторил Нутхес.— Отдай мне камень.

— Не могу,— покачал головой десятник.— Но я обещаю: двое воин будут стеречь твой талисман, как зеницу ока... Надеюсь, я тебя ничем не обидел?

Последних слов Нутхес не слышал, он провалился в глубокий сон... Он не слышал, как десятник позвал кого-то и сказал:

— Станный он какой-то. А ну, ребята, отнесите его, пусть проспится. А ты передай сотнику его просьбу, пусть сам проверит, не лазутчик ли это.

Проснувшись, Нутхес обнаружил, что лежит на скамье в помещении с низким потолком и каменными стенами. В крохотное окошко под потолком бил косой солнечный луч.

"Где я?" — подумал он, садясь.

Он чихнул, осторожно ощупал зудящую шишку над ухом и все сразу вспомнил.

Судя по тому, что кто-то умыл его, наложил повязки на голову и прокушенную грызуном руку, а на стуле жреца дожидался чистый плащ — десятник выполнил свое обещание.

Одевшись, Нутхес толкнул тяжелую, обитую железными полосами дверь. Она оказалась не заперта.

Воин, стоявший на карауле, вытянулся и гаркнул:

— Да пребудет с тобой Великий Змей!

Нутхес коротко кивнул и сказал:

— Я хочу пить и есть.

* * *

В тот вечер Нутхесу, простому жрецу из храма в Тшепи, была оказана большая честь: сам верховный жрец Черного Логова, Сатхамус, разделил с ним трапезу.

Трапезничали ближе к ночи на открытой террасе стоявшего у пристани павильона. Рабы, двигаясь совершенно бесшумно, точно их ноги не касались древней мозаики, покрывавшей пол, меняли блюда и подливали в чаши вино. Сперва господин Сатхамус и Нутхес отведали вареной речной рыбы, пряной и необычайно сочной. За рыбой последовало овощное рагу...

Нутхес устало откинулся на спинку кресла: еда и вино совершенно его разморили. Сатхамус понимающе улыбнулся:

— Путь был нелегким?

— Да, верховный, — ответил Нутхес.

Сатхамус кивнул. Они помолчали.

— Я боялся, что валузийский флот меня нагонит, и двое суток плыл, не приставая к берегу, — продолжил Нутхес.

Сатхамус отпил вина из чаши и задумчиво посмотрел на садившееся за реку солнце и ослепительно сверкавшую речную излучину.

— Когда армия Кулла будет разбита, кому-нибудь придется снова проделать этот путь, чтобы вернуть кристалл в Тшепи, — проговорил верховный жрец.

— Варвары осквернили храм, — нахмурился Нутхес.

— Да, — согласился Сатхамус. — Храм осквернен. А настоятель убит. Сейчас Черное Логово ищет ему замену. Ты молод, но доказал нам, что предан Сатху и готов положить за него жизнь. О тебе тепло отзывался покойник, пусть его душе воздастся по заслугам, он готовил тебя в свои преемники. Я не сомневаюсь в тебе, но ты-то что думаешь: по силам ли тебе быть настоятелем храма?

— Я не знаю... Это так неожиданно... — смутился Нутхес.

— Ты справишься, — заверил его Сатхамус. — Мы знаем путь, который ты прошел. Он во сто крат дальше, чем дорога от Тшепи до Туита. Многим достойным не хватило жизни, чтобы одолеть его. Но Великий Сатх отметил тебя и привел на порог гибели. Ты шагнул за свою смерть и наконец родился заново.

Нутхес взглянул на Сатхамуса с изумлением и испугом.

— Мы знаем, что произошло с тобой на реке,— пояснил тот.— Простые люди едва ли увидят в тебе перемену, но от посвященных скрыть это невозможно.

Рабы, убрав со стола блюда с остатками овощного рагу, принесли сласти.

Между тем на крепостной стене неподалеку от павильона появились люди. Двое смотрели на реку и говорили о чем-то, остальные почтительно держались в стороне. Нутхес догадался, что это сам Тха-Таураг, его телохранители и свита.

— Тот, что с мечом на поясе,— Халег,— сказал Сатхамус.— А в черном длинном плаще — это Тха-Таураг. В последнее время они неразлучны.

— Халег? — переспросил Нутхес.— Это тот варвар...

— Халег — талантливый полководец. Увы, среди кхешийских воинов равного ему нет... Если ты насытился, мы можем пойти туда...

Они поднялись на стену. Нутхес не бывал прежде в Туите и теперь, окинув взглядом город, заметил, что тот значительно меньше Тшепи, а крепостная стена вокруг него не так высока и прочна.

За городом, со стороны главных ворот, начинались обширные поля и огороды. Леса расступались в стороны на десяток лиг и едва ли не у самого горизонта сходились снова, точно высокая зеленая волна с рваным гребнем.

— Идеальное место для битвы,— заметил Сатхамус.— Что-то, а тесно здесь никому не будет.

— А если Кулл не примет боя и пройдет мимо? — спросил Нутхес.— Дальше, вверх по реке, к Ханнуру?

— Вверх по Таису он не пройдет,— покачал головой Сатхамус.— Халег перегородил кораблями реку. Но Кулл не из тех, кто отказывается от битвы. Армии сойдутся завтра, и еще до заката решится судьба Кхешии. Эта битва будет последней — так предсказала Всевидящая Нут.

— Завтра? — удивился Нутхес.

Но Сатхамус, кажется, его не слышал. Прикрыв рукой глаза от солнечных лучей, верховный жрец пристально всматривался вдаль.

— Он уже здесь,— тихо сказал Сатхамус.— Посмотри на реку...

Нутхес скользнул взглядом по лагерю кхешийской армии, вставшей у городских стен, по бесчисленным шатрам, палаткам, огонькам костров, посмотрел на Таис и там, где русло петляло и терялось в зарослях, далеко внизу по течению увидел неяркий блеск. Это, должно быть, щит отразил луч садившегося солнца. Затем жрец разглядел, как вверх по реке плывет маленький, как будто игрушечный, кораблик. За ним из-за поворота появился другой, потом третий...

— Боги не ошибаются,— заметил Сатхамус.— Кулл привел свою армию к назначенному сроку туда, где мы его ждем.

* * *

Кулл стоял на палубе "Великого Хотата", ожидая вестей от высланной вперед галеры.

После того как конная разведка с берега доложила, что у кхешийского городка под названием Туит расположилась армия противника, Кулл приказал встать на якорь и выслал вперед корабль проверить донесение. Сейчас галера быстро возвращалась.

На палубу поднялся сотник:

— Мой король, на берегу под Туитом — огромный лагерь, тысячи три палаток и шатров. В лагере полно воинов. Нас обстреляли с городских стен из баллист и атаковали три боевые кхешийские галеры. Мы, не принимая боя, ушли. Издалека мы видели: кхешийцы перегородили реку судами. Наверное, приготовили ловушку. Если мы будем прорываться, то обязательно там застрянем.

— А зачем нам прорываться? — спросил Кулл. — Здесь можно уничтожить всю их армию. Хорошо иди. — Он повернулся к командиру Алых Стражей: — Келкор, слушай приказ. Кораблям пристать к берегу. Войску выгружаться и ставить лагерь здесь. Передай Кандию, Эрадаи и Энкеши, чтобы подтянулись к нам. Выполняй. Завтра я намерен разбить Черное Логово.

* * *

Смеркалось.

За стволом огромного дерева стоял Усирзес. Вдалеке поднимались в темнеющее небо невысокие стены Туита. Под ними среди походных шатров горели костры... А совсем близко топтались всадники, десятка три. Усирзес видел их темные силуэты, слышал ржание лошадей и кхешийскую

речь. Он ждал, прижимая к груди сундучок из брусков железного дерева, заботливо завернутый в серый плащ. Из оружия у жреца был только узкий стилет.

Всадники как будто тоже чего-то ждали: конный разъезд не двигался с места.

Вскоре в небе над Таисом погас последний бледный отсвет заката и стало совсем темно.

Тогда Усирзес вышел из-за дерева и пошел по потерявшейся во тьме тропе, беззвучно читая простое заклинание, благодаря которому ничьи взгляды не останавливались на нем, а скользили мимо, как будто он был не человек, а сухое дерево или трава, или просто пустое место.

Тропа повернула к Таису и пошла под уклон. Вскоре ее пересекла другая тропинка, более широкая. Усирзес остановился, гадая, куда идти. Из задумчивости его вывел глухой дробный гул, который постепенно нарастал: это стучали лошадиные копыта. Похоже, конный разъезд все-таки снялся с места.

Жрец обернулся на звук. Где-то совсем близко заржала лошадь. Звезды, висевшие совсем низко, замигали и исчезли: их заслонили силуэты всадников. Еще через мгновение жрец увидел их. Всадники неслись на него во весь опор.

Продолжая читать заклинание, Усирзес сошел с тропы и лег в канаву, прикрыв своим телом сундучок с реликвией.

Одна лошадь пронеслась над ним. Копыта другой ударили о землю у самой головы жреца... Через три-четыре десятка ударов сердца конный разъ-

езд пропал в ночи, и Усирзес поднялся на ноги и пошел по той тропе, что была шире. Она привела жреца прямо под стены Туита. Пару раз он видел вдалеке конные разъезды, а у самого лагеря, поднявшись на гряде невысоких поросших травой холмов, чуть не столкнулся лицом к лицу со кхешийским воином. Тот держал перед собой лук. Тетива была натянута, а на тетиву положена стрела.

— Ты слышал?

— Не уверен, — ответил другой воин, с пикой. — А может, это шакал? Или еще зверь какой...

Оба стояли перед Усирзесом и пристально всматривались в темноту за его спиной. Губы жреца беззвучно шевелились.

Воины заспорили. Они говорили громко и не слышали, как жрец прошел мимо...

* * *

Несколько раньше, на борту «Хотата», в каюте валузийского короля произошло событие, которое могло совершенно изменить дальнейший ход кампании, от которого зависели жизни тысяч и тысяч воинов обеих войск. В каюте сидели три человека: Кулл, Рамдан и Усирзес. Они разговаривали и ели засахаренные фрукты, запивая их вином.

— Ты доверяешь мне, мой король? — спросил Усирзес.

— Да, — кивнул Кулл.

— Мой король, ты дорожишь жизнью своих воинов?

— Валка! Что за глупый вопрос?

Атлант поднялся из-за стола и, подойдя к бошонку, нацедил в чашу вина. Над ней сразу закружились несколько ос.

— Проклятье... — пробормотал Кулл, отгоняя их рукой. — Ты, жрец, не ходи вокруг да около. Не люблю я этих ваших кхешийских тонкостей. Говори прямо, я не дурак — пойму.

— Правитель Кхешии верит в пророчество о северном варваре, который воскресит Усира, — сказал жрец. — Он знал о потайном ходе в храм Сатха... Скоро грянет великая битва. Третью ночь луна наливается кровью. Но судьбу Кхешии можно решить иначе, не такой страшной ценой, которую она заплатит, если сражение произойдет. Я хочу переговорить с владыкой о мире на определенных условиях.

Кулл сел в кресло напротив жреца, уперся локтями в столешницу, положил на сцепленные пальцы тяжелый подбородок и, недобро сощурясь, посмотрел в глаза Усирзесу.

— Если бы ты, жрец, сейчас спросил меня, доверяю ли я тебе, я бы ответил: «Нет», — заговорил наконец король. — Ты ведь сейчас говоришь сразу за многих людей. Ты уверен, что твой правитель сумеет сдержать слово?

— Да, мой король, — кивнул Усирзес.

— Так... — сказал Кулл. — А что ты думаешь, Рамдан?

Маг пожал плечами:

— У правителя, считай, нет власти. Кхешией управляет Черное Логово. Но его очень любят воины... Кто знает, а вдруг у него получится?

Отгнав ос, Кулл надолго припал к чаше.

— Сенахт хочет беспредельной власти над Кхешией, — продолжил Рамдан. — А еще он хочет сменить религию. Я прав, Усирзес?

— Да.

— Если дать ему это, он согласится помочь.

— Если я правильно понимаю, — медленно заговорил Кулл, — твой владыка едва ли захочет стать наместником в разоренной стране, поработенной Валузийской империей?

— Наши страны могут стать союзниками, — быстро заговорил Усирзес. — Согласись, король, выгоднее иметь дело с дружественной страной, чем с далекой провинцией, где то и дело зреют мятежи... Я знаю, у тебя была еще личная причина для похода на Кхешию...

— Верно, — перебил его Кулл. — Причина есть. Я враг Черного Логова. А каждый маг Черного Логова — мой личный враг... Ты знаешь, Усирзес, дважды они едва не спихнули меня в могилу. Клянусь Валкой, не помню, когда еще я видел смерть так близко. Я забыл, сколько убийц за последние годы они подослали ко мне. Думаю, советник Ту ведет точный счет... Наверное, мы сможем договориться. Если Сенахт согласится выплатить двадцать ларей с золотом, принести мне и моим потомкам клятву вассальной верности, а также разоружит армию и не будет мешать мне расправиться с Черным Логовом. Тогда можно будет говорить о перемирии.

— Мой король, разреши мне вести переговоры от твоего имени.

— Хорошо Усирзес. Постарайся принести ответ завтра до полудня.

Усирзес поднялся из-за стола и, поклонившись валузийскому королю, вышел из каюты.

В сумерках он покинул лагерь...

* * *

Теперь Усирзес шел между кострами мимо кхешийских воинов и наемников с иссиня-черной кожей, вдоль глинобитной стены города...

Губы жреца по-прежнему беззвучно шевелились. Одно звено заклинания он заменил другим, и хотя теперь все могли видеть его, но никто не останавливал и никому, казалось, не было до него дела. Наверное, попробуй даже Усирзес сам завязать разговор, ему бы не ответили.

Он сейчас чувствовал себя среди своих соплеменников как чужой среди чужих, как враг, тайком пробравшийся в стан врага.

«Но я не враг моему народу, — говорил себе в ту ночь Усирзес. — Это народ мой слеп и поклоняется богу, убившему своего брата. Оттого я и пришел сюда тайком: те, кто служит Истине, редко ходят торными дорогами».

Усирзес даже не попытался искать в лагере лиловый шатер Сенахта. Жрец знал: владыка не останется ночевать в походном шатре, если на то нет крайней нужды, и наверняка сейчас отдыхает во дворце наместника Туита.

Городские ворота оказались закрыты, а возле них стоял караул. Правда, можно было попытаться пройти через другие...

Усирзес сел на корточки у стены и задумался. Он еще не решил, как ему поступить, когда ворота со скрипом, настолько пронзительным, что его, наверное, было слышно на той стороне реки, распахнулись.

Жрец поднялся и подошел ближе.

Из ворот выехало несколько всадников. Тот, кто ехал впереди на пегой лошади, судя по всему, занимал высокий пост в кхешийской армии, а другие были то ли его слугами, то ли телохранителями. Одно Усирзес мог сказать точно: прежде этого человека он не видел. Лицо всадника закрывало забрало, поэтому понять, кхешиец он или варвар, было невозможно.

Человек на пегой лошади скользнул по Усирзесу взглядом, обернулся и что-то негромко сказал ехавшему рядом слуге...

Прежде чем ворота закрылись, жрец проскользнул в город. Он вошел не таясь, но никто не обратил на него внимания: вряд ли враг мог забраться так далеко.

Туйт... Маленький грязный город с узкими улочками, пропахшими рыбой, отбросами, немудреной стряпней. Город такой же древний, как сама пустыня. Туйт стоял здесь всегда. Его жалкие глинобитные стены с начала времен смотрелись в воды Таиса, словно в живое зеркало...

Отойдя немного от ворот, Усирзес свернул в переулочек: по главным улицам ходили патрули, а использовать магию в черте города было опасно.

Жрецы Черного Логова услышат его, попробуй он прочесть даже самое простое заклинание.

Усирзес не бывал в Туите прежде и сейчас, бредя по узким, затопленным тьмой улочкам, пытался наугад найти дорогу к нужному переулочку.

Дважды он выходил назад к городским воротам, точно какой-то демон водил его по кругу... В другой раз он забрел в тупик, где царила крошечная тьма.

Двигаясь ощупью вдоль стены, жрец нашел плетеную калитку, толкнул ее, и она неожиданно отворилась.

Пройдя еще немного, Усирзес вдруг услышал, что звук шагов отдается со всех сторон приглушенным эхом.

Тогда он поднял голову и, оглядевшись, увидел, что находится на базарной площади. До нужного переулочка оставалось всего несколько шагов.

Площадь была безлюдна и погружена во тьму. Неспешно обойдя ее по кругу, жрец вошел в переулок.

Здесь из десятков лавок его внимание привлекла лишь одна. На стене этой лавки между закрытыми окошками висел сколоченный из деревянных брусков щит с именем хозяина — Елиара и перечнем товаров, которые здесь можно купить:

*Здравствуй, и соплеменник, и чужеземец!
Покупай у Елиара свежие фрукты и овощи!
Бальзам Елиара знают во всей Кхешии!
А так же
Услуги по составлению писем.*

Ничего необычного для непосвященного человека в этой надписи не было. Однако Усирзес мог сложить из заглавных букв вывески совсем другое сообщение:

Здесь

Помнят

Бога

Усира...

— Лавка занимала небольшой домик в два этажа, фасадом, как все и дома по соседству, обращенный в переулок.

За ставнями окон первого этажа было темно, зато на втором этаже в окне мигал огонек светильника.

Усирзес толкнул дверь. Как и следовало ожидать, она была заперта. Тогда жрец осторожно постучал условным стуком.

Усирзес не успел еще убрать руку, как в окне над его головой появился паренек.

— Тебе чего нужно среди ночи, добрый человек? — поинтересовался он.

— Ты сын Елиара?

Усирзес отступил на шаг от двери, чтобы видеть, с кем говорит.

— Может, и сын. Тебе-то что? — огрызнулся парень.

Но жрец понял, что угадал:

— Скажи отцу, что у меня к нему срочное дело.

На этот раз пришлось ждать долго. Наконец в окошке показалось доброе лицо толстяка Елиара. Он окинул взглядом сутулую фигуру Усирзеса, а затем посмотрел поверх его головы.

— Ночью мой товар дороже, — хмуро сообщил лавочник. — Сынок,пусти покупателя. Ну, добрый человек, что тебе нужно от Елиара? — спросил он Усирзеса, когда мальчик вышел из комнаты, притворив за собой дверь.

Усирзес, не сказав ни слова, снял жреческий плащ и повернулся лицом к свету.

Внимательные глаза Елиара скользнули по напольке. Лавочник кивнул, и Усирзес набросил плащ на плечи.

— Мое имя Та-Нут. Я жрец Львиноголовой Нут. Храм, откуда я пришел, находится в пригороде Тшепи.

— Я слышал о тебе, но не видел прежде, — сказал Елиар. — Ты знаешь других людей, тех, кто помнит о нем?

— Знаю, — Усирзес сделал знак Елиару.

Лавочник подошел ближе, и жрец прошептал ему на ухо несколько слов.

— Довольно, — улыбнулся Елиар. — Теперь я не сомневаюсь: ты тот Усирзес, о котором я слышал. Моему брату нужны отдых и еда? Мой брат ищет убежища?

— Нет. Благодарю тебя, брат, — покачал головой Усирзес.

— Моя жена заварит нам травяной настой...

— Нет времени, брат, — устало вздохнул жрец. — Я пришел к Туиту с варваром, о котором говорится в пророчестве.

— Я понял, брат.

— Пророчество может свершиться завтра. Но мне нужно увидеть нашего Высокого брата.

Елиар кивнул и вышел из комнаты.

Усирзес терпеливо ждал.

Вернувшись, лавочник нацедил гостю и себе по чаше пальмового вина.

— Высокий брат занимает покои во дворце наместника, на втором этаже, — сказал Елиар. — Дворец окружен садом. В сад ведут ворота и несколько калиток. Всюду стоят стражники. У северной калитки их двое. Один — наш названный брат, а другой — муж дочери нашего брата. Туит — это маленький город, здесь все друг другу родственники. Мой сын проводит тебя к северной калитке. Тебя отведут в покои Высокого владыки. Чем я могу помочь тебе еще?

— Этого будет достаточно, брат, — тепло улыбнулся Усирзес.

Близилась полночь.

Молчаливый сын Елиара вел жреца той дорогой, по которой ходят только мальчишки и коты. Они перелезали через заборы, протискивались в узкие щели между стенами домов и сараев и даже перебежали по крышам...

Ко дворцу наместника Туита вышли неожиданно. Только что пробирались по замусоренному тупику мимо брошенного дома — и вдруг из темноты выступила каменная ограда.

Сын лавочника огляделся по сторонам и быстро зашагал вдоль нее. Усирзес поспешил следом. У калитки его провожатый остановился и постучал условным стуком. Им отворили.

Мальчик пропустил жреца вперед и, когда тот вошел в сад, шагнул следом.

— Доброй ночи, брат, — приветствовал Усирзеса стражник.

— Доброй ночи, брат, — ответил Усирзес и обернулся к своему провожатому. — Спасибо, мальчик, ты мне очень помог. Возвращайся домой. И передай мою благодарность отцу.

— Я могу пробраться во дворец, так что меня никто не услышит, — торопливо заговорил паренек. — А хотите, я найду покои, где спит Тха-Таураг, и перережу ему горло?

Усирзес устало улыбнулся и взъерошил ему волосы на макушке:

— Если хочешь помочь мне, возвращайся домой. И помолись Львиноголовой Нут.

Мальчик недовольно хмыкнул, но ничего не сказал, а молча приоткрыл калитку и медленно пошел прочь.

— Мы сменимся перед рассветом, — предупредил стражник. — Так что, брат, если ты хочешь вернуться этим путем, поспеши. Запомни пароль на выход: "Солнце", ответ: "Тень".

— Спасибо, брат, я запомню. А теперь скажи, как попасть к Высокому брату?

От калитки жрец по дорожке направился в глубь сада, затем свернул влево и подошел к двери, ведущей во дворец. Он постоял перед ней немного, потом осторожно постучал.

— Кто?

— Та-Нут к господину Сенахту с донесением.

— Пароль?

— Солнце. Ответ?

— Тень.

Заскрипел отодвигаемый засов. Дверь распахнулась. На пороге стоял воин. Внимательно посмотрев на жреца, он посторонился:

— Проходи. Покои правителя на втором этаже. Вторая дверь направо.

Усирзес поклонился и поспешил к лестнице. В коридоре он чуть не столкнулся со жрецом, лицо которого показалась ему смутно знакомым. Но времени было мало, и он решил не ворошить воспоминания.

Было уже далеко за полночь, но Усирзес знал: владыка не спит. На втором этаже оказалось многолюдно.

У дверей покоев Сенахта образовалась целая очередь ожидавших приема.

Усирзес подошел к писцу и назвал свое имя, тот чиркнул что-то на бумаге и показал жрецу на конец очереди.

— Ну что ж, здесь я бессилен, придется ждать, — подумал Усирзес.

Досадно было терять время сейчас, когда цель так близка... но он не хотел рисковать, привлекая к себе внимание. В конце концов, он что-нибудь придумает.

Жрец стал присматриваться к людям и обратил внимание на гвардейца, похожего на человека, которого жрец знал уже много лет. Кажется, тот был одним из них...

Дождавшись, когда тот приблизится, Усирзес обратился к нему так тихо, что его не могли услышать другие:

— Брат...

Гвардеец медленно повернулся, в его глазах сверкнула угроза.

Они стояли так несколько бесконечно долгих мгновений, и каждый не мог понять, обманывается он или видит перед собой друга.

Усирзес стянул с головы капюшон, и гвардеец улыбнулся:

— Чем могу быть полезен жрецу Львиноголовой Нут?

— Надо поговорить, — одними губами сказал Усирзес и добавил вслух: — Ты не мог бы уделить мне немного времени?

— Пойдем со мной.

Они зашли в дальнюю комнату, где никого не было, и обнялись.

— Говорили, ты мертв, — шепнул гвардеец. — Я был в отчаянии...

— Явно поторопились, — ответил Усирзес и спросил: — Скажи, как поживают наши братья во дворце? Ощутили ли вы, что заклятье Змея слабеет? Ибо освобождение грядет!

— Все в порядке. Сатх еще никого не достал. Хвала Усиру, чем меньше времени остается до исполнения пророчества, тем слабее цепи заклятий. Ни один из нас еще не пострадал за свое отступничество, и наши планы по-прежнему хранятся в глубокой тайне.

— Это хорошо. Мне надо встретиться с Высоким братом. Сумеешь ли ты помочь мне? Дело очень спешное!

— Не беспокойся об этом. Я знаю писца. Ты увидишь Высокого брата.

* * *

В эту ночь маги Черного Логова собрались в овальном зале на первом этаже дворца наместника. К ним присоединился Сатхамус, который привел Нутхеса. Церемония должна была начаться.

Один из жрецов указал Нутхесу на место в центре зала, другой затворил тяжелые двери. Нутхес сел.

Рядом на полу стояли три зажженных светильника, освещавших его лицо. Сам Нутхес не видел магов: их скрывала от него полутьма.

Сатхамус намекнул ему, что Черное Логово собралось сегодня вовсе не для того чтобы решить, достоин или нет он стать настоятелем храма Сатха в Тшепи. Это был уже вопрос решенный.

Нет. То, что произойдет здесь этой ночью, может совершенно изменить всю судьбу молодого жреца.

— Что я должен делать? — спросил Нутхес, пока они шли по коридорам дворца.

Сатхамус пожал плечами:

— Ничего. Только быть правдивым...

Ему начали задавать вопросы, на которые Нутхес отвечал со всей откровенностью.

Вопросы, казалось, никак не были связаны друг с другом: как он попал в храм или почему настоятель сделал его своим преемником, или что случилось с ним по пути в Туит, Нутхеса отчего-то не спрашивали.

Ему приходилось отвечать, какой цвет он любит больше всего, что он чувствует перед началом грозы и боится ли ос.

Отвечая на какой-то совершенно нелепый вопрос, Нутхес неожиданно заметил, что мысли его путаются.

Он почувствовал что-то вроде сквозняка, как будто в его голове образовалась дырка. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он провел ладонью по затылку и тут же услышал приглушенный смех за спиной.

Чья-то невидимая рука перебирала его мысли, точно жемчужины ожерелья.

Он запнулся на полуслове, замолчал и закрыл глаза. Теперь у него не было ни тайн, ни сокровенных мыслей. Чьи-то ловкие пальцы развернули его память, как свиток папируса...

Выйдя из овального зала в коридор, Нутхес почувствовал, что у него кружится голова, и прислонился к стене.

Дурнота никак не проходила. Он решил, что ему станет лучше на свежем воздухе, и, опираясь рукой о стену, направился к выходу из дворца. Только сейчас он понял, как невероятно устал.

На площадке перед дверью в сад он посторожился, пропуская сутулого человека в жреческом плаще.

На лицо жреца падала густая тень от капюшона, но на какое-то короткое мгновение свет факела, освещавшего площадку, разорвал тень и отразился в его глазах.

Нутхес увидел худое лицо кхешийца и сквозь накатившуюся волну дурноты отметил, что лицо это ему знакомо.

На ватных ногах он сошел по ступеням в сад.

Там ему и правда стало легче. Умывшись холодной водой из фонтана, Нутхес сел на бортик каменной чаши. Небо над Туитом освещала кровавая луна.

“Немедленно иди спать,— сказал себе жрец,— а то так и заснешь здесь...”

Он зевнул, глаза сами собой закрылись, и вдруг перед его мысленным взором проступило лицо человека, с которым он столкнулся там, возле лестницы.

Нутхес не мог вспомнить, кто он, но отчего-то ему казалось, что вспомнить это крайне важно.

С небосклона сорвалась звезда, словно злоеющая луна уронила тяжелую слезу.

Нутхес поднялся, прошел по садовой дорожке назад, к двери. И тут его словно поразила молния: он вспомнил все.

Глава семнадцатая

Ночь пришла в Туит, третья с тех пор, как луна налилась кровавым светом. Воины валузийской и кхешийской армий, разделенные полем, говорившие на дюжине языков, успели пообвыкнуться и перестали таращиться на небо. Если все же кто-то из воинов, забывшись, задирает голову, то тут же, словно хлебнув уксуса, кривится, опускает глаза и поминает какого-нибудь своего бога.

Но в эту ночь луна казалась особенно тяжелой и тусклой, темные пятна покрывали ее, будто непогребенное тело мертвеца...

Заведя руки за спину, Халег стоял у бойницы на верхней площадке башни и смотрел на раскинувшийся вдалеке вражеский лагерь, обдумывая предстоящее сражение.

Кроме Халега здесь находились еще трое.

Тха-Таураг, прикрыв глаза, полулежал в рассохшемся кресле, и было не понятно, дремлет маг или внимательно слушает.

Измал, тысячник армии Халега, сидел на табурете и, глядя прямо перед собой, плевал сквозь зубы на пол. Лицо ветерана было ужасно изувечено: нос сломан и сплюснен ударом железной рукавицы, а левую щеку пересекали два длинных шрама, заканчивавшихся в уголке рта, из-за чего казалось, что он все время злобно усмехается.

Третьим был молодой невысокий мужчина. Его длинные черные волосы были сплетены в две тугие косы, одежду покрывал толстый слой грязи. Он, переминаясь с ноги на ногу, рассказывал:

— Вокруг лагеря лиги за две крутятся конные дозоры. Ближе — секреты пехотинцев. Густо сидят, костров не жгут. Меня не заметили, но я был один.

— А на болотах? — спросил Халег, не оборачиваясь.

— Тоже караулы... Там даже хуже. Если по воде идти — услышат.

— А что в лагере?

Лазутчик пожал плечами:

— Тихо. Воины спят. Караульные между шатрами ходят...

— Ты видел корабли?

— Да.— Вспоминая, он прикрыл глаза.— На кораблях обычная вахта. Охраняются только большие галеры, маленькие, похоже,— нет. Помню, в каюте большого судна светилось окно. На остальных кораблях темно...

— Ты хороший лазутчик, Робер,— похвалил его Халег.— Думаю, лучший в армии. Ты умен и осторожен и поэтому еще жив.

Резко отвернувшись от бойницы, тулиец подошел к столу и плеснул в чашу вина из кувшина.

— Пей, Робер,— сказал он лазутчику.— Спасибо за службу.

Робер поклонился и принял из руки Халега чашу. Послышались глухие торопливые глотки, по грязной шее заходил туда-сюда острый кадык. Халег, глядя на Робера, улыбался. Так добрый хозяин улыбается любимому охотничьему псу.

Наконец чаша опустела. Робер вытер губы ладонью и рыгнул. В глазах его появился беспокойный веселый блеск.

— Можешь идти, воин,— бросил Халег.

Робер снова поклонился и вышел.

— У Кулла, как и у всех, есть уязвимое место,— уверенно сказал тулиец.

Он снова подошел к бойнице и смотрел теперь на сотни костров, горевших под крепостной стеной. И на другие костры, те, что едва светились там, на той стороне...

— Я возьму шесть судов из тех, которыми перекрыл реку за городом. Спущусь вниз по Таису и сожгу три, а то и четыре десятка его кораблей. Если, конечно, боги этой ночью на моей стороне... — Халег помолчал, обдумывая что-то, и заговорил снова.— Теперь ты, Измал. Выступаешь немедленно. С двумя сотнями конников. Зайдешь с тыла, со стороны пустыни. Я уверен, что Кулл будет ждать тебя. У них хорошие лазутчики. Постарайся надевать в валузийском лагере побольше шума. Ты знаешь, что делать. Можешь ввязаться в драку, но помни: главное — создать у противника впечатле-

ние, что твоя атака — основной удар. Начнешь, когда запыхают корабли. Если ударишь раньше, валузийский король сразу поймет, что к чему, и усилит охрану судов. Ну, действуй и, пожалуйста, будь осторожен.

Тысячник ушел.

— Ты сам пойдешь на корабле? — поинтересовался Тха-Таураг.

— Не беспокойся за меня, — заверил его Халег. — Армия не останется без командующего. Просто уж очень хочется сделать это своими руками... — Он щелкнул пальцами и оскалился. — Там будет весело. Только вот эта проклятая луна... Здоровая, точно блюдо. Вся река горит. Нас разве что слепой не заметит... Словом, мне нужна твоя помощь.

— Какая? — спросил Тха-Таураг.

— Шесть кораблей-призраков.

* * *

Кулл очнулся от забытья, в котором не было снов. Кто-то тряс его за плечо.

— Мой король, мой король, проснись, — услышал он громкий свистящий шепот у своего уха.

Атлант открыл глаза. Полог шатра был откинут, снаружи горел костер, и его дымный красноватый свет освещал склонившегося над ложем телохранителя в алом плаще.

— Какого демона...

Он намеревался уже устроить воину хорошую трепку, когда вспомнил, что сам отдал приказ непременно разбудить его, если кхешийцы дадут о себе знать.

Иссария беспокойно заворочалась, но не проснулась.

— Мой король... — начал было телохранитель.

Кулл прижал палец к губам.

— Тихо, — велел он и толкнул воина к выходу из шатра.

Подойдя к костру и сощутив глаза от его дыма, он обернулся к телохранителю:

— Теперь говори.

— Лазутчики видели две или три сотни кхешийских конников. Идут к нам со стороны пустыни...

— Ну что ж, кажется, началось. Коня мне. Быстро! — распорядился Кулл.

Он перепоясался мечом, поднял голову, прислушиваясь, и в недоумении огляделся по сторонам: лагерь спал.

— Почему я не вижу никаких приготовлений?

Телохранитель протянул королю шлем:

— Кандий просил передать: он выставил заслон. Из леса кхешийцы еще не вышли. Он встретит их на подступах.

Кулду подвели коня, и он ловко прыгнул в седло...

Лагерь валузийской армии растянулся вдоль берега на пару сотен локтей. В полутьме среди деревьев мелькали бесчисленные шатры и огоньки костров между ними. Кулл, сопровождаемый десятком Алых Стражей, быстро проскакал в другой конец лагеря. Здесь не спали. Едва ли не вся конница поднялась по тревоге. У шатров толпились молчаливые грондарские лучники.

Заметив Кулла, от костра, вокруг которого собрались почти все военачальники, поднялся Брул:

— Мой король...

— Похоже, я зря торопился,— проворчал Кулл, останавливая коня.

И тут со стороны реки раздались громкие крики, вспыхнуло пламя. Лагерь мгновенно ожил. Кулл повернул коня, готовый скакать на берег, но со стороны пустыни послышался топот сотен лошадей и донесся многоголосый клич: «Сатх! Сатх!». Кхешийская конница шла в атаку.

* * *

Все еще длилась ночь.

У причалов за городом стояли шесть старых судов, в трюмах которых лежали сухой тростник, облитый смолой, и бочки с маслом, которым заправляют лампы.

Рядом толпилось десятка два добровольцев-наемников, готовых рискнуть за соответствующую плату.

Перед головным судном стоял паланкин Тха-Таурага.

По широкой каменной лестнице быстрым шагом спускались к причалам две тени.

— Измал вышел на исходные позиции. Он считает, что враги их заметили, и ждет условного сигнала,— сказал гонец.

— Все идет по плану,— бросил на ходу Халег.— Спасибо, ты свободен.

У паланкина тулиец остановился. Свежий ветер с реки хлопал черными занавесками. Маг ждал,

подперев подбородок костяшками сцепленных пальцев.

— Господин!

— Да, Халег. Я не сплю и не умер,— неприятным скрипучим голосом ответил Тха-Таураг.— Пусть твои люди поднимутся на корабли.

Халег отдал приказ, и через несколько мгновений набережная опустела.

Тха-Таураг отвел в сторону черную занавеску, и Халег, стоявший у самого паланкина, заметил, что на коленях мага стоит маленькая шкатулка с серебристым узором на крышке.

— Это лунная пыль,— пояснил Тха-Таураг.

Он поднял крышку. Луч лунного света упал в шкатулку и отразился в крохотных песчинках, наполнявших ее.

Маг взял двумя пальцами щепотку пыли, поднес ко рту и дунул.

Не произошло ровным счетом ничего.

У причала по-прежнему качалась на речной волне старая уродливая лоханка.

— Послушай... — начал Халег.

Тут в глаз ему что-то попало. Тулиец моргнул, а когда снова посмотрел на реку, то увидел, что судно невероятным образом тает, становится прозрачным, точно слюдяная пластина.

— Это детская забава,— едва заметно улыбнулся Тха-Таураг.— Можно сказать, и не колдовство вовсе, а так, баловство. Этот порошок вобрал лишь малую толику магии луны.

Халег не слушал его. Он стоял на краю причала и таранился на корабль, сквозь который теперь

было видно реку. Тусклый кровавый свет луны падал на воду и плясал на волнах.

— Проклятье, я вижу дно реки! А я, приятель, сквозь тебя! — раздались удивленные крики матросов. — Эй, командир, мы что, сдохли?!

— Скажи своим людям, чтобы перестали орать, — поморщился маг. — И пусть не машут руками, а то все испортят. Скоро все придет в норму. Это наваждение длится недолго, но оно вам поможет.

Халег задрал голову и крикнул матросам, чтобы утомонились, затем подобрал с причала камешек и швырнул в судно.

Камень ударился о прозрачный борт — и упал в реку.

— Великие боги... — пробормотал тулиец и вдруг захохотал.

Тха-Таураг пристально смотрел на него из паланкина и улыбался.

— Послушай, маг, — заговорил наконец Халег, — а твоя лунная пыль — как раз то, что мне нужно...

— Я бы мог, конечно, наложить на твои посудины какое-нибудь серьезное заклятие, — задумчиво проговорил чародей, — но, боюсь, валузийские маги учуют его издали... Слушай меня, Халег. Пыль — она и есть пыль. Подул сильный ветер, сдул ее — и тебя снова видно. Кроме того, пыль скоро осыпается сама собой.

— Как скоро? — спросил Халег.

Тха-Таураг пожал плечами:

— Четыре-пять сотен ударов сердца.

Тулиец кивнул:

— Если ветер не усилится, я успею.

— Не так-то просто управлять кораблем, сквозь который все видишь. Да пребудет с вами Великий Змей.

Вскоре шесть кораблей-призраков отошли от причала и тихо растворились в ночи...

Галера называлась "Верная Звезда", а ее капитан носил имя Шордан.

В начале года, когда валузийский король собирал флот для похода на Кхешию, Шордан, польстившись на золото, предоставил свою посудину в его распоряжение.

Сначала он, правда, воспротивился, когда узнал цель похода.

— Какая бы ни была река, — признался он вербовщику, — мне между двумя берегами тесно. Другое дело — море...

Вербовщик, то и дело подливая ему в бокал, пообещал кормчему несметные сокровища.

Заглянув в третий кувшин, который опустел так же быстро, как и два предыдущих, Шордан зажмурился, и перед его мысленным взором поплыли высокие башни городов, зазывно заблестели изумруды в перстнях и нанизанный на тонкие нити жемчуг.

Глубоко вздохнув, капитан удвоил предложенную ему сумму.

Вербовщик мгновенно согласился, и они ударили по рукам.

Вот так и случилось, что «Верная Звезда» стояла в ту ночь у берега Таиса за много лиг от моря...

Капитан Шордан неожиданно проснулся. На соседней койке спал его помощник, который нещадно храпел и громко шлепал губами. В овальном окошке было темно. Шордан мгновенно сообщил, что разбудило его: выпитое накануне вино распирало его так, что, казалось, он вот-вот лопнет. Кормчий нехотя встал и, пошатываясь со сна, побрел на палубу.

Небо на востоке еще не посветлело; но по каким-то едва уловимым признакам он понял: до рассвета осталось совсем немного. Он остановился у борта, зевнул и начал расстегивать штаны.

Таис медленно, с тихим плеском катил свои воды, а по самой середине реки тянулся странный след, как будто плыла крупная рыба. Свободной рукой Шордан протер глаза, но ничего не увидел.

Он закончил дело, за которым вышел на палубу, и собирался уже вернуться в каюту, но так и замер у борта с раскрытым ртом.

Над рекой прямо в воздухе вспыхнул факел и без всякой видимой опоры поплыл к его галере. Другой факел загорелся выше по течению, за ним еще один и еще...

— Что такое... — пробормотал Шордан. — Надо меньше пить.

Тут капитан увидел, как по реке скользнул призрачный корабль: в лунном свете отчетливо проступили очертания судна, летевшего к "Верной Звезде".

"Сейчас столкнемся", — подумал кормчий и не ошибся. Все случилось именно так. Он еще успел крикнуть:

— Куда правишь, демон косоглазый?!

В следующее мгновение палуба ушла у него из-под ног. Шордан упал, крепко ударившись о край борта, услышал какой-то хруст, но разобраться, что же раскололось, его голова или корпус, не успел. Все потонуло во вспышке пламени.

* * *

— Иди на корабль, — приказал Халег.

Десятник навалился на правильное весло, и старая лоханка начала медленно отворачивать с середины реки и, набирая скорость, поплыла к берегу.

Вскоре темный силуэт вражеского судна выступил из ночи прямо по ходу. Они подошли так близко, что Халег разглядел лицо стоявшего у борта моряка.

Тулиец высек искру и зажег факел. Это был сигнал.

— Все в лодку, быстро! — тихо приказал он, не поворачивая головы.

Наемники съехали по канату за корму. Последний перерезал канат. Халег остался один. Он стоял на корме, в одной руке держа факел, а другой опираясь о правильное весло. Он был невидимкой, призраком на призрачном корабле, несущем смерть. Лунные лучи пронзали его тело и палубу, не встречая преграды.

Оглянувшись, тулиец увидел пять плывущих над рекой огней...

Темный силуэт судна стремительно приближался. Моряк стоял у борта и таращился в ночь.

Халег ухмыльнулся:

— Поздно ты нас заметил, сучий выродок.

Он размахнулся и бросил факел в трюм своего корабля, прямоком в открытую бочку с маслом, и прыгнул в реку.

Он плыл под водой, покада хватало дыхания. Вынырнув, Халег увидел, что у берега распустился огненный ярко-желтый цветок.

Вот лепесток пламени вытянулся, будто рука, коснулся парусов стоявшего рядом судна, и в то же мгновение они вспыхнули, точно папирус...

Рядом показался борт лодки. Наемник, сидевший в ней, протянул Халегу руку и помог забраться внутрь.

— Уходим, — приказал тулиец.

Один за другим вдоль берега расцвели еще четыре огненных цветка.

— Шерхад медлит, — заметил десятник.

И тут шестой корабль-призрак налетел на стоящую у берега тупорылую баржу. Борт корабля треснул, точно скорлупа, огонь разлился по палубе.

В мечущемся свете пожара Халег увидел, что лодка с наемниками все еще крутится у кормы.

— Туранец что-то задумал, — показал на нее пальцем десятник.

— Безмозглые обезьяны, — презрительно скривился Халег. — Какой тут грабеж? Надо быстрее уносить ноги.

Словно услышав его, люди Шерхада развернули лодку, и она быстро поплыла на середину реки в спасительную темноту.

Огонь разгорался все сильнее. Суда вспыхивали одно за другим, как солома. Просмоленные борта, сухое дерево, промасленный такелаж — неистовому пламени было чем поживиться. Зарево пожара осветило берег.

Халег видел, как между огнями снуют фигурки матросов, которые пытаются сбить пламя. На берег выбежали первые воины. Видя, что кхешийцы не нападают, они принялись тушить корабли.

Достигнув середины реки, тулиец приказал сушить весла.

Теперь их надежно скрывала ночная тьма, а валузийцев, пытавшихся выследить противника, слепил пожар. Сейчас воины Кулла были легкой добычей, и Халег пожалел, что не привел с собой сотню стрелков. Но что поделаешь? Всего предугадать нельзя.

Полюбовавшись немного огнем, он отдал приказ возвращаться.

С ними поравнялась лодка Шерхада. Туранец радостно улыбался и размахивал руками.

— Халег, ты видел, как пылает? Как пылает! Эту ночь валузийцы запомнят надолго.

Они уже поднялись локтей на двести по реке.

— Халег, скажи этим кхешийцам, пусть накинут. Такое дело сделали!

Но тут Шерхад вскрикнул и полетел за борт. Лодка перевернулась. Не прошло и трех ударов сердца, как в борт лодки Халега воткнулась стрела, и тулиец понял: лодки вышли из-под прикрывающего пожара, и громкие слова туранца привлекли внимание валузийских стрелков.

Халег подобрал со дна лодки щит и, прикрывшись им, смотрел, как двое спасшихся наемников плывут к нему. Гнев волной подступили к горлу.

Первый воин догнал лодку и схватился за борт. Не говоря ни слова, тулиец ударил его кинжалом в глаз. Лицо наемника залила черная кровь, рот судорожно распахнулся в беззвучном крике... Халег выдернул кинжал из глазницы и пнул труп ногой. Покойник, покачиваясь, поплыл прочь, а тулиец, выплеснув свой гнев, успокоился.

Другому наемнику в шею попала стрела.

Больше по лодке не стреляли.

Чернокожий паренек с кольцом в носу бросил весло. Его губы дрожали.

— Ты лучше гребь, — велел ему десятник.

Но юноша его не слушал.

— Зачем ты его убил? — спросил он Халега. — В лодке хватило бы места всем...

Халег резко подался вперед и с размаху ударил паренька кулаком по лицу. Тот вывалился за борт.

— Хочешь за ним? — повернулся тулиец ко второму гребцу.

Тот промолчал и лишь помотал головой.

— Тогда не пялся на меня. Десятник, возьми второе весло.

Свежий ветер гнал огонь от корабля к кораблю. Зарево пожара было видно издалека.

* * *

— К оружию! По коням! — крикнул Кулл. — Келкор, Тальмеш, быстро проверьте пристань! За мной!

Король во главе конницы быстро приближался к месту, где разыгралась битва. Валузийских воинов было явно больше, и они уже остановили кхешийцев, которым теперь грозило полное окружение. Воины Сатха повернули назад и начали быстро уходить.

Кулл подъехал к Кандию. Командир конницы снаряжал в погоню большой отряд, насчитывавший три тысячи копий. Для вновь прибывших объявили отбой. Когда отряд тронулся, Кандий повернулся к Куллу:

— Какая-то бестолковая атака. Кхешийцев заметили еще на болоте. Они сходу смяли наш конный разъезд, а когда вышли к лагерю, там их уже ждали.

Но вместо того чтобы повернуть назад, они попытались пробиться. Потеряли, наверное, сотню. Схватка была короткой. Я не стал преследовать противника. В темноте за ними носиться — можно своих порубить. Но погоню все-таки снарядил. Пусть прочешет все вокруг.

Кандий развернул коня, и оба всадника рысью направились к лагерю.

Воины, узнав короля, расступились. В красноватом свете луны Кулл увидел множество изрубленных тел. Они лежали среди деревьев, точно кучи тряпья. Тускло блестела кровь. Лошадь с распоротым брюхом судорожно била копытом.

Ни слова не говоря, оба поехали дальше. Алые Стражи неслышно сопровождали их.

— Не понимаю, на что они рассчитывали? — пробормотал Кулл.

— Если только это не обманый удар,— заметил Кандий.— Вряд ли просто послали людей на смерть, чтобы проверить, как мы защищены.

— Правильно! — воскликнул Кулл.— Пока мы бросили всю конницу против них, они жгут наши корабли!

Они прищипорили лошадей.

— Мой король,— вспомнил вдруг Кандий,— а знаешь, кого я видел на поле брани?

— Ну?

— Этой нелепой вылазкой командовал наш старый знакомый. Нос у него сплюснен, точно лопатка, и через все лицо тянутся два шрама...

— Измал? — поморщился Кулл.— Выходит, не сдох тогда, а жаль...

Тем временем они миновали заставу, на ходу крикнув пароль.

Кулл направил коня к Таису, и, когда выехал на берег, пожар уже начал немного отступать. Воины, столкнув горящие суда к середине реки, сумели остановить огонь.

— Наверное, треть кораблей сторела,— нахмурился Кулл.

К ним подошел Келкор:

— Мой король, кхешийцы использовали шесть старых лоханок. Тут один кормчий уверяет, что они были невидимы.

— Чужь собачья! Магию наши чародеи сразу бы почуяли. Перепились, наверное, бродяги — вот и проворонили. Позови Рамдана и этого кормчего.

В это время воины и матросы вытолкали последний горящий корабль и потушили остальные

суда. К ним подплывали на лодках и затапливали их, прорубая борта. Корабли, груженные добычей, быстро шли на дно, вода заливала пожар. Завтра их попытаются поднять и починить.

К военачальникам одновременно подошли Рамдан и кормчий. Кулл посмотрел на моряка: лицо его было сильно обожжено, руки покрывали крупные волдыри, одежда превратилась в обгоревшие лохмотья. Теперь в нем никто не признал бы весельчака Шордана.

— Кто ты? — спросил атлант.

— Мой король, я капитан галеры «Верная Звезда» — Шордан.

— Что ты видел, капитан Шордан, когда начался пожар?

— Я стоял на палубе моей старушки, справлял, извини, малую нужду. В это время, ты не поверишь, прямо в воздухе зажегся факел. И как по прету на меня! Только этот факел горел не просто так — его держал прозрачный человек, который стоял на прозрачном корабле. Мой король, я правду говорю! Сквозь него были видны звезды.

— Я тебе верю, продолжай.

— А тут продолжать нечего. Раздался удар, я треснулся рылом о борт. Очнулся на берегу. Потом мне рассказали, что мой крик переполошил матросов, они меня с горячей палубы и вынесли. Но, мой король, я помню: чем дольше я всматривался в этот корабль, тем отчетливей он становился. Вот вроде и все.

— Хорошо, капитан, иди. Я верю, ты не обманул нас. О будущем не беспокойся. Все, кто поте-

рял этой ночью корабли, получают деньги на покупку или постройку новых.

— Слава королю Куллу! — крикнул Шордан.

Капитан ушел, и Кулл обратился к Рамдану:

— А ты что скажешь, жрец? Со слов моряка выходит, что твои олухи проморгали магию.

Все взгляды устремились на Рамдана.

— Мой король, ты, как всегда, прав. Но, насколько я понимаю, здесь не было магии. Кхешийцы использовали иной трюк. Жрецы Сатха дали воинам лунную пыль. В этом, конечно, есть доля волшебства, но распознать его издали невозможно. Мы виноваты, но не суди нас слишком строго: каждый может ошибиться.

— Да, Рамдан, вы виноваты. Поэтому примерно накажи мага, который сегодня дежурил. А тебя тоже я накажу: заплачу меньше на триста монет.

— Как будет угодно королю, — покорно склонился Рамдан, понимая, что легко отделался.

— Мы тоже хороши! Ключнули на ложную приманку. Я забыл, что ночная атака не бывает сильной. Да, есть известия от конного отряда? Кто им командует?

— Энкеши, мой король, — ответил Кандий.

— Надеюсь, он не увлечется погоней?

— Мой король, мне сообщили, что прибыл гонец от Энкеши, — доложил Брул. — Он сообщает, что кхешийцы направились к Туиту. Они нашли следы отряда, который сделал ночную вылазку. Погоню прекратили: противник ушел далеко.

— Много ушло? — поинтересовался Кулл.

— Чуть больше сотни, — ответил Брул.

— Хорошо, передай Энкеши — пусть возвращается в лагерь. Всем отбой. Брул, удвой посты, чтоб муха не пролетела. Головой ответишь, — приказал король.

Он повернул коня и поехал шагом вокруг лагеря, за ним потянулись Черные Драконы. Из темноты доносились приглушенный говор, топот копыт и лошадиное ржание. Лагерь быстро затихал. О ночном происшествии напоминали только запахи гари да торчавшие из воды обугленные мачты затопленных галер.

До рассвета оставалось совсем немного.

* * *

— Этот человек — предатель. Он привел валузийцев в Тшепи по подземному ходу. Его настоящее имя — Усирзес. Я уже рассказывал о нем, господин верховный жрец.

Сатхамус внимательно слушал Нутхеса, наблюдая за игрой язычка пламени на кончике фитиля. Во взгляде верховного жреца сквозило легкое недоверие.

— Ты не ошибся? — спросил Сатхамус.

— Нет. Унижения, которые я претерпел от него, забыть нельзя.

Сатхамус вздохнул:

— Та-Нут — сводный брат владыки. Двадцать лет назад он отрекся от бога без имени и все эти годы честно служил львиноголовой богине Нут. Твое обвинение очень серьезно. Ты настаиваешь на своих словах?

— Да.

Верховный жрец посмотрел в глаза Нутхеса. Сомнений не оставалось: тот говорил правду.

— Страшно подумать, чего может наделать этот человек. Значит, ты видел, как он поднимался в покои Сенахта?

— Да.

— Надо полагать, он принес какое-то важное известие,— пробормотал Сатхамус.— Интересно, кто помог ему попасть во дворец?

Верховный жрец поднялся, оправил помявшийся плащ и хлопнул в ладони. На зов мгновенно явился раб. Сатхамус указал ему на светильник:

— Пойдем. Мы должны успеть раньше.

Сатхамус и Нутхес вышли из покоев. Раб закрыл двери и застыл в ожидании. Сатхамус взял у него лампу и приказал ждать здесь.

— Пойдем, Нутхес. Как ты думаешь, зачем он сюда пришел?

— Наверное, он прибыл от варвара с какими-то предложениями для владыки,— сказал Нутхес.

Сатхамус кивнул.

— Если ты не ошибся. Если в темноте не спутал его с кем-то другим... Словом, если все так, ты даже представить не можешь, насколько это серьезно,— разволновался верховный жрец.

Они подошли к уже знакомой лестнице, однако миновали ее и направились в южное крыло дворца.

Подойдя к четвертой от площадки нише, Сатхамус толкнул неприметную дверь и отступил в сторону, пропуская Нутхеса вперед. За дверью начинался узкий, как крысиная нора, коридор, сте-

ны которого были сложены из грубых каменных блоков и не имели никаких украшений. Пройдя до конца, они попали в небольшую комнату.

Здесь у стены стояла источенная термитами подставка, а за ней сидел маленький человечек с безобразно большой головой, наготу которого прикрывала лишь набедренная повязка, и что-то торопливо записывал на лист пергамента.

Рядом стояла плешка с маслом, в котором плавал горящий фитиль.

Черные лоскутки копоти медленно поднимались к потолку. В комнате звучали приглушенные голоса.

Услышав, что кто-то пришел, карлик беспокойно поднял голову, но, узнав вошедших, вернулся к работе.

— Аль, к правителю приходил гость по имени Та-Нут? — спросил его Сатхамус.

— Нет, господин.

Нутхес не сразу понял, чьи приглушенные голоса звучат здесь.

Потом, прислушавшись, он сообразил, что звук идет с потолка, а подойдя ближе и задрав голову, увидел и все понял: в стене не хватает одного каменного блока.

Верховный жрец бегло просмотрел покрытые письменами листы папируса, затем подошел к стене и, сев на корточки под отверстием, приготовился слушать.

Ждать пришлось недолго. Они услышали, как наверху голос отчетливо произнес: «Мой господин, к тебе пришел Та-Нут».

Немного послушав, Сатхамус сказал:

— Клянусь, Великим Змеем, похоже, Нутхес, ты не ошибся...

* * *

Все складывалось для Усирзеса удачно. Гвардеец что-то сказал писцу, тот кивнул, быстро скрылся за дверью и через несколько ударов сердца вернулся:

— Господин Та-Нут, владыка ждет тебя.

Усирзес, провожаемый завистливыми взглядами посетителей, прошел в комнату. Едва за жрецом закрылась дверь, Сенахт встал из-за стола, подошел к Усирзесу и обнял его:

— Брат, мне так не хватало твоих мудрых советов.

— Сенахт, я пришел к тебе, как только смог освободиться,— ответил гость и добавил шепотом: — Здесь можно говорить откровенно?

— Да. Мои люди простучали стены и ничего не обнаружили.

— Я пришел к тебе из стана врага. Если небесам будет угодно, мы сможем обрести союзника и друга. Но прежде чем продолжить, я хочу показать тебе реликвию, найденную в подвалах храма Сатха: папирус, возвещающий возрождение Истинного бога.

— Возрождение Истинного бога... — Сенахт с благоговением осторожно, кончиками пальцев коснулся папируса.— Это из храма Великого Змея в Тшепи?

— Да, брат,— кивнул Усирзес.

— Храм Сатха стоит на крови Усира. Вот истина, о которой забыл мой народ,— задумчиво произнес повелитель Кхешии.

— Сенахт...

— Да, Усирзес, говори.

— В храме я видел, как Кулл разбил молотом каменную плиту, за которой был скрыт ларец, и понял: бог Усир вернется, когда валузийский король разрушит капища братоубийцы. Вспомни пророчество, брат. И тогда небо явило мне знамение.

Жрец замолчал. Молчал и владыка. Затем он положил свиток в сундучок и закрыл крышку.

— Прежде чем прийти ко мне, ты говорил с варваром? — спросил Сенахт.

— Да. Сейчас моими устами с тобой будет говорить он.

— Он хочет мне что-то предложить?

— Кулл пришел в Кхешию, чтобы разрушить культ братоубийцы. В этом он поклялся своим богам, и, по-видимому, ему это удастся. Валузиец пройдет всю страну, сея смерть и разрушения, не считаясь с потерями. Я провел с Куллом пять дней и за это время достаточно много прочел в его душе. Да, валузийский король невежествен, но не глуп. Он бывает груб и гневлив, но незлопамятен. И что бы ни случилось, Кулл держит слово и к нему благоволят боги удачи. В наших силах, Сенахт, остановить его. А также добиться воскрешения истинного бога. Кулл сам предложил условия, о которых я хочу поговорить с тобой.

— Что за условия?

— Варвар предлагает завтра разоружиться и не выводить войска в поле. Он просит не мешать ему, когда он примется за Черное Логово.

— Что ж, это выполнимо, но, как я понял, это не все? Ему нужно золото? — спросил Сенахт.

— Да, господин. Еще он требует хотя бы на словах признать его повелителем и принести ему клятву верности.

— Сперва он возьмет золото... — тихо сказал Сенахт. — А что он предложил лично мне?

— Безграничную власть над Кхешией.

Владыка закрыл глаза и надолго задумался. Заманчиво было согласиться с предложениями Кулла, чтобы сокрушить Черное Логово и получить неограниченную власть над страной. «Но варвар не задержится здесь, — размышлял Сенахт. — Получив свое, он уйдет в Валузию, оставив меня одного, без поддержки, ведь для всех я буду предателем.

Капища Сатха будут разрушены, но мне не удастся вытравить его из душ людей, воспитанных на поклонении Змею. На Истинного бога надежды мало: слишком слабы его последователи. В армии окажется много недовольных, а там, где недовольство, — до мятежа рукой подать. Обитатели нижнего течения Таиса, разоренные варваром, тоже могут взбунтоваться. Вероятнее всего, начнется смута.

Нет, надо драться. Если мы победим, я увенчаю себя славой и смогу диктовать условия жрецам Сатха, а поражение серьезно ослабит Черное Логово, и, чтобы спастись, они пойдут на любые уступ-

ки. Кроме того, никто не посмеет назвать меня предателем. Для всех я стану героем.»

Владыка посмотрел на Усирзеса в упор. Жрец вздрогнул и отшатнулся: лицо повелителя было бесстрастным, но в его глазах сверкало ледяное бешенство.

— Я хочу рассказать тебе о своем сне, — сказал Сенахт. — Я никому об этом не говорил и не скажу впредь... Мне приснилась кровь. Море крови. Я видел, как падали башни Ханнура... В том сне я захлебнулся кровью.

Тень накрыла меня, такая густая, что я лишился зрения. Эта тень грозила погубить меня. И я понял, что это тень Атлантиды... Страшная, грозная, могущественная. О такой говорилось в легендах...

Я проснулся от того, что мне стало нечем дышать. Пробудившись, я понял, что предал свой народ и, если немедленно не одумаюсь, утоплю Кхешию в крови.

Кулл не тот, о ком говорится в пророчестве, и время пророчества еще не пришло. Не спорь со мной, брат. Я слышал об валузийском короле многое. Говорят, он хитер, точно демон, и, боюсь, ты напрасно поверил ему. Теперь возвращайся и передай мой ответ. Будет битва.

— Да, брат Сенахт, — печально вздохнул Усирзес. — Если ты передумаешь, король Кулл ждет от тебя вестей до полудня.

— Нет, Усирзес.

Поднявшись со скамьи у ног владыки, жрец отступил на шаг и поклонился:

— Мой господин, я думаю, святыня должна храниться у тебя, ибо моя судьба мне неведома.

Он передал повелителю шкатулку, снова поклонился и вышел.

Сенахт приоткрыл крышку и удивленно вскрикнул: на папирусе пульсировало алое пятно. В канун испытаний на нем проступила кровь Истинного бога, и у правителя Кхешии не осталось и тени сомнения в том, что он был прав, когда решил принять бой.

Против богов Севера и Юга — за свой народ!

* * *

Итак, ничего не вышло.

Завтра кровь тысяч воинов, спавших сейчас в походных шатрах, обогрит кхешийскую землю. Звезды не соврали, и Всевидящая Нут не ошиблась.

Усирзес быстро спустился по мраморной лестнице, беспрепятственно миновал стражу и, распахнув дверь, остановился. Ночной воздух показался ему необычайно свежим. Было так тихо, как бывает только перед рассветом.

Жрец зябко поежился и шагнул на ступени, но снова замер, заметив, что над стенами Туита дрожит красноватое зарево. На утреннюю зарю, это совершенно не походило, да и солнце вставало совсем с другой стороны.

— Это Халег поджег валузийский флот, — сказал кто-то сзади.

Усирзес оглянулся: между колоннами стоял человек в жреческом плаще. Капюшон был набро-

шен на голову, и лицо незнакомца оставалось в тени.

Усирзес поклонился ему и быстро сошел с сад.

— Подожди, Та-Нут, — услышал он за спиной.

Из-за стволов плодовых деревьев, преграждая ему путь, вышли пять воинов в черных накидках.

— Что тебе нужно? — спросил Усирзес, поворачиваясь к жрецу.

— Взгляни на меня, — ответил тот, откидывая капюшон.

И тогда Усирзес узнал собеседника — это был Нутхес, который исчез вместе с десятником из храма Сатха. Он не успел даже испугаться. Резкая боль оглушила его, он вскрикнул и упал на песок.

Усирзес очнулся в помещении со сводчатым потолком без окон и со стенами из грубого камня. Трещали вставленные в скобы факелы. Воздух был спертый и удушливый.

Он лежал на столе. Его запястья и щиколотки сковывали цепи.

Два иссиня-черных раба в набедренных повязках разводили в жаровне огонь. На низком каменном столике лежали крючья, тиски, иглы и совершенно не знакомые предметы. Отсветы рыжего пламени плясали на орудиях пыток...

У другой стены в полумраке застыли в креслах жрецы.

Усирзес попробовал подняться, но цепи держали крепко. Стоявший у жаровни раб покосился на него.

— Я сводный брат владыки. Вы не посмеете... — прохрипел Усирзес.

— Нет,— ответил ему голос, который показался Усирзесу знакомым.— Ты предатель. А разве может предатель быть братом владыки?

Усирзес промолчал.

Тогда один жрец, тот, что сидел с краю, подался вперед, и пламя факела выхватило из полумрака его лицо.

— Помнишь меня, Та-Нут? — спросил Нутхес.— Вижу, помнишь. Я пришел из Тшепи, чтобы увидеть тебя.

— Мы хотим знать все о твоих друзьях,— заговорил Сатхамус.— Расскажи нам, кто тебе помог встретиться с Сенахтом.

Усирзес, не произнеся ни слова, отвернулся.

В жаровне трещал огонь.

— Ты проживешь до полудня,— пообещал ему верховный жрец,— и это будет самый долгий день в твоей жизни. Ты даже не представляешь, сколько боли может вместить в себя один день.— Сатхамус повернулся к рабам: — Начинайте.

Глава восемнадцатая

Рулл в то утро был чернее тучи. Он сидел в тени шатра у откинутого полога с кубком в руках и бросал мрачные взгляды то на город вдали, то на черные остовы кораблей, торчавшие из реки на мелководье. И ждал Усирзеса. Солнце невыносимо медленно карабкалось по небосклону. Так медленно, что, казалось, оно никогда не достигнет зенита.

В душе Кулла бушевала ярость. Валузийский король не мог простить себе, что кхешийцы провели его, как мальчишку. Он пил вино кубок за кубком, но не пьянел, а злость и досада не отступали. Остовы кораблей, все ясней и отчетливей становившиеся в свете дня, лишь еще больше гневляли варвара.

“Сорок три”,— опять пересчитал он.

Вскоре после полудня от кхешийского лагеря отъехали пять всадников. Они неслись по дороге что было сил, и пыль серым шлейфом тянулась за их лошадьми. Не доезжая до валузийских постов

на полет стрелы, всадники развернулись, и один из них бросил какой-то тюк.

— Передайте это вашему королю, валузийские свиньи! — громко крикнул он, коверкая слова чужой речи.

Всадники Энкеши подобрали тюк, вернулись в лагерь и передали его Келкору. Это оказался старый мех, едва ли на что-то пригодный. Командир Алых Стражей открыл его и с горечью посмотрел на Кулла.

Король подошел и тоже заглянул внутрь: на него смотрела отрубленная голова. Лицо мертвеца было обезображено пытками, его покрывал слой спекшейся крови и грязи, гримаса боли искажала черты, но все сразу признали Усирзеса.

— Жаль, — вздохнул Рамдан. — И жреца жаль, и то, что ничего у него не вышло.

— А мы потеряли целый день, — буркнул Кулл. — Проклятье!

Он прищурился и посмотрел на небо: полуденное солнце висело над самой его головой. Черным крестом дрожал в поднебесье гриф.

Бросив кубок, Кулл бесцельно побрел по лагерью между шатрами. Телохранители старались не попадаться ему на глаза.

Ночью, вернувшись после глупой стычки, он увидел горящие корабли, число которых безжалостно множило черное зеркало реки... А теперь вот еще и Усирзес...

Кулл вдруг подумал, что безнадежно увяз в этой войне, как в болоте, и скривился, будто у него заболели сразу все зубы.

Посредине лагеря атлант остановился и начал рисовать на земле кончиком клинка. Двумя линиями он обозначил Таис, а неровным кружком сбоку — Туит.

“Крепость-то так себе. Одно название. Стены низкие. Ворота с одного удара можно вышибить. Мне бы хватило трех сотен ударов сердца, чтобы подняться на стены и вырезать гарнизон. Так...” — сказал себе он и начертил рядом с кружком полугую дугу — лагерь кхешийской армии.

“Сойдись мы в поле, я бы их разбил. Наемников много. Эти воюют за деньги и знают: мертвым ничего не нужно. Под натиском побегут... Но тут этот город. Крепостная стена хоть и плохонькая, а фланг закрывает и мне не дает развернуться. А Сенахт — не дурак. Встанет у стены, поставит наверх лучников, и не взять мне его... Город и армия. Проклятие!”

Кулл стер рисунок ногой.

Воздух дрожал от зноя. Туит походил на призрачный город. В добела раскаленном небе кружил гриф. Варвар проследил за ним взглядом, и губы короля изогнула усмешка. Он обернулся. У шатра сидел седобородый грондарец и медленно что-то жевал.

— Видишь птицу, воин? — спросил Кулл.

— Вижу, мой король.

— Можешь подстрелить?

Старый лучник прищурился:

— Высоко летает... Достану.

Он поднялся и, пригнувшись, нырнул в шатер. Вернулся с луком. Отошел шагов на десять, при-

крыл рукой глаза от солнца. Лук он не поднимал, а просто стоял и смотрел.

Так прошло пять десятков ударов сердца.

И вдруг старик быстрым движением поднял лук и почти не целясь, как, по крайней мере, показалось Куллу, пустил стрелу.

Птица в поднебесье громко закричала и опрокинулась на одно крыло. Она уже не парила, а падала...

— Эх... — пробормотал лучник. — Мой король, я ему только крыло подранил. Высоко все же...

— Ну и демон с ним... — пробормотал Кулл.

Он стоял у шатра и из-под руки следил за грифом. В серых глазах короля плясали веселые искры: он наконец-то сообразил, как переиграть правителя Кхешии и Черное Логово.

* * *

Темнело.

Халег стоял у бойницы на смотровой площадке башни и в раздражении теребил кинжал. В меркнувшей дали на той стороне поля зажигались костры.

Весь день валузийцы поднимали груз с затонувших кораблей и не выходили за изгородь. Вокруг лагеря шныряли конные разъезды. То и дело возникали мелкие стычки между всадниками обеих армий, но противник лишь отгонял кхешийцев, никого даже не пытаясь преследовать.

Все это настораживало тулийца, ибо он понимал: Кулл что-то замышляет.

— Измал, ты не знаешь, что там происходит?

— Нет, Халег, — ответил тысячник.

Тулиец замысловато выругался и метнул через плечо кинжал.

Поймав дрожащий свет лампы, клинок тускло вспыхнул, перелетел площадку и воткнулся в деревянный поручень у другой стены.

Кто-то поднимался по лестнице. Шаги звучали все громче и замерли у последней ступеньки.

Халег обернулся.

— Ну, тебе чего? — спросил он гонца.

Воин поклонился:

— Господин Сенахт, повелитель Кхешийской земли, просит тебя прийти во дворец наместника...

— Ладно, буду. Измал, я пойду послушаю. Может, что путное услышу.

— Хорошо.

Халег сдернул с кресла плащ, подобрал кинжал и стал спускаться по лестнице.

— Измал! — крикнул он, одолев пролет. — Пошли со мной!

Они пронеслись галопом по кривым улочкам города, распугивая запоздалых прохожих, спешили у дворцового портала. Бросив поводья стражнику, Халег взбежал по ступеням. Слуга провел их в зал на втором этаже.

— Мы не ждали тебя так скоро, Халег, — удивился Тха-Таураг.

Раб разливал из серебряного сосуда горячее питье. Владыка сидел в кресле. Его руки, точно руки статуи, неподвижно лежали на подлокотниках. Лицо казалось застывшим и неживым.

— Владыка Сенахт,— поклонился Халег.— Мне передали твой приказ, и я здесь.

— Да, Халег,— кивнул тот.— Мы очень обеспокоены...

Тулиец ждал продолжения, но повелитель молчал.

— Признаться, я тоже не понимаю, что происходит,— заговорил тогда Халег.— Не знаю, что и думать. Кулл никогда не выжидает. Когда он приходит к городу или видит перед собой противника...

Тха-Таураг сделал ему знак, и тулиец не стал продолжать.

— Ты еще не знаешь всего,— сказал маг.— Мы следим за варваром...

— Это я знаю... — пробормотал Халег.

— Жрецы Сатха постоянно следят за ним глазами животных и птиц,— невозмутимо продолжил Тха-Таураг.— Нам известен каждый шаг валузийского короля. И даже то, что он ел на завтрак...

— А Кулл знает об этом? — поинтересовался тулиец.

— Да,— кивнул Тха-Таураг.— В Тшепи, в храме Сатха он открыл эту тайну.

Маг замолчал и стал пить пряный горячий напиток маленькими глотками. Халег, сцепив руки за спиной, прошелся по залу. Его раздражала манера кхешийцев вести разговор, а эти паузы просто сводили с ума.

— И что же? — не выдержал он.

Маг осторожно поставил пузатую чашу на резной столик:

— Сегодня Кулл сделал все возможное, чтобы избавиться от слежки. Его лучники подбили четырех грифов и распугали остальных... Похоже, он приказал воинам перебить всю живность, что крутится у лагеря. Несколько шакалов, которые были нашими глазами, заколоты и изрублены на куски... На закате мы попытались еще раз и обнаружили, что валузийская армия собирается оставить лагерь.

— Это невозможно,— возразил тулиец.— Там горят костры. Я сам видел с башни...

— Ты видел только костры,— спокойно заметил Тха-Таураг.— Мы тоже их видели. И еще походные шатры. Сотни шатров. И ни одного валузийского воина. Там нет не души. Лагерь брошен.

— А корабли? — спросил Халег.— Их флот?

— Корабли отошли к другому берегу.

Такого поворота Халег не ожидал. Он переводил растерянный взгляд с Тха-Таурага на Сенахта, но оба молчали.

— Кулл переправил армию на другой берег Таиса? — спросил тулиец, отказываясь в это верить.

— Когда мы узнали, что корабли ушли, я послал за реку ночную птицу,— сказал маг.— Глазами совы я видел валузийские корабли. Они стояли без единого огня. Воины высаживались на берег. И еще я видел Кулла.

В зале стало тихо.

— Не понимаю,— заговорил Халег наконец.— Что он делает? В этом нет никакого смысла...

— Тогда я объясню тебе, что делает Кулл,— зло усмехнулся Тха-Таураг.— Он собирается съечь наши

корабли, которые перегораживают Таис, и идти на столицу минуя нас.

— В Ханнур? — переспросил тулиец. — Но Кулл знает: нам ничего не стоит нагнать его по реке и ударить с тыла. К нему не сможет пробиться подкрепление, да и провиант будет не подвести. Чтобы идти к Ханнуру, ему нужно сначала разбить нашу армию... Он же отлично это понимает. Или валузийский король сошел с ума?

— Я не могу допустить, чтобы Кулл занял Ханнур, — сказал Тха-Таураг. — В городе остался один гарнизон — всего тысяча. Для армии Кулла это ничто. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, — кивнул Халег. — Но все же тут что-то не так. Кулл не безумен...

— Мы немедленно начинаем переправлять армию на другой берег, чтобы поставить заслон, — сказал Сенахт. — Это приказ. Варвар не должен выйти к столице.

— Слушаюсь, господин. — Халег поклонился.

* * *

— Почему король должен делать это сам? — спросила Иссария. — По твоим словам, они задумали перехитрить владыку Кхешии...

— Я объясню, моя госпожа, — ответил Рамдан.

Они стояли на берегу Таиса и смотрели на корабли. Солнце только что село, и небо на закате пылало, словно раскаленные угли. Валузийские суда, скользившие без единого огня по речной глади, походили на тени. Ни одного воина ни на палубах, ни в трюмах.

Белозубый слуга в набедренной повязке, совсем мальчишка, принес на подносе фрукты.

— Черное Логово следит за нами, — снова заговорил Рамдан. — Их глаза — это мелкое зверье, шакалы, лисы или птицы. Жрецы могут пользоваться их телами...

— Я слышала об этом, — кивнула Иссария. — И что с того?

— Возле нашего лагеря все время крутятся заговоренные животные. И там, в Туите, жрецы видят каждый наш шаг... Шакалы более искусные лазутчики, чем люди. Но и зрение у них иное.

— Как это? — удивилась женщина.

— Жрец, который пользуется их глазами, видит мир по-шакальи. А для шакала десять человек — уже толпа, сто — целая армия. Животные не умеют считать.

— Пусть так, — согласилась Иссария. — Но я все равно не понимаю, зачем королю плыть на тот берег.

— Кулл — это и есть армия, — пояснил Рамдан.

Иссария нахмурилась и хотела спросить мага о чем-то еще, но тут телохранитель откинул полог и из королевского шатра вышел Кулл, следом показался Брул, потом — Эрадаи, Энкеши, Кандий и другие члены военного совета.

— Пойдешь на приступ не раньше, чем кхешийцы свернут последний шатер, — говорил Кулл Келкору.

— Да, мой король.

— Ты останешься здесь, — велел Кулл Копьебою. — Мне нужен человек, который будет руководить движением войск. Тебе я доверю.

— Мой король, я хотел бы сопровождать тебя...
— начал было отважный пикт.

— В этом нет нужды, — отрезал атлант. — Положим, Черное Логово и Сенахт поверят нам и переправят армию. Они выставят заслон и станут ждать. Вы тем временем ударите по Туиту, а я успею вернуться. Успокойся, мне ничто не угрожает.

Иссария поднялась. Кулл обнял ее, поцеловал в лоб и шепнул на ухо:

— Не бойся за меня. Еще до рассвета я подарю тебе город.

Иссария порывисто обняла атланта и, как всегда, почувствовала, что все тревоги, при одном взгляде на этого сильного, мужественного человека, отступили.

Кулл обернулся к Рамдану:

— Я должен знать, когда армия подойдет к стенам. Подай мне знак, чтобы я с того берега его увидел.

— Да, мой король.

— До встречи в Туите, — сказал Кулл, обводя взглядом стоявших на берегу людей. — Да поможет нам Валка и Хотат!

У Кулла и в мыслях не было вести армию на Ханнур. В полдень, глядя на кружившего в поднебесье грифа, он вдруг понял, как обмануть врага и вернуть удачу. Кхешийцы обязательно попадутся. Они считают его варваром, а значит, поверят: он обойдет их и двинется на Ханнур.

Сперва Кулл приказал лучникам стрелять по любым животным и птицам в черте лагеря. А когда Черное Логово лишилось соглядатаев, армия

по приказу короля выступила к берегу, а там под прикрытием зарослей отошла в джунгли...

Солнце село. В опустевшем лагере горели костры. Корабли валузийского флота с пустыми трюмами потянулись к другому берегу. С собой Кулл взял лишь две тысячи пехотинцев, которых враги должны были принять за всю валузийскую армию.

Король не сомневался: Черное Логово обязательно проверит, где он. Именно поэтому он и шел с отрядом: увидев Кулла во главе войска, кхешийцы успокоятся.

* * *

Не зажигая огня, в кромешной тьме один за другим корабли подходили к берегу.

Держась за борт, Кулл стоял на носу «Великого Хотата». Странное чувство овладело королем. Не тревога и не страх, а что-то другое. Будто холодное и призрачное крыло коснулось его души. И в тот миг Кулла показалось, что он видел уже все это прежде: широкую реку темной безлунной ночью, застывшие у берега корабли, ветер, глухо хлопающий парусами.

«Это похоже на Царство Мертвых, — сказал себе Кулл, кутаясь в плащ. — Там так же тихо и жутко.»

— Прибыли, мой король, — сказал сотник.

— Пусть сходят на берег и строятся, — приказал Кулл.

— Слушаюсь, мой король!

Валузийские пехотинцы начали строиться у корабля. Чуть слышно звучали отрывистые команды, лязгало оружие...

— Мой король...

Кулл обернулся.

— Сова,— тихо сказал телохранитель.

— Где?

— Только что села на мачту.

— Вижу,— кивнул атлант.

Черная птица сидела на самом краю перекладины и, наклонив голову, следила за воинами.

— Подстрелить ее?

Кулл отрицательно покачал головой...

Воины на берегу построились, и он окружении телохранителей направился к ним. Теперь у него был зритель, ради которого было задумано все это грандиозное представление.

Атлант прошелся вдоль строя. Разговоры и шуточки смолкли, стало тихо.

— Валузийцы! — хрипло сказал король.— Воины!.. Идти придется всю ночь и большую часть дня. Без привалов. Но пусть каждый из вас помнит, что впереди его ждет золото. Ханнур — точно сундук в доме купца. Он набит золотом по самую крышку! А сейчас мы сожжем кхешийские корабли.

* * *

— Ты можешь в это поверить, Измал? — спросил тысячника Халег.— Чтобы Кулл уклонился от битвы? Да скорее небо упадет на землю!

Измал промолчал.

Они стояли за городом у моста, сцепленного из судов, по которому медленно шла колонна вооруженных воинов.

— Но лагерь-то пуст,— пробормотал Халег.— Сколько еще осталось?

— Немного,— ответил Измал.

— Я — на тот берег,— сказал тулиец.— Если жрецы правы — скверное дело. Битва ночью — это бойня. А если Кулл нас провел, и того хуже...

Он сел в лодку...

Весь путь через реку Халег молча смотрел за борт — на качавшиеся на волнах блески звезд.

Когда пристали, к лодке тотчас подскочил сотник.

— Лазутчики вернулись? — спросил тулиец.

— Да,— ответил тот.

Халег выбрался из лодки и быстро зашагал по кособогу — туда, где строились кхешийские части. Сотник поспешил следом.

— Ну, что там? Говори! — приказал Халег.

— Видели валузийскую пехоту. Не меньше тысячи. Точнее определить помешала темнота.

— Это передовой отряд,— кивнул Халег.— Нет, Кулл вовсе не безумен. Он осторожен... Я бы поступил так же... Как далеко они от переправы?

— В четверти лиги.

Халег присвистнул.

На кособоге в окружении телохранителей и жрецов Сатха стоял черный паланкин Тха-Таурага. Рядом рабы поставили несколько кресел. В одном из них сидел Сенахт.

Подойдя, тулиец поклонился.

— С того берега перешла только половина воинов,— сказал владыка.— Я отдал приказ строить фалангу.

Халег едва заметно кивнул.

— Скажи нам, Халег, как лучше поступить с отрядом Кулла? — спросил Тха-Таураг.

— Перебить всех до одного. Как можно быстрее и тише. Затоптать конницей.

— Здорово, — согласился Тха-Таураг.

— Я немедленно пошлю наемников... — начал тулиец.

В тот же миг красный отсвет упал на косогор и на реку. Над Туитом взметнулось пламя. Халег обернулся к городу: у городских ворот выросло красное, точно раскаленное, облако, по форме напоминавшее быка.

По лицу владыки пробежала тень недоумения.

— Что происходит? — поинтересовался он у Халега.

— Похоже на сигнал... — тихо ответил тот. — Да, так и есть!

— О чем ты говоришь? — встрепенулся Тха-Таураг.

— Это знак Кулла, — пояснил Халег, обернувшись к Сенахту. — Этот красный бык означает, что нас провели, как мальчишек. Мы лишились Туита!

Он мрачно усмехнулся и побежал к кораблям.

— Господин, что происходит? — всполошились военачальники, окружавшие правителя.

Сенахт встал. Было видно, как дергается его щека.

— Что происходит? — переспросил он. — Ничего... Нас обманули. Остановить переправу! Верните воинов на берег. Мы возвращаемся.

— А как же валузийский передовой отряд? — спросил командующий кхешийской конницей.

— Это не отряд, — покачал головой Сенахт. — Это вся валузийская армия.

Глаза Тха-Таурага сверкнули.

— Проклятие... — пробормотал маг.

— Здесь, — продолжал владыка, — на этом берегу, кроме Кулла и тысячи воинов, которых видели лазутчики, нет ни души. Его войско там. И, думаю, оно уже вошло в город...

* * *

Луна еще не взошла, и было темно — хоть глаз выколи.

Два стражника стояли на смотровой площадке башни, возвышавшейся над воротами. Всю щеку одного из них пересекал шрам — след от удара ножом в какой-то пьяной драке.

Кхешиец уже забыл, когда и где это было. Он и свое имя уже не помнил, ибо все называли его Шрамом.

Второй был самым заурядным воякой, в юности поступившим в отряд туитских стражников и с трудом дослужившимся до десятника.

Кхешийская армия снялась из-под Туита и ушла на другой берег по мосту, составленному из судов. Внизу спешно разбирали шатры, на подводы грузили войсковое имущество, и стражники равнодушно наблюдали за тем, как в свете костров, ругаясь, сутились обозники, свертывавшие лагерь.

Наконец последняя телега отбыла к переправе, и стало тихо.

Вечером Шрам слегка перебрал пальмового вина, и теперь глаза у него слипались, точно веки были смазаны медом.

— Эй! — толкнул его локтем напарник.

Шрам вздрогнул и судорожно сжал в руках копые. Он заснул стоя.

— Ты, братец, не спи, — нахмурился десятник. — В другой раз я тебя не так разбужу. Понял?

— Понял.

Шрам зевнул и потянулся, разминая затекшие плечи.

— Мерещится мне что-то неладное... — буркнул его напарник.

— Что?

— Да не разобрать, темень-то какая за лагёрем...

— Нет там никого, — тихо сказал Шрам.

— А я что говорю? Мерещится.

Шрам протер ладонями глаза. И тут ему показалось, что под стенами Туита в свете догорающих углей копошится множество крупных насекомых. Тьма шевелилась и ползла к городу, словно была живой.

— Труби! — прохрипел он.

— Чего трубить-то?

— Там...

— Что там? И тебе померещилось?

— Да вроде нет там никого, а вроде и есть...

— Понимаешь, если я сейчас дам сигнал, перебужу всех, а после окажется, что протрубил зря, худо будет, — сказал десятник.

— Это точно, — кивнул Шрам и предложил: — А давай факел со стены бросим.

— Это можно.

Шрам взял смоляной факел, запалил от лампы и, размахнувшись, швырнул подальше в ночь. Прочертив огненную дугу, факел упал и осветил вокруг себя землю.

— Нет там никого, — вздохнул десятник.

Послышалось короткое жужжание, и, оглянувшись, он увидел, что Шрам привалился к стене, а из его груди торчит оперенная стрела.

Десятник снова взглянул вниз и обомлел: тысячи валузийских воинов шли через покинутый лагерь бесконечным живым потоком, точно саранча.

Кхешиец поднес к губам сигнальный рожок, но вражеская стрела разорвала ему горло...

* * *

Валузийцы пришли под стены Туита среди ночи. Их не ждали. Грондарские лучники перебили караульных на башне, по приставным лестницам пехотинцы перебрались через стену и вырезали всю стражу у ворот. Город спал, не ведая о своей судьбе.

Когда ворота Туита распахнулись, Рамдан подал Куллу знак и, прочитав заклинание, ударил о каменную плиту, лежавшую у ворот, своим посохом. Ночь расколол сухой оглушительный треск, из камня вырос огненный бык и встал вровень со стенами. Вокруг мага было светло, как днем...

Конники Энкеша и Эрадаи галопом въехали в город и понеслись по темным и кривым улочкам Туита, точно демоны смерти... Горожане заперлись по домам, моля Сатха о защите.

Воины, не встречая сопротивления, растеклись по городу.

Гарнизон Туита, застигнутый врасплох, быстро разоружили. Кхешийцы сдались, даже не пытаясь драться. Дворец наместника также пал без боя. Разоруженную стражу увели в подвал и заперли до утра...

В покоях дворца расположились валузийские военачальники.

И только в храме Сатха, что стоял на городской площади против дворца наместника, полегла сотня валузийских пехотинцев. В храме в ту ночь находились послушники и жрецы, с ними остался маг Черного Логова — Амензес...

* * *

В полутьме храмового зала на циновке лежал Амензес. Глаза его были прикрыты, и грудь вздымалась мерно, как у спящего. Его сознание витало сейчас далеко от Туита — на той стороне реки. Амензес смотрел на миг глазами совы и видел Кулла и валузийских воинов, бредущих по пустому и темному берегу...

Из транса его вывел послушник.

— Как ты посмел? — выдохнул Амензес, придя в себя.

Он поднялся с циновки, собираясь наказать дерзкого, но голова его закружилась, а ноги стали ватными. Чтобы не упасть, маг схватил послушника за плечо.

— Прошу прощения, господин, — заговорил, оправдываясь, послушник. — Валузийцы в городе...

— Что? Ты бредишь? — прошипел Амензес. Он ничего не мог понять и оттого злился еще больше. — Я только сейчас видел Кулла на том берегу...

Послушник затравленно оглянулся. Маг прислушался.

Тревожно мигали огни светильников. За стенами слышались невнятный гомон, лошадиное ржание и крики. Внезапно глухой и тяжелый удар сотряс все здание.

— Что это? — спросил Амензес.

— Они вошли в Туит.

С пятого удара таран вышиб храмовые ворота. С факелами в руках внутрь ворвались валузийские пехотинцы.

— Колдовское отродье! — тяжело дыша, бросил один и рубанул стоявшего у ворот жреца секирой.

— Где-то здесь точно есть золотишко, — крикнул другой и начал тыкать копьем в ниши.

Третий разбил палицей статую Сатха.

Амензес от такого святотатства едва не задохнулся, а глаза его вспыхнули недобрым огнем.

— Прочь, варвары! — зашипел он. — Грязные валузийские свиньи! Я напою Великого Змея вашей кровью!

Курчавый рослый валузиец обернулся на голос. Из всего сказанного он не понял ничего, но по тону определил, его оскорбляли.

— А ну-ка повтори, что ты сказал, кхешийский урод? Сейчас я пощечочу тебя немного...

Послушники отступили за спину мага.

— Ты узнаешь ярость Сатха, — пообещал валузийскому пехотинцу Амензес.

Он сорвал с пояса покрытый письменами кожаный кошель и, когда воины подошли ближе, прочел короткое заклинание, закрыл глаза и высыпал из кошель бесцветный порошок на пламя стоявшего рядом светильника.

Вспышка была мгновенной и такой яркой, что казалось — под сводами храма зажглись сотни солнц. Потом повалил белый дым, от которого глаза переставали видеть.

Никто из валузийцев, набившихся в храм, не успел заслониться от света и укрыться от дыма — все ослепли.

— Вот она, ярость Сатха! — восторжествовал Амензес.

В храме началась свалка, беспомощные воины отчаянно бранились, стараясь найти выход.

Маг взял в каждую руку по жертвенному кинжалу и начал резать воинов, точно скот. Его движения были быстрыми и точными, как удар кобры. Вопли врагов звучали для него нежнейшей музыкой, и он радостно приносил своему богу одну жертву за другой.

Валузийцы попытались достать мага мечами, но удары слепых воинов то попадали в пустоту, а то и уносили жизни товарищей. Тогда кто-то из воинов не выдержал и начал громко звать на помощь.

Амензес сеял смерть, словно разъяренный демон, и скоро мозаичный пол храма стал липким от крови...

Бойню остановил Рамдан, поспешивший на крики. Увидев перед храмом воинов, которые испуга-

лись колдовского дыма, он протиснулся сквозь толпу, произнес защитное заклинание и смело шагнул в храм.

Амензес кружился по залу, переходя от одного несчастного к другому. Его плащ покраснел от крови, жертвенные кинжалы побурели, словно покрылись ржавчиной.

Глаза Рамдана и жреца Черного Логова встретились.

— Ты тоже умрешь! — пообещал Амензес и метнул оружие.

Рамдан не шелохнулся и не пригнул головы. Кинжал просвистел у его виска и упал на пол.

Увидев, что валузиец читает заклинание, возвращавшее зрение, маг бросился на него, но опоздал. Рамдан уже произнес последнее слово и щелкнул пальцами. В тот же миг воины прозрели.

Амензес дико закричал: на него со всех бросились воины.

Рамдан вышел из храма, чтобы не видеть, как пехотинцы кромсают жреца на куски.

* * *

Незадолго до рассвета "Великий Хотат" бросил якорь под стенами Туита, и Кулл вошел в захваченный город.

Улицы были озарены светом бесчисленных факелов, на площадях и перекрестках горели костры. Воины приветствовали валузийского короля криками и поднятыми над головой клинками.

Кулл не стал останавливаться во дворце наместника, а поспешил к южной стене, где на смотре-

вой площадке башни его ждал Брул, наблюдая за вражеской армией.

Кхешийцы уже переправились обратно на этот берег, и теперь Халег отводил армию из-под стен захваченного города. Корабли снимались с якоря и уходили вверх по реке. Задуманный Куллом грандиозный обман удался.

— Сенахт понимает, что проиграл, — сказал Брул. — Но он сохранил ясный рассудок и не будет штурмовать Туит этой ночью.

Кулл кивнул:

— Я отдал приказ, чтобы воины сегодня не пили вина. Едва рассветет, начнется битва. Я взял город, а теперь разобью армию.

Глава девятнадцатая

ад Туитом утренний ветерок разогнал дым пожарищ, и ничто теперь не напоминало о ночном штурме. Тихо восходило солнце. Начинался еще один ясный день. Городские ворота медленно распахнулись, выпуская воинов, которые Они шли по полю будущей битвы к месту построения.

Войска Кулла строились в три эшелона.

В первом — перед валузийским фронтом — замерли десять тысяч зальгарских всадников во главе с Эрадаи. На правом фланге выстроились конники Камелии и Валузии с Энкеши и Кандием во главе, их объединенный отряд насчитывал тринадцать тысяч клинков.

Во втором эшелоне на левом фланге — семитысячный отряд наемников во главе с Тезиарием. Ему придется действовать в заболоченном месте у реки, непроходимом для конницы.

В центре встала валузийская пехота. Двадцать тысяч воинов возглавил Келкор.

Правый фланг заняли пять тысяч таваронцев во главе Затулом. Их противник — кхешийцы, засевшие на холме.

Перед фронтом рассредоточились три тысячи грондарских лучников. Манорг встал в центре перед валузийской фалангой. Лучникам выдали по два дополнительных колчана.

В третьем эшелоне в резерве построились десять тысяч камелийцев во главе с Тальмешем.

Когда из Туита вышел последний воин, воины Сатха уже приготовились к битве. Жрецы провели перед армией жертвоприношение и объявили: боги благосклонно приняли подношение и обещали даровать победу.

Кхешийцы заняли подготовленную с ночи сильную позицию. Их правый фланг прикрывала река с топкими болотистыми берегами, на левом располагался высокий холм.

Всю ночь рабы и наемники устанавливали перед кхешийским фронтом рогатки и рыли волчьи ямы. Сенахт, посоветовавшись с Халегом и другими военачальниками, расставил войска в два эшелона.

В первом на правом фланге построился отряд легковооруженных чернокожих наемников, который возглавил Ча — вождь племени. Год назад он со своими соплеменниками осаждал Кхешию, чудом избежал плена, а сегодня стоял под кхешийскими знаменами во главе хорошо обученного семитысячного отряда.

В центре встала тридцатитысячная фаланга кхешийской армии, которая должна было принять

всю силу удара валузийцев. Халег находился в первом ряду, как простой воин.

Холм занял пятитысячный отряд гвардейцев под командованием Измала.

Вся конница сосредоточилась перед холмом на левом фланге. У Сенахта было всего десять тысяч всадников.

Подавляющее преимущество валузийцев в коннице решили хоть как-то возместить, создав препятствия для лошадей. Именно для этого и понадобились ямы-ловушки и рогатки. Впереди рассыпались четыре тысячи легковооруженных пращников и лучников.

За правый фланг Халег не беспокоился: там было слишком топко для лошадей.

Во втором эшелоне построились четыре тысячи гвардейцев. Сенахт разделил их на два отряда поровну и поставил на стыках флангов и центра.

После ночного перехода армии по кораблям суда расцепили и отвели вверх по течению.

Правитель Кхешии, сидя на вороном коне, с вершины холма осмотрел позицию и остался доволен.

Конечно, поле возле Туита было лучше подготовлено и, не допусти жрецы досадной ошибки, сейчас на фланге у кхешийской армии была бы сильная крепость.

Сенахт понимал, что от полного разгрома его армию спасла только наступившая ночь. Скопление войск на переправе представляло собой прекрасную мишень, и, ударь тогда валузийцы, они бы могли уничтожить половину кхешийского вой-

ска, а другую запереть на противоположном берегу без обоза и припасов.

Хорошо, что в руки Кулла попала только часть обоза, которая по непонятной причине задержалась в городе.

Когда варвар взял Туит, Халег отправил обоз ставить новый лагерь за холмом, а сам принялся организовывать оборону. Ему удалось собрать стройную фалангу, которая могла отразить удар валузийцев.

Неизвестно, что удержало валузийцев от атаки: темнота или эта фаланга. Халег, конечно, слишком суров и своенравен, но, надо признаться, дело свое знает.

Из раздумий Сенахта вывели звуки труб, возвестившие начало битвы. Уже были принесены все жертвы, уже сказаны все речи, теперь пора заговорить стали. Первые отряды зальгарской конницы с гиканьем понеслись вперед.

По приказу Эрадаи вперед ускакала первая сотня, чтобы произвести разведку. Остальная конница рысью отправилась следом. Одновременно с ними выступили воины Кандия и Энкеши, которые помчались на кхешийскую конницу, ожидавшую на левом фланге.

Сотня валузийцев далеко оторвалась от основных сил, наткнулась на рогатки и немного замедлила бег. Несколько лошадей упали, переломав ноги. Воины развернулись и поскакали по фронту, определяя, где установлены рогатки.

Волчьи ямы они увидели издали, так как кхешийцы копали их впопыхах и не успели как сле-

дует спрятать, а вот несколько участков, где рогатки были поставлены очень редко, обнаружили не сразу и, посшибав их, устремились вперед. За ними последовали главные силы.

Их встретила кхешийская фаланга, ошетинившаяся сотнями копий. Первыми вступили в бой лучники и пращники, они стали обстреливать приближавшуюся конницу, а когда валузийцы оказались в опасной близости, отступили.

Всадники сшиблись с первым рядом кхешийцев, и тот подался назад.

Лошади не могли ни таранить сомкнутый строй людей, ни перепрыгнуть его. Они останавливались помимо своей воли, вставали на дыбы и пытались свернуть в сторону. Опытный наездник разгонял животное так, что оно не могло вовремя остановиться, а те лошади, что скакали сзади, еще и подталкивали его. При этом всадник старался достать длинным копьем или мечом вражеских воинов, а из задних рядов атакующих через головы товарищей бросали дротики.

Если после этого противник не обращался в бегство, то бой принимал затяжной характер, а пехота становилась главной.

Валузийская конница растеклась по фронту. Одна из лошадей встала на дыбы, ей в брюхо воткнулось копье, и она с громким ржанием повалилась на бок. Наездник, за мгновение до этого проткнувший врага копьем, не смог подняться, и его добила мечом.

Эрадаи видел это отчетливо, когда его скакуна вынесло на строй кхешийцев. Он выхватил меч,

первым ударом перерубая древко копья, нацеленное ему в сердце, а затем, замахнувшись, разнес чей-то щит и шлем, разрубая череп. Он успел нанести несколько ударов, прежде чем в его плечо воткнулась стрела и он выронил меч. Его тут же закрыли щитами телохранители.

Здоровой рукой Эрадаи повернул лошадь, его место сразу занял другой воин. Телохранители расчистили дорогу и вывели командира из толчеи.

— Трубача ко мне! — приказал Эрадаи. — Труби «отход».

Над полем раздался сигнал. Наездники, развернув лошадей, галопом поскакали назад. За ними бросились кхешийцы, но их остановил Халег:

— Назад! В строй! Назад!

Этот крик охладил самые буйные головы: тулийца боялись в армии, зная его необузданный нрав.

Первый штурм кхешийцы отбили. Эрадаи передал командование и приказал идти на помощь Кандию.

Кхешийцы оказались умнее и не поддались на уловку зальгарцев. Конница снова пошла бы в атаку, если бы противник, ломая ряды, бросился вдогонку. Тогда для кхешийцев все было бы кончено.

Как только зальгарская конница развернулась и поскакала на левый фланг, Кулл приказал выступать пехоте.

Барабаны задавали темп. Валузийцы и наемники, как один человек, двинулись вперед. Солнце играло в тысячах доспехов, начищенных до блеска. Перед фалангой на прекрасном скакуне высту-

пал Келкор. Когда воины подошли к кхешийцам на полет стрелы, он освободил место грондарцам Манорга.

Из-за спин кхешийцев тут же выскочили легковооруженные лучники и пращники. Началась перестрелка.

Валузийцы стреляли лучше, но кхешийцев было намного больше, и воины Сатха понесли мало потерь. Однако воины Кулла не отступали, и, лишь когда до противника оставалось примерно сорок шагов, Манорг отдал приказ отходить.

Команда понеслась по цепочке, грондарцы отошли назад. Кхешийцы, подхватив раненых, спрятались за щитами.

Барабанщики по приказу Келкора начали выбивать дробь, последние сто локтей валузийцы пробежали. Из-за спин первых рядов в противника полетели дротики.

Армии сошлись. Сотни щитов приняли на себя удары сотен щитов, затрещали ломающиеся копья, слышались вопли раненных и воинствующие кличи.

— Кулл! Кулл! — извергали тысячи глоток.

— Сатх! Сатх! — отвечали кхешийцы.

Под напором валузийцев противник подался назад, но лишь немного, не разрывая строя. Халег довольно улыбнулся: не зря он потратил два года, обучая войско.

В щит тулийцу ударило копье, и мощный удар отбросил его на щит стоявшего сзади воина, не причинив, однако, никому вреда. Халег расхохотался и ринулся в бой. После первого же выпада

копье тулийца переломилось, и теперь он бился коротким кхешийским мечом, сея смерть и упиваясь предсмертными хрипами врагов. Кхешийцы, взирая на него, как на неуязвимого бога войны, все теснее смыкали ряды, не давая противнику продвинуться ни на шаг.

Валузийская фаланга подалась немного назад, увлекая за собой неприятеля. Халег не устоял на ногах, упал, но успел подняться. От вражеского меча его спас мертвый воин, который, рухнув на тулийца, закрыл его.

Не прошло и пяти ударов сердца, как армии сшиблись во второй раз. Валузийцы рубили с плеча: в сутолоке боя их мечами невозможно было колоть. Кхешийцы, всегда предпочитавшие короткие клинки, находились в более выгодном положении.

Сражались только первые ряды, а те, кто был в задних, оттаскивали раненых и занимали их места. Так что битва, скорее, напоминала отдельные поединки, у которых не могло быть конца: павшего тут же сменял другой воин.

Халег отбросил тяжелый щит и достал из-за спины обоюдоострую секиру. Через миг первый валузиец упал с раскроенным черепом. Вторым ударом тулиеца разнес щит следующего противника и сразу почувствовал, как, прорубив панцирь, неприятельский клинок вспорол плоть. Халег мгновенно вышел из боя, осмотрел рану и, перевязав ее, снова бросился на врагов.

В это время Келкор пробрался в первые ряды, встал плечом к плечу с простыми воинами и сразу

же уложил несколько кхешийцев, а затем, сделав решительный выпад, перерубил древко копья, нацеленного в сердце воина, стоявшего рядом.

— Благодарю тебя, господин, — сказал воин.

— Не стоит. Как тебя зовут? — поинтересовался Келкор, отбивая щитом колющий удар, а своим мечом перерубая воину Сатха ключицу.

— Харам. Хороший удар, господин.

— И ты дерешься не хуже.

Битва была в самом разгаре, когда над кхешийцами начал подниматься столб черного дыма. Как заметил Келкор, он приобретал форму змеи.

* * *

На правом фланге наемники сильно потеснили воинов Ча.

Чернокожие войны выдержали первый натиск воинов Тезиария. Завязалась схватка, в которой выучке и вооружению валузийских наемников воины Сатха могли противопоставить лишь мужество и азарт. Однако наемникам пришлось отступить. Это был единственный фланг, где кхешийцы атаковали противника.

После очередной отбитой атаки, когда чернокожие откатились назад, на образовавшуюся небольшую площадку выпрыгнул Ча, вооруженный легким щитом и булавой, и, потрясая оружием, вызвал противника на поединок.

Наемники застучали мечами о щиты, вперед вышел Тезиарий.

Едва валузиец шагнул к неприятелю, Ча сам побежал к нему и ударил булавой. Тезиарий успел

прикрыться щитом и ответил на удар. Поединок начался.

Почти сразу Ча развалил щит Тезиария. Валузец замахнулся, но его меч пропорол пустоту: чернокожий отскочил в сторону. Противники закружились на месте. Воины, следившие за схваткой, зароптали, требуя продолжить бой.

Тезиарий мгновенно понял: перед ним — грозный соперник и, если он не покончит с ним в ближайшее время, поединок будет проигран.

Наконец Ча с громким криком бросился вперед. Тезиарию удалось перехватить руку с занесенной булавой и ударить мечом, как стилетом, в бок чернокожего. Клинок мягко вошел в плоть и проткнул сердце.

В глазах Ча застыло удивление, и он, не издав ни звука, осел на землю. Все на мгновение притихло.

Тезиарий поднял меч:

— Вперед!

Валузийцы бросились на оторопевшего противника и заставили его попятиться.

К Тезиарию прискакал посыльный:

— Приказ от короля Кулла.

— Давай.

— «Прекрати топтаться на месте. Атакуй», — прочел Тезиарий.

— Передай королю, что его приказ исполнен.

Валузийские наемники усилили натиск, и чернокожие воины побежали, оголяя фланг кхешийской фаланги. Семитысячный отряд был готов ударить в тыл кхешийцам.

В это мгновение над воинами Сатха начал подниматься черный дым, постепенно принимавший форму змеи.

* * *

На правом фланге шел упорный бой.

Конная лавина Кандия и Энкеша ударила по кхешийской коннице. Командовал кхешийцами тысячник Натхус, опытный, умный и умелый воин. Чтобы остановить валузийскую лавину, он выставил впереди заградительные отряды, и всадники Кандия, смяв несколько сотен врагов, ударили по главным силам заметно слабее, чем намеревались.

Конница сошлась в открытом бою. Крики командиров тонули во всеобщем шуме. Лошадиное ржание сливалось со звоном металла. Ломались копыта, застревая в телах.

Мечи жадно пили кровь, как пьяница вино, и не могли насытиться. Из-за пыли, поднятой лошаадьми, ничего нельзя было разглядеть.

Неизвестно, чем кончился бы бой, не ударь во фланг кхешийской конницы зальгарцы.

Натхус, видя, что его воинов могут полностью уничтожить, приказал трубить «отход», но спокойного отступления не получилось: кхешийцы обратились в бегство.

Как только поле перед холмом освободилось, вперед выступила фаланга таваронцев и под барабанную дробь пошла на приступ. Тысячник Измал ожидал противника на вершине холма и, когда до противника осталось локтей двадцать, вышел навстречу.

Валузийцы, прикрываясь щитами, начали наседать на противника, стремясь выбить его с холма.

Бой шел с переменным успехом, когда над кхешийцами начал подниматься столб черного дыма.

* * *

Когда зальгарцы пошли в атаку, Сенахт поскакал к шатру жрецов, поставленному в тылу кхешийской армии. Навстречу правителю вышел Сатхамус:

— Мы ждали тебя, владыка.

— Битва началась. Я хочу знать, что вы собираетесь делать.

— Поговорим в шатре.

Сатхамус откинул полог, пропуская правителя вперед.

Когда глаза привыкли к полумраку, Сенахт осмотрелся вокруг. В середине шатра возвышался алтарь с чешуйкой Сатха, вокруг которого был нарисован круг с пентаграммой и магическими знаками. За ним стоял стол с различными бутылками и незнакомыми предметами, в дальнем углу — другой, за которым сидели люди. К ним и повел Сатхамус владыку, старательно обходя начертанный круг.

Сенахт сразу догадался, кто перед ним — весь цвет Черного Логова во главе с Тха-Таурагом. Не хватало только Амензеса.

— Господина удивляет отсутствие Амензеса? — спросил Тха-Таураг.

— Да, почтенный маг.

— Он ушел в царство мертвых, о чем все мы искренне сожалеем. Но давайте перейдем к делу.

— Я хотел бы узнать, чем вы можете помочь армии, — начал Сенахт.

— Сознывая, какая беда нависла над Кхешией, мы решили вызвать главного бога нашей земли.

— Вы можете вызвать Сатха прямо сейчас? Днем?

— Да, мой господин. Посмотри на стол возле круга. Там собраны святыни всех богов Кхешии. Они нам нужны, чтобы вызвать Великого Змея. У нас не хватает только талисмана забытого бога, к культу которого, как нам известно, ты принадлежишь.

— Вам нужен папирус с кровью Усира, который передал мне Та-Нут?

— Да. Нам известно, что он у тебя, а также то, о чем ты говорил с Та-Нутом позапрошлой ночью. И мы одобряем твое решение. Мы должны защищать Кхешию.

— У меня есть три просьбы.

— Да, мой господин. Я понял, что ты будешь торговаться. Ну что же, верность стоит дорого, — едва заметно улыбнулся Тха-Таураг. — Говори.

— Половина налогов должна поступать в мою казну.

— Если это не касается доходов с земель храмов, пожалуйста.

— Не касается. Далее. Надо возродить культ забытого бога.

— Это сложнее. Но мы можем разрешить построить храм здесь, в Туите, на этом поле. Но только после победы.

— Есть еще кое-что, для меня очень важное.
— Я слушаю.
— Дело касается Та-Нута и других последователей нашего культа, схваченных вчера.

— Предатель Та-Нут мертв. Остальные сидели в казематах дворца наместника Туита. Сейчас там хозяйничают варвары. Мы можем лишь обещать прощение всем, кто останется жив. Еще что-нибудь?

— Надо составить договор и скрепить его клятвой,— сказал владыка.

— Сейчас писец составит бумагу, и мы ее подпишем.

Вскоре к ним подошел писец и с поклоном передал правителю договор.

Сенахт быстро пробежал текст, затем взял личную печать и сделал оттиск на документе. Его примеру последовали все остальные. Потом Тха-Таураг произнес клятву, и все повторили ее.

Тогда Сенахт вынул из кожаной сумы шкатулку и протянул ее магу.

— Нет, мой господин, ты должен открыть ее сам.

Сенахт достал папирус. На нем алым пламенем пульсировала кровь Усира.

— Положи его на стол.

Сделав это, Сенахт простился с магами, вышел из шатра, вскочил в седло и в сопровождении телохранителей поскакал к холму, с вершины которого ему открылась вся картина битвы.

На правом фланге чернокожие наемники успешно сдерживали натиск воинов Тезиария. В цен-

тре сошлись фаланги, и Халег успешно отбивал атаки валузийцев. Впереди клубилось облако пыли — сражалась конница. На помощь валузийцам спешили зальгарцы.

Владыка решил, что Натхусу надо помочь, и подозвал к себе Измала:

— Надо спуститься с холма и ударить по валузийцам. Иначе всю мою конницу уничтожат.

— Мой господин, боюсь, это невозможно. Натхусу этим не поможешь, а нас просто затопчут. К тому же мы потеряем сильную позицию. Да и виданное ли это дело, чтобы пехота вмешивалась, когда дерется конница?

— Это приказ. Выступай немедленно, или я буду считать тебя трусом.

— Я не трус. Но ты, владыка, делаешь ошибку.

Измал только собрался отдать приказ выступать, как протрубили отход. Для кхешийских всадников все было кончено. Мимо холма помчалась отступающая конница. Ее преследовали по пятам валузийцы.

— Остановись, тысячник. Я отменяю приказ.

Что-то бурча под нос, Измал вернулся.

— Прошу меня простить за оскорбление.

— Без обид,— повеселел Измал.— Мой господин, конница может ударить нам в тыл.

— И что ты предлагаешь?

— Развернуть две тысячи, которые стоят за нашей спиной, им навстречу. Они brave ребята, один стоит десятерых.

— Но как смогут две тысячи воинов удержать двадцать?

— Мой господин, ты забыл, что валузийцы увлеклись преследованием и не смогут сразу повернуть. К тому же на пути у них будет наш лагерь — очень лакомый кусочек. Сам бы его с радостью пограбил.

— Я понял тебя,— кивнул Сенахт, пропуская мимо ушей последнюю фразу наемника.— Оставайся здесь, а я отправлюсь к гвардейцам. Смотри, тысячник, к тебе приближаются таваронцы. Это лучшее войско Кулла. Так что не подведи.

— Не подведу.

* * *

Кулл смотрел на поле битвы с вершины холма. Удача была на их стороне. Только что валузийская конница обратила в бегство кхешийцев. Теперь выступили таваронцы.

В центре Келкор теснил неприятеля. Только Тезиарий топтался на месте. Кулл уже собрался ввести в бой камелийцев, когда ему доложили, что пришел Рамдан.

— Мой король,— приветствовал его маг.

— Я тебя слушаю,— кивнул Кулл.

— Кхешийцы используют сильную черную магию. Мы почувствовали ее.

— Вы выяснили, что они замышляют? Землетрясение, ураган, затмение?

— Да, мой король, выяснили. Все гораздо хуже. Их колдовство ударит одинаково по всем. Кхешийские маги этого не хотят.

— Тогда что? Говори, не тяни.

— Кхешийцы собираются кого-то вызвать.

— Опять демона! Ерунда! Ты легко справился с ним в храме, справишься и сейчас.

— Благодарю, король. Но сейчас все серьезнее.

— Ты думаешь? — нахмурился Кулл. Он знал: Черное Логово — опасный противник.

— Да.

— Что тебе нужно, чтобы это предотвратить?

— Щит Хотата. И твое присутствие. Но начать мы можем и без тебя.

— Хорошо, начинайте. Я постараюсь уделить вам немного времени.

Когда маг ушел, Кулл подозвал посыльного:

— Отправляйся к Тезиарию с приказом атаковать.

— Да, мой король.

— Тальмеш,— обратился к шемиту Кулл,— сейчас самое время ударить в центре, ближе к правому флангу, где стоят кхешийские наемники. Заодно поможешь Тезиарию. Что-то у него сегодня не ладится.

Тальмеш поклонился и пошел к своим воинам.

— Брул,— позвал Кулл.

— Я здесь.

— Мне необходимо знать, что происходит у Рамдана. И когда я ему нужен. Ты все понял?

— Да, мой король.

* * *

В шатре царил полумрак.

Маги Черного Логова заканчивали последние приготовления: укладывали на алтарях, установленных по магическому кругу, талисманы богов.

Возле алтаря с чешуйкой Сатха встал Тха-Таураг. У его ног положили двух девственников, предназначенных в жертву Великому Змею. Жертвы другим богам — животных и птиц — оставили возле их алтарей.

Наконец Сатхамус подал знак.

Тха-Таураг начал читать заклинание. Это была древняя магия, которую использовали еще в те времена, когда боги, сотворив людей, свободно жили среди них. Сатхамус знал это заклинание, но ни за что и никогда не произнес бы его, боясь ошибиться. Слишком дорого пришлось бы за это платить.

Чтобы вызвать Великого Змея, была нужна поддержка всех кхешийских богов. Поэтому Тха-Таураг сначала обратился к ним, прося о помощи.

Воздух в комнате задрожал. Слова заклинания звучали то громче, то тише, и, будто вторя им, лампы то вспыхивали, то почти совсем угасали. Тха-Таураг нараспев произносил древние слова, время от времени выкрикивая имена богов, к которым обращался, и сразу те или иные амулеты начинали светиться, требуя жертв. Другие маги тут же закалывали животных и птиц и орошали алтарь теплой кровью.

Пока все шло хорошо, ни один бог не отказал в помощи: случись такое, талисман погас бы. Пора было вызвать забытого бога. Захочет ли он общаться с тем, кто подло убил его?

Несколько сотен лет назад, как подозревал маг, этот бог не ответил. Великий Змей разгневался и забрал души магов. Тха-Таураг хорошо помнил то утро, когда сильнейшие чародеи в один миг пре-

вратились в безумцев и ему пришлось отдать приказ их прирезать, а всем объявить, что магов наказал Великий Змей.

Тха-Таураг, сделав глубокий вдох, выкрикнул имя Усира, возвращая тем самым его из небытия. Алое пятно на папирусе ярко вспыхнуло и побаловало. Возродившийся бог требовал жертв.

Все облегченно вздохнули.

Тха-Таураг продолжил читать заклинание, дабы открыть двери из мира богов в мир людей, и над шатром заструился черный дым.

Жрецы Черного Логова, опасаясь за свои жизни, решили вызвать только одну ипостась Сатха — змея с зачаровывающим взором и ядовитыми зубами. Иначе могли погибнуть обе армии, маги и половина Кхешии в придачу.

Ворота открылись. Дым стал гуще и приобрел очертания кобры, раздувающей капюшон. Маг выкрикнул имя бога и заколол одну за другой двух девушек.

Когда их сердца легли на алтарь и кровь закапала на чешую, Сатх пришел в мир людей.

Над шатром встала черная кобра.

* * *

— Мой король, — обратился к Куллу Брул.

— Я тебя слушаю.

— Гонец от Рамдана. Он просит, чтобы ты пришел к ним.

— Хорошо, сейчас буду. Останешься за меня.

Кулл галопом поскакал к шатру, где его ждали маги. Его встретил слуга, который откинул полог

и взял узду из рук Кулла. Без лишних слов король вошел внутрь:

— Что у вас стряслось?

Чародеи усиленно чертили магические знаки на земляном полу, вокруг подставки, на которой лежал Щит Хотата.

Вперед вышел Рамдан:

— Мой король, беда.

— В чем дело?

— Черное Логово призывает своего бога, и, судя по всему, у них это получается.

— Я видел над кхешийцами столб черного дыма, который и правда напоминает змею.

— Ты понимаешь, чем это грозит нам?

— Конечно. Сатх — это не какой-то там демон. Что ты предлагаешь? И чем заняты твои люди?

— Маги, мой король, готовятся к ритуалу. Мы тоже хотим вызвать бога. Сначала мы сомневались, кого: Хотата или Валку. Хотат уже не раз побеждал Сатха. Он знает все его слабые места. Но Хотат — древний бог, и на севере почти никто уже не помнит о нем. За время забвения он потерял силу. Валка, наоборот, сильный бог, но он никогда не сталкивался с Сатхом. Мы долго думали, но все-таки решили позвать на помощь Валку. Думаю, ты будешь доволен, ведь исконно он бог атлантов. Не зря его именуют еще Тенью Атлантиды...

— А ты не хочешь вызвать Хонена?

— Надеюсь, мой король простит меня за прямоту. Хонен — слишком маленький бог.

— Маленький? — обиделся Кулл. — Это великан, непобедимый воин.

— А много людей верят в него?

— Увы. Здесь, наверное, только я.

— А у Сатха — шестьдесят тысяч помощников. Мой король, я не хочу тебя обидеть, но даже самый могучий воин не справится в открытом бою с сотней хорошо вооруженных воинов. А с шестьюдесятью тысячами?

— Ты хочешь сказать, что людская вера дает богам огромные силы?

— Да.

— Хорошо, начинайте. Только скажи мне, зачем вам нужен я? Ведь я не жрец и не чародей.

— Мы это учили, мой король. Твои мольбы будут услышаны скорее, ведь ты отвечаешь за всю Валузию. К тому же, ты атлант. Твоя кровь вызывает к божеству ваших предков вернее любых заклинаний.

— И что я, по-твоему, должен делать? — криво усмехнулся Кулл.

— Ничего. Просто побыть здесь. Тебя любят боги.

— Ну, это можно.

Во время ритуала к Куллу подошел Рамдан:

— Мой король, есть новости, и неплохие.

— Не тяни.

— Черное Логово решило вызвать только одну из множества ипостасей своего бога.

— То есть?

— Сатх представляется в виде человека с головой кобры. Вот уже две ипостаси: человек и змея. Кроме того, в древности он был богом пустынь. Смерчи и ураганы — его самая разрушительная ипостась...

— Все ясно,— перебил его Кулл.— Я знаю, кого они вызвали. Выгляни из шатра и увидишь сам...

— Да, мой король, это змея. Может, мы успеем разрушить кхешийские чары.

Их прервали: от Брула прибыл гонец, который сообщил, что армия Кулла отступает.

Атлант повернулся к Рамдану:

— Заканчивайте без меня.

Глава двадцатая

а поле боя Сенахт подоспел вовремя: в отдалении проносилась кхешийская конница, которую преследовали валузийцы. Правитель подъехал к командиру и приказал развернуть колонну навстречу противнику. Фаланга начала медленно поворачиваться, чтобы перекрыть направление возможного удара. Но валузийские всадники не спешили нападать.

Вскоре к владыке галопом подскочил охранник лагеря:

— Мой господин, варвары грабят лагерь.

— Очень хорошо,— улыбнулся Сенахт.

— Почему?

— Пока они грабят, нам не ударят в спину.

— Мой господин, твоя мудрость...

— Ладно, иди.

Прошло какое-то время, и из кхешийского лагеря выехали валузийские всадники. Заметив пехотинцев, ожидавших их, они остановились, а затем развернули коней и ускорили обратный путь.

Сенахт прикинул, что вражеский отряд насчитывал примерно тысячу клинков, и поблагодарил богов за то, что они спасли кхешийскую армию от разгрома. Он приказал оставить на месте заслон, сотню пехотинцев, остальным идти на помощь Измалу, которого сильно теснили таваронцы, а сам поскакал осматривать поле брани.

Кхешийцы отлично сражались, но неприятель был силен, упорен, хорошо вооружен и прекрасно обучен. Если жрецы не поторопятся, воинам Сатха придется туго. Владыка с надеждой посмотрел на шатер: над ним начал подниматься черный дым.

К Сенахту подъехал запыхавшийся гонец:

— Мой господин, наемники отступают.

— Как отступают? Куда смотрит Ча?

— Он убит в поединке.

— Поехали скорее.

Сенахт помчался на правый фланг. Это сообщение застало его врасплох: только что казалось, все идет хорошо, и на тебе, наемники побежали. А если ударят еще и камелийцы, тогда все, конец. В распоряжении владыки остался только двухтысячный отряд гвардейцев. Они, конечно, смогут остановить наемников, а вот камелийцев...

Чернокожие воины полностью открыли фланг фаланги, по которому тут же ударили воины Тезиария. Еще немного — и большинство кхешийцев отправятся в царство мертвых.

И вдруг валузийцы остановились, как по команде, повернувшись в одну сторону.

Сенахт посмотрел туда же: над шатром жрецов поднялся черный змей, в глазах которого горело

пламя, и каждый, кто заглянул в них, не мог сопротивляться.

Лошадь владыки встала на дыбы, чуть не сбросив седока, и ему стоило немалых трудов удержаться в седле. Успокоив животное, Сенахт снова посмотрел на змея, и ему показалось, что тот обвел притихших воинов взглядом, сея в их душах страх.

Этим немедленно воспользовались кхешийцы, которые бросились на противника, сминая первые ряды. Но валузийцы не были бы лучшими в мире воинами, если бы позволили перебить себя, как младенцев. Они начали защищаться.

Маги Черного Логова не учли, что валузийцы мало верили в Сатха. Там, где кхешиец упал бы замертво под взглядом Великого Змея, противник лишь потерял желание атаковать. Те, кто всю жизнь воспитывался в поклонении Сатху, видели в столбе дыма Великого Змея, а валузийцы — только нечто напоминавшее растревоженную кобру. Но маги, безусловно, добились того, что неприятель понемногу терял силы и волю к сопротивлению.

Кхешийцы ринулись в бой. Чернокожие наемники перестали пятиться и бросились вперед, быстро оттеснив воинов Тезиария на исходные позиции.

Войско короля Валузии начало отступать.

* * *

Кулл вскочил в седло и посмотрел на поле битвы: над рядами наступавших кхешийцев нависала черная кобра с багровыми глазами.

За долгую жизнь, полную приключений и опасности, Кулл научился безошибочно определять колдовство, поэтому он сразу увидел Сатха и тут же перевел взгляд на отступающую армию.

“Черное Логово обмануло меня. Жрецы украли мою победу,— подумал Кулл.— Ну ничего, еще не все потеряно. Надо выиграть время, чтобы Рамдан успел вызвать Валку.”

— За мной! — крикнул король телохранителям и прищпорил лошадь.

За Куллом помчался отряд Алых Стражей.

Вскоре Куллу встретились первые дезертиры, которые бежали в Туит, под прикрытие стен.

— Назад! С вами король!

Многие, узнав Кулла, повернули назад.

Подъехав к сражающимся, Кулл увидел воина, несущего на себе товарища.

— Мой король, Келкор ранен,— сказал он.

Кулл взглянул на раненого и не узнал его. Келкор с головы до ног покрывала кровь, доспехи прорублены во многих местах, в боку зияла страшная рана.

— Кто ты и как это произошло?

— Я Харам, мой король. А Келкора достал секирой один кхешиец. Ну и здоров рубиться! Он перед нами четверых положил. Мы вдвоем попытались оттеснить его, но не тут-то было. Этот гад, демон забери его потроха, разбил мой щит, а Келкор прорубил бок.

— Где он?

— Не знаю, мой король, был там,— махнул рукой воин.

Кулл, выхватив топор, направил коня в гущу боя. С боков его прикрывали телохранители.

Каждый удар атланта достигал цели. Он разрубал доспехи, крушил щиты и шлемы, и кхешийцы в ужасе попятились.

Валузийцы, видя, как отчаянно сражается их король, тоже вступали в бой.

Кулл резко рванул вперед, и кхешийцам удалось оттеснить от него телохранителей. И в тот же миг лошадь под атлантом дико заржала и повалилась на бок. Едва Кулл поднялся, как его окружили враги. Первым же ударом он рассек одному из воинов Сатха ключицу, вторым перерубил чей-то щит, а вот третий нанести не успел. Что-то тяжелое с глухим стуком опустилось ему на голову, и мир утонул в непроглядной тьме.

Его привел в чувство телохранитель.

— Мой король, ты жив?

Кулл кивнул. Голова нестерпимо болела, а в глазах все двоилось.

— Что это было?

— Когда под тобой пала лошадь, мы бросились к тебе на помощь, но кхешийцы нас оттеснили. Ты положил двоих, но со спины к тебе зашли двое. Один с секирой. Это он тебя ударил. Мы думали, ты погиб.

— У меня отличный шлем,— морщась, сказал Кулл.

— Этот?

Кулл с удивлением посмотрел на то, что осталось от шлема. Значит, прав Рамдан: боги и впрямь любят его.

— Да. Дальше что?

— Мы все же смогли к тебе пробиться. Второго сразу прирезали: он хотел воткнуть тебе в спину меч. А этот, с секирой, отбил мой удар. И чуть меня самого не кончил. Здоров драться!

— Что со змеем?

— С каким?

— С черным, который висел над кхешийцами.

— Ты говоришь о черном дыме, похожем на кобру? Наверное, без колдовства здесь не обошлось.

— Похоже.

— И я заметил: когда смотришь на него, глаз не отвести и воевать не хочется.

— Что дальше?

— Мы отступили, но, когда над шатром Рамдана взвился белый дым, остановились. Всем как будто теплее стало. Воины воспряли духом. Наверное, наваждение, насланное жрецами Сатха, кончилось. Брул возглавил армию и ударил снова. Ух, и задали мы кхешийцам!

— А что с черным дымом?

— Он переплелся с нашим, белым. Да посмотри сам. Правда, наш дым похож на воина?

Кулл с трудом повернул голову: над сражающимися армиями зависли две фигуры — черная кобра и белый воин с секирой в руках.

Змей обвил тело воина и пытался плюнуть ему в глаза. Вся одежда и доспехи Валки были прожжены ядом, левая рука бездействовала. Но и Сатху сильно досталось. Его тело покрывали глубокие раны, один глаз вытек, секира оставила глубокий след на голове.

— Помоги мне подняться, — попросил Кулл воина.

Он посмотрел по сторонам. В сорока локтях от него шла битва. Кхешийцы отступали.

К королю приближались всадники — Алые Стражи. Первым подъехал Брул:

— Ты жив! Какая радость для старика!

— Как видишь. Мне тут рассказали о твоих подвигах. Молодец.

— Рад служить королю Куллу.

— Помоги мне сесть в седло.

Кулла посадили на лошадь. Перед тем как тронуться, он снова посмотрел на небо.

Валка нанес Сатху мощный удар, вогнав секиру глубоко в голову. Змей зашипел и начал распускать кольца, тяжелое тело стало оседать на землю. Бог Огненной Жизни выдернул секиру из раны и снова замахнулся. Оружие, рассекая воздух, вот-вот должно было отсечь голову змея, но совершенно неожиданно рядом с Сатхом возникла серая фигура со щитом и прикрыла поверженного бога.

Щит разлетелся на множество осколков, и секира разрубила серое облако надвое. Но Великий Змей успел отползти, и Валка не мог достать его.

Кулл потом готов был поклясться чем угодно, что видел удивление в глазах Валки, когда он склонился над тем, кто закрыл собой Сатха.

Король Валузии тоже присмотрелся к смельчаку и мгновенно узнал его. Это был Тха-Таураг.

Черная и белая фигуры прямо на глазах превратились в клубы дыма, ветер с реки разметал их, а затем унес куда-то.

Когда пришел Великий Змей, Халег сражался в первых рядах и несказанно удивился тому, что валузийцы остановились, разинув рты. Тулиец бросился в атаку.

— Сатх! Сатх! — кричал он.

Кхешийцы подхватили клич и ринулись на врага, сминая первые ряды. Все мгновенно изменилось, теперь наступали воины Сатха, а валузийцы отходили назад.

Халег ударил с размаху, и верная секира легко разрубила подставленный щит. Тулиец тут же отпрыгнул в сторону, уклоняясь от меча, оказался лицом к лицу со вторым воином, отбил его клинок и, когда рука противника ушла в сторону, нанес удар.

Секира взлетела вверх, со свистом опустилась, пробила панцирь и кольчужную рубаху, глубоко войдя в плоть.

Валузийский воин, даже не думая ни нападать, ни защищаться, подхватил раненого и стал быстро отходить за спины товарищей.

Халег не преследовал их, да и не мог: перед ним встал еще один валузец. Тулиец начал теснить нового противника. Воин ловко закрывался щитом и наносил ответные удары, которые Халег с трудом парировал.

И тут среди кхешийцев произошло какое-то замешательство. Справа Халег заметил конных валузийцев, среди которых особенно выделялся один, высокий и крепко сложенный. Его топор разил без промаха.

По богатым доспехам тулиец догадался: это военачальник, наверняка высокого ранга.

Тулиец сделал обманный выпад, валузец поднял щит, ожидая удара, но Халег толкнул его ногой, и тот упал на спину. Он попытался подняться, но не смог.

В это время рослый всадник в азарте оторвался от своих. Халег бросился к нему. Лошадь под всадником пала, но уже черед пару ударов сердца он был на ногах и опять вел бой. Когда тулиец подбежал, всадник стоял к нему спиной и бился с противником. Халег, не раздумывая, опустил ему на голову секиру.

Шлем треснул, но тулиец почувствовал, как, наткнувшись на деталь орнамента, украшавшего шлем, секира повернулась в руке, и удар пришелся плащом.

— Добей! — крикнул он кхешийцу, стоявшему рядом.

Но тот вдруг рухнул на валузийца, и они вместе упали на землю. Из спины воина торчал дротик. Однако обить оглушенного врага тулиец не удалось: он тут же ввязался в новую драку. А поверженный противник исчез.

Кхешийцы продолжали теснить неприятеля. Армия Кулла отступала. Сатх потихоньку высасывал из людей все силы.

Брул понимал, что скоро войско побежит, и послал гонца к Рамдану, но маг ответил, что нужно ждать.

Брул уже впал в уныние, когда над валузийцами взвился белый дым, мгновенно принявший очертания воина.

Белое облако сразу притянуло к себе черное, и они переплелись.

Валузийцы тут же воспряли духом: исчезли тяжесть и усталость, сражаться стало намного легче.

Брул вскочил в седло и, пустив лошадь в галоп, помчался в гущу битвы. С громким криком он врезался в кхешийские ряды, за ним устремились воины. Противник, растерявшись, сдал позиции.

* * *

Сенахт передал приказ отойти и поскакал к шатру жрецов — узнать, что случилось.

Его встретил Сатхамус.

— Что происходит?

— Случилось непредвиденное. Валузийские маги вызвали своего бога.

— Ты хочешь сказать, этот белый дым и есть бог?

— Да. Это Валка. Он отвлек на себя Сатха.

— Но почему валузийцы атакуют? Они должны были обессилеть.

— Валка вернул им часть сил, отобранных Великим Змеем. Теперь, мой господин, возвращайся к войскам. Там ты нужнее.

— Да пребудет с тобой Великий Змей.

— И с тобой тоже.

Сенахт вышел из шатра, размышляя о том, где набрать воинов, чтобы сдержать новый штурм врага. Последний отряд гвардейцев он послал на

помощь Измалу, который растерял почти половину людей.

Владыка сел в седло, когда к нему подбежал запыхавшийся жрец:

— Мой господин! Мой господин!

— Что тебе?

— Прибыли корабли из Ханнура с двумя тысячами чернокожих наемников. Они ждут приказа начать высадку.

— Что ты сказал? — Сенахт не поверил своим ушам. Боги услышали его молитвы!

— Они ждут приказа начать высадку.

— Это очень хорошо. Вот тебе за добрую весть. — Он отцепил золотой браслет, передал его жрецу и тут же повернулся к своему личному гонцу: — Живо скажи на пристань. Передай командирам отряда приказ: высадку отменяю. Пусть плывут на место, где были сцеплены корабли. Ты покажешь. Там причаливают и сразу вступают в бой. Выполняй. И учти, от них зависит, победим мы или проиграем.

Гонец помчался к берегу Таиса, а владыка направился к Халегу, чтобы сообщить ему радостную весть.

* * *

Вновь прибывшие галеры встали у пристани.

Гонец Сенахта громко осведомился, кто здесь командир. К нему подошел чернокожий воин, лицо которого выражало безграничную печаль:

— Я тысячник Мин.

— Приказ владыка. Высадка отменяется. Приказано грести как можно быстрее до места, кото-

рое я укажу. Там высадиться и вступить в битву. Сенахт сказал: если выполнишь приказ, тебя простят за трехдневное опоздание.

— Вот это дело,— улыбнулся Мин.— Прошу на борт.

— Поднять якорь! Весла в воду! Отчаливай! — разнеслись команды по судам.

Дружно ударили весла. Тысячник сразу задал быстрый темп, и галеры понеслись вперед.

Лёктей через двести прибрежные заросли пореди, сквозь них стали видны сражавшиеся. Наемники восторженно залопотали.

Вскоре суда причалили к берегу. Первым прямо в воду прыгнул Мин и, отдав команду следовать за ним, побежал вдоль берега на звук битвы.

Легконогие воины в набедренных повязках помчались за ним.

Все их вооружение состояло из обтянутого кожей гиппопотама щита и копья с бронзовым наконечником. Гонец Сенахта, пытавшийся догнать их, сильно отстал.

Впереди все отчетливее становился шум битвы. Его уже не заглушали крики перепуганных птиц.

Внезапно перед гонцом выросла спина замершего наемника, и кхешиец с разбегу налетел на нее. Воин повернулся и, приложив палец к губам, на ломаном кхешийском сказал:

— Тихо. Мбова говорит.

Гонец прислушался, сквозь шум к нему долетел голос Мина, который через мгновение заглушили вопли наемников.

Тезиарий, ощутив, что безмерно устал, вышел из боя. Он снял шлем и присел на труп лошади. Перед глазами мелькали клинки и злобные лица врагов, в ушах стоял звон.

“Старею,— подумал он.— И почему эти чернокожие так громко вопят? Вот ублюдки, дети демонов.”

Это была последняя его мысль. К нему сзади подскочил чернокожий наемник и вонзил в спину копье. Перед смертью Тезиарий успел обернуться и ударить врага. Меч вошел глубоко в живот. Оба умерли одновременно.

Вылазка наемников оказалась полной неожиданностью. Валузийцы, среди которых было много новобранцев, растерялись. Среди них не нашлось командира, способного сплотить воинов и дать отпор. Тезиарий погиб, а Кулл только пришел в себя после удара Халега. Растерянность сменилась паникой, многие побежали. За ними с громкими воплями бросились вновь вступившие в бой чернокожие воины.

Вскоре попали под удар и камелийцы, но они быстро организовали круговую оборону. Однако кхешийские гвардейцы и наемники обошли их и ударили в спину валузийцам.

Тальмеш, видя, что его окружили, а валузийцы бегут, отдал приказ отходить. Но камелийцы не сразу послушались приказа: закаленные бойцы не хотели отступить без боя.

Тальмеш, собрав вокруг себя тысячу воинов, прикрывал бегство валузийцев. К нему присоеди-

нялись воины из других отрядов. Он вошел в Туит последним, приведя с собой три тысячи человек.

На левом фланге остался один отряд Затула, который бился со кхешийцами, втрое превосходившими его по численности. К кхешийцам присоединился и Халег. Он не стал преследовать убежавших, оставив это Сенахту. Для него настоящим противником был лишь тот, кто сражается до последнего вздоха.

Вскоре воины Измала полностью окружили таваронцев.

Воины Затула, сдвинув щиты, продолжили бой.

Халег повернулся к Измалу:

— Ну что, тряхнем стариной?

— Давай.

Тулиец шагнул вперед. Его верная секира разбивала щиты, ломала кости, вспарывала плоть. Враги падали один за другим, словно против Халега выходили не воины, а мальчишки, едва вставшие на ноги.

Казалось, ничто и никто не может остановить северянина, пока он лицом к лицу не столкнулся с воином, голова которого была обмотана окровавленной тряпкой. Более искусного фехтовальщика тулийцу давно не приходилось встречать. Схватка затянулась, и неожиданно Халег понял, что, если немедленно не прекратит ее, вряд ли останется в живых.

Он изловчился и прыгнул на противника, навалившись на него всем телом. Оба повалились на землю. Воин вскрикнул от боли и потерял сознание. Халег отбросил с груди таваронца щит и едва

не вскрикнул от изумления: такие раны невозможно получить, прикрываясь щитом, а значит, воин несколько раз менял его.

Халег встал и, отсалютовав мужеству врага, снова бросился в гущу боя.

Когда Халег упал, Измал проткнул своего противника и в образовавшуюся брешь ворвался в круг. За ним пробились гвардейцы.

Для таваронцев все было кончено. Лишь несколько сотен из трех тысяч вышли к Туиту. По дороге они присоединились к отряду Тальмеша.

Халег заметил: таваронцы взяли с собой раненого воина.

Сенахт преследовал валузийцев до самого города, но ворваться в него не смог: ему помешали камелийцы.

Когда городские ворота захлопнулись, Сенахт отдал приказ возвращаться в лагерь.

* * *

Город заполнили усталые воины. Они бездумно слонялись по улицам или сидели, уставившись прямо перед собой. Их лица не выражали ничего, словно боги в один миг лишили все войско рассудка. Пойди сейчас кхешийцы на приступ, Туит пал бы к их ногам.

Кулл метался по дворцу наместника, как загнанный зверь. Как могло такое случиться? Чем он прогневил богов?

Вошел Брул:

— Мой король...

— Что тебе? — грозно нахмурился Кулл.

— Вернулись Кандий, Эрадаи и Энкеши.

— Где эти предатели?

— Ты не прав. Они сделали все для победы. Единственная их ошибка — рано вышли из битвы. Конница наткнулась на кхешийский лагерь. Кандий сказал, что воины взбунтовались и прекратили преследовать противника. Валузийцы кричали, что их обделили в Тшепи и теперь они хотят разграбить лагерь. Их поддержали камелийцы. А потом и зальгарцы.

— Ладно, я понял. Пусть до утра не показываются. Утром решу, что с ними делать. Сколько людей пришло с ними?

— Двадцать тысяч клинков. У нас снова есть конница.

— Что толку? Битва проиграна. Какие потери?

— Мой король...

— Не тяни.

— Огромные. Таваронцы почти полностью уничтожены. Затул тяжело ранен. С ним в Туит пришли не больше трех сотен человек. Келкор едва не погиб. Его валузийцев — четырнадцать тысяч. Те-зиарий убит. От его отряда осталось три тысячи воинов. Тальмешу повезло больше. Он и бегство прикрыл, и привел с собой восемь тысяч. Грондарцев у Манорга — примерно тысяча. Во всей армии около пяти тысяч ранены.

Кулл посчитал и ужаснулся: он потерял половину пехоты.

— Это все?

— Возможно, ночью подойдут еще. Но не больше трехсот — четырехсот человек.

— Да, Брул... Еще такая битва — и мы останемся с тобой одни. Надо уходить из этой страны. Только как? Кхешийцы так просто не отпустят.

— Мой король, не забудь, что они понесли ощутимые потери. Вряд ли они сейчас рвутся в бой.

— Что ты советуешь?

— Предложить им мир.

— Нет. Я один буду драться, раз другие устали. А что? Может, решить дело поединком? Если я выиграю — они дадут нам уйти. С добычей.

— А если... Мне не хочется думать об этом, но... А если ты проиграешь?

— Тогда придется отдать добычу. И мою жизнь тоже. Зови Рамдана.

* * *

Халег поднялся на рассвете и первым делом направился в обход лагеря.

Висел густой туман, было зябко. Стены Туита, Таис — все исчезло. Осталось лишь вязкое белесое ничто. Ни о какой осаде города не могло быть и речи.

— Сейчас Кулл может подойти к самому шатру Сенахта, а мы не заметим, — сказал Халег.

— Удвоить охрану? — спросил Измал.

Тулиец кивнул, поежился и плотнее завернулся в плащ...

Поднявшееся солнце слегка рассеяло туман, но так и не разогнало его.

На холме, опершись на пики, стояли пять кхешийских пехотинцев. С их поста, самого близкого к Туиту, городских стен все еще было не видно.

— Знаешь, какие у Кулла колдуны! — говорил один пехотинец другому.

— Какие?

— Такие... Ты же из провинции в нашу часть попал, вот и не знаешь ничего.

— Про что это я не знаю?

— Кулл уже шесть лет как мертв!

— Ты тронулся. — Второй покачал головой.

— Великий Змей свидетель! — поклялся первый. — Кулла отравили в его же дворце. А потом явились демоны и забрали его с собой. И тогда колдуны, которые прежде служили ему, спустились за королем под землю и с этими демонами сторговались. За души, значит... С тех пор каждый год в день своей смерти король должен платить откуп. А для этого много людей погубить нужно. Вот Кулл и пришел сюда... — Кхешиец замолчал и стал таращиться в туман. — Я, братцы, вот о чем думаю. Если колдуны его из царства мертвых вытащили, то и сейчас помогут.

— Как? — спросил другой пехотинец — худой, точно палка.

— А я почему знаю?

Воины замолчали. Каждый смотрел в туман и думал об валузийских колдунах.

— Вот почему городской стены не видно? — снова заговорил первый.

— Так туман же.

— Может, конечно, и туман. А может, там и города уже никакого нету.

— Куда же он делся? — с недоверчивой улыбкой спросил тощий.

— Знаешь, братец, для валузийских колдунов перенести по воздуху город — плевое дело. Мы сейчас здесь стоим...

— А ну пасть закрой! — оборвал его десятник.

Наступила тишина, которую разорвал звук рога.

— Беги в лагерь, — приказал десятник. — Скажи, что к нам идут гости.

— Понял, — кивнул тощий.

— Приготовить луки! — крикнул десятник.

Воины подняли луки.

— Не видно же ничего...

— Туда смотри, выродок.

Кхешиец прищурился.

— Что это?

— Не стрелять пока.

Из тумана вынырнули два всадника. Один, тот что ниже ростом, затрубил в рог.

Когда звуки смолкли, десятник крикнул:

— Чего надо?

— Я хочу говорить с владыкой.

— Подстрелить его? — спросил первый.

Десятник покачал головой и снова крикнул по-валузийски:

— А кто ты такой, чтобы говорить с Сенахтом?

— Мое имя — Брул.

— Мой король предлагает разрешить все просто и благородно, — говорил Брул. — Поединок.

— Что? — удивился Халег.

Они сидели в просторном шатре. Сенахт — в кресле с высокой спинкой, Сатхамус и Халег — на

резных скамьях по обе стороны от кресла, Брул — на скамье напротив них.

У самого входа в шатер, за спиной посланца Кулла, неподвижно, как каменные изваяния, застыли рослые телохранители правителя Кхешии.

Лицо Сатхамуса оставалось бесстрастным, а вот у Халега и Сенахта загорелись глаза. Брул не сомневался: им это понравилось, они оба хотели бы скрестить с атлантом мечи.

— Поединок, — медленно повторил он. — Кулл, король Валузии, сам выйдет на поле против бойца, которого вы назовете. На мечях. Посреди поля за городом, на виду у обеих армий. Никакой магии.

В шатре снова повисла тишина.

— Достаточно уже пролито крови, — негромко заговорил Сатхамус. — Поединок поможет сохранить жизни тысячам людей. Это мудрое решение. Но скажи, что мы должны сделать, если боги даруют победу варвару?

— Вы отпустите пленных и просто дадите нам уйти, — пояснил Брул. — Кулл покинет Кхешию, но вся добыча останется за ним.

— А если варвар будет повержен, надо полагать, вы вернете добычу и уйдете без нее? — спросил Сатхамус.

— Верно, — кивнул посланник.

— Выходит, Кхешия получит лишь то, что Кулл украл у нее, — нахмурился жрец. — Если я ошибаюсь, поправь меня.

— Война нанесла моей стране серьезный ущерб, — продолжил Сатхамус. — А моему народу причинила много горя.

— Я понимаю. Но не забывай, что на другой чаше весов — жизнь Кулла. Кстати, самого опасного врага Черного Логова... Если он погибнет, боевой дух армии будет сломлен, ценности вернуться в сокровищницы, и, главное, валузийская империя не будет более угрожать Кхешии...

— Мы все обсудим, — сказал Сенахт, — и сообщим о своем решении.

Брул встал, поклонился и вышел...

Довольно скоро Сенахт дал ответ. Кхешийская сторона приняла вызов. Драться будет Халег.

* * *

— Ты веришь, что женщины обладают особым внутренним голосом, более чутким, чем мужчины? — спросила Иссария.

Кулл улыбнулся, но не ответил.

— Ты думаешь, это все глупости, — продолжала она. — Но женщина чувствует, когда случится беда.

Затянув ремешки на поножах, Кулл присел, чтобы размять ноги, потом сделал знак оруженосцу, и юноша подал ему кирасу.

— Ты думаешь, Халег убьет меня?

— Не знаю... — ответила Иссария. — Я чувствую только, что мы вот-вот расстанемся.

— Вот это верно. Я ухожу на поединок, — кивнул атлант.

— Ты ничего не понял.

Король улыбнулся и, нагнувшись, поцеловал Иссарию в лоб.

— А я верю в женское чутье, — задумчиво проговорил Рамдан. — И все же поединок будет чест-

ным. Только Халег и Кулл. Воины обеих армий останутся на расстоянии двух полетов стрелы. А кхешийские маги не посмеют вмешаться. Конечно, Халег может оказаться опасным противником...

— Тут не о чем говорить,— оборвал мага Кулл.— По сравнению со мной он еще сосунок.

— Когда ты ушел по подземному ходу в Тшепи, когда переправился с горсткой воинов через Таис, мне было страшно,— снова заговорила о своем Иссария.— Я боялась, тебя убьют. Но то, что я чувствую сейчас, совсем другое.

— Ты хочешь, чтобы я отказался от поединка? — с трудом скрывая раздражение, спросил Кулл.— Тогда все эти люди погибнут. Все. Понимаешь? У меня нет выбора. Чтобы уйти из Кхешии, я должен убить Халега.

— Прости,— вздохнула Иссария.— Я знаю, ты все правильно решил, но ничего не могу с собой поделаться. Обещай мне хотя бы одно: будь осторожен.

Женщина быстро вышла из зала. В глазах ее стояли слезы.

— Проклятье! — пробормотал Кулл и прошелся по залу, проверяя, хорошо ли сидят доспехи.— Шлем! — приказал он оруженосцу.

И ему тотчас подали шлем, золоченый с белым плюмажем из страусовых перьев.

Глава двадцать первая

Наступил полдень. Халег в сопровождении наблюдателей доехал до места поединка, спешился, бросил оруженосцу поводья и зашагал по полю. Все почтительно расступались перед ним. Маги давали бойцу последние наставления... хотя тот, судя по его воинственному виду, не слишком-то в них нуждался.

— От нас помощи не жди,— напомнил Сатхамус.— Если я наложу на тебя или на твой меч заклятие, Рамдан сразу почувствует.

— Не беспокойся за меня. Кулл уже немолод,— бросил Халег.— Он быстро выдохнется.

Измал согласно кивнул.

— Не слишком ли ты самоуверен? — нахмурился Сатхамус.

Халег остановился и, зло ухмыльнувшись, пристально взглянул на верховного жреца:

— Я вырежу из его груди сердце и съем. И тогда, клянусь Великим Змеем, разобью его империю и создам свою.

Он резко повернулся и зашагал к назначенному месту поединка.

— Хотел бы я знать, почему он так уверен в победе... — пробормотал Сатхамус.

— На поясе у Халега кошель из черной кожи, — пояснил Измал. — В нем соль и молотый перец.

— Ну и что? — удивился Сатхамус.

— Если Халег поймет, что Кулл сильнее, он ослепит варвара и зарежет, как скотину, — объяснил тысячник. — Он уже проделывал это не раз.

Сатхамус кивнул и поинтересовался:

— И никто этого не замечал?

— Нет.

Солнце застыло высоко в небе. Вытоптанная трава пожелтела. Отряды валузийских и кхешийских воинов замерли, не сводя глаз с Халега и Кулла.

Они шли к месту поединка не спеша. Под отвесными полуденными лучами доспехи атланта горели, точно жидкое золото, а кольчуга и шлем тулийца сверкали холодной сталью. Оба несли мечи на плече.

За десять шагов друг от друга они оба остановились.

Халег как-то по-птичьи наклонил голову, разглядывая валузийского короля.

— Чего палишься? — спросил Кулл.

— Никогда еще не дрался со стариком... — насмешливо ответил Халег, хотя атлант был не так уж намного старше его. Он сделал два шага к противнику, а затем спросил: — Ты зачем пришел в Кхешию? Окошел бы спокойно в своем дворце. А теперь умрешь, как собака, в чужой земле.

Он засмеялся, взглянул Кулла в глаза и тут же понял, что как бы ни старался, не сможет разозлить короля. Холодные серые глаза недруга смотрели на него спокойно и немного насмешливо.

Халег опустил забрало.

— Знаешь, во сне я много раз убивал тебя, — сказал он. — Теперь я сделаю это наяву.

Он резко оглянулся, чтобы отвлечь противника, и мгновением позже полоснул воздух клинком. Валузийский король выставил оружие перед собой. Мечи скрестились, выбив сноп ярких искр. Неприятели осыпали друг друга ударами, но оба были опытными бойцами, ни один не получил ни царапины, пока вдруг валузиец не оказался совсем близко от тулийца. Так близко, что Халег понял: он не успеет отразить удар.

На конце рукоятки двуручного меча атланта был стальной шип, и Кулл ткнул им противника. Острие разорвало стальную кольчугу, а Халег едва устоял на ногах. Он услышал хруст и сообразил: клинок врага сломал ему ребро.

Резкая боль на пару ударов сердца ослепила его, но тулиец все же смог отпрыгнуть назад.

Кулл приготовился к нападению.

— Старая облезлая обезьяна! — крикнул Халег.

Он сходил с ума от обиды и ярости, но понимал, что погибнет, если не успокоится, и заставил себя не думать о боли.

Меч Кулла со свистом рассек воздух и ударил по выставленному клинку Халега. Атлант вложил в удар всю силу, и тулиец не смог удержать оружие, однако успел увернуться, и лезвие прошло в

пальце от него. В следующее мгновение Халег ударил Кулла в бок, но тот, отразив выпад, сумел защититься.

Противники разошлись всего на один миг и сразу же одновременно бросились вперед.

Они сходились и расходились, мечи описывали сверкающие дуги, пыль, смешанная с потом, ела глаза и оседала на доспехах толстым слоем.

Скоро обоим стало ясно, что они владеют оружием на равных. Правда, Халег был моложе, но валузийский король, казалось, вовсе не чувствовал усталости.

— «Я начинаю бояться его», — признался себе тулиец.

Он участвовал в поединках сотни раз. Его противниками были люди всех оттенков кожи, всех возрастов и разных уровней мастерства, встречались даже женщины-воительницы. И все же никогда прежде ни в чьих глазах Халег не видел свою смерть. Теперь взгляд Кулла говорил ему: «Ты умрешь», и в этом не было ни злости, ни хвастовства. Это как бы само собой разумелось.

Они снова сошлись.

«Ждать больше нельзя», — сказал себе Халег, отступил на пару шагов, сунул руку в кожаный кошель и резко выдернул ее.

Жгучая пыль хлестнула Кулла по лицу...

* * *

— Моя госпожа, тебе дурно?

— Что? — переспросила Иссария.

Во взгляде Брула ясно читалась тревога.

— Ты очень бледна.

— В самом деле? — Она думала о другом. — Нет, паланкина не надо, — сказала Иссария, видя, как Копьебой отдает приказ Алым Стражам, потрепала свою пегую кобылу по шее и ловко соскочила на землю.

Между тем два человека на пустоши скрестили мечи. Горячий ветер донес до ее слуха звон стали...

Прищурившись и задумчиво теребя бороду, Рамдан наблюдал за поединком. Заметив краем глаза Иссарию, маг повернулся к ней:

— Жрецы Черного Логова держат слово, моя госпожа. Все пока честно.

Иссария кивнула. Предчувствие близкой беды не покидало ее, и женщине казалось, что она немедленно должна что-то сделать.

«Человека, которого ты любишь, сейчас убьют», — шепнул ей внутренний голос, и Иссария вздрогнула, словно пробудившись от кошмара.

— Манорг, — позвала она.

Белокурый слуга не слышал ее: поединок завладел его вниманием.

— Манорг!

Юноша оглянулся, спрыгнул с лошади и подошел, виновато опустив глаза.

— Да, моя госпожа...

— Принеси арбалет.

Вернувшись через несколько ударов сердца, Манорг опустился на одно колено и открыл футляр.

Иссария схватила арбалет, уперла ложе в землю и, нажав на ворот, натянула тетиву.

— Болт!

Манорг подал стрелу.

Женщина вставила в желоб красную стрелу и прижала ложе к плечу. Рубины, украшавшие арбалет, играли на солнце. Никто из стоявших впереди даже не повернул головы — все были увлечены поединком.

Иссария перестала противиться Силе, которая направляла ее. То, что она стоит сейчас на краю пустыни, и то, что в ее руках заряженный арбалет — предопределено. Это судьба.

Женщина прижалась щекой к прикладу. Она видела тулийца на наконечнике стрелы. Ветер едва дул. Да, она могла бы убить его сейчас...

И вдруг Иссария поняла, зачем ей арбалет. Она должна убить Халега.

“Еще не время”, — словно шепнул ей кто-то.

Халег отступил на пару шагов и внезапно вскинул левую руку, будто бросал зерна в землю. Сверкнул двуручный меч Кулла...

Иссария не могла понять, что происходит.

Халег, как танцор, ходил вокруг противника. Кулл защищался, но как-то неловко, словно ничего не видел.

Тулиец зашел ему за спину, но атлант даже не обернулся. Он стоял, подавшись немного вперед и выставив перед собой меч.

Халег ударил его с плеча. В последний миг Кулл все же отразил удар, но не устоял на ногах и упал. Халег занес клинок...

И тогда палец Иссарии сам нажал на крючок арбалета. Красный болт чиркнул по желобу...

Халег вдруг зашатался и выронил оружие. Упал. Кулл высоко поднял над головой руки. В одной из них он держал отрубленную голову.

Валузийцы завопили и бросились к своему королю. Никто даже не заметил, как Иссария опустила арбалет. Силы оставили ее.

* * *

Он ударил мечом из всех сил. Наугад. Клинок воткнулся в землю.

Кулл был слеп. Его глаза горели.

“Валка! За два полета стрелы никто не увидит, что сделал Халег.”

Король выдернул из земли меч и замер. Но его дыхание было слишком громким, и он не слышал осторожных шагов тулийца. А может, тот стоял неподвижно прямо перед ним и скалил зубы?

Преодолевая жгучую боль, Кулл с трудом открыл глаза, но увидел только яркий свет и размытые темные пятна.

Нутром почувствовав движение, он резко пригнулся и ударил мечом в пустоту.

Воздух над головой засвистел. Плюмаж из страховых перьев дернулся и упал к его ногам.

“Он хотел отрубить мне голову.”

Король отступил на шаг и снова замер.

— Я съем твоё сердце, — раздался у него за спиной голос врага.

Этот удар он отразил чудом. Принял его мечом плашмя, едва успев обернуться. Это был хороший удар. Клинок атланта сломался, будто деревянный, а Кулл, потеряв равновесие, упал.

Невероятным усилием он снова открыл глаза и увидел перед собой расплывчатый силуэт — Халег занес меч для последнего удара.

“Чтобы убить меня, он обошелся без магии. Подлости оказалось вполне достаточно”, — подумал Кулл и вдруг понял, что не испытывает страха и принимает свою смерть, как прежде принимал победы и любовь женщин.

Халег вскрикнул.

Атлант ткнул противника обломком меча и почувствовал: клинок прорвал кольчугу и вонзился в плоть. Тулиец дернулся и захрипел, потом обмяк и рухнул на Кулла.

Кровь врага залила Куллу лицо, и он толкнул мертвеца в бок, нащупал арбалетный болт, бездумно выдернул его и,ломав, отбросил в сторону.

Все было кончено.

Глава двадцать вторая

Ночь и день миновали, а за ними — еще одна ночь. Впервые с тех пор, как валузийцы ступили на землю Кхешии, солнце скрылось в облаках. Низкие пепельные тучи завесили небосвод, точно покрывало. Ветер стих. Кхешийцы сдержали слово и вернули пленных. Валузийская армия пополнилась двумя тысячами человек.

Два дня и две ночи после поединка кхешийцы и валузийцы команды предавали земле своих мертвецов, а затем и те, и другие справляли тризну по погибшим.

Наконец настало время покидать страну Сатха.

Воины по сходням поднимались на корабли. Не победители, не проигравшие. Это была странная война, и такое утро как нельзя лучше подходило для первого мирного дня.

Было около полудня когда последний валузийский воин ступил на корабль. Кулл с кормы “Великого Хотата” следил за пристанью. Его корабль уходил последним.

Глаза, промытые и смазанные лечебной мазью, не болели и видели все очень четко. Рамдан пообещал королю, что к утру зрение полностью восстановится, и не обманул.

Кулл посмотрел на реку: в паре сотен локтей вверх по течению застыли на якоре черные кхешийские корабли. Они будут сопровождать валузийцев до Тшепи.

Это был странный поход, он непросто затевался и так же непросто закончился. Хотя сердцем Кулл чувствовал, что еще придет в эти края. Он дал себе обещание.

Сзади послышались легкие шаги: Иссария. Она подошла, встала рядом с атлантом. Он приобнял ее за плечи.

— Ты знаешь,— произнес он неуверенно, еще сам не зная толком, о чем хочет поговорить,— Так многое произошло за эти дни. Многое запуталось, усложнилось. Но одно мне стало ясно, и об этом я решил сказать тебе.— Он повернулся так, чтобы смотреть прямо в сапфировые глаза Иссарии. Она напряженно взидала на атланта, с трепетом ловя каждое его слово.— В тот день, полтора года назад, Брул с Ка-Ну поймали тебя в сокровищнице. Ты ничего не успела унести оттуда. Но ты должна знать, что украла тогда нечто иное...

— Что же?

— Мое сердце,— ответил Кулл просто. И видя, как задрожали алые губы Иссарии и опустились ее веки, чтобы скрыть слезы, добавил едва слышно,— Я люблю тебя, моя дорогая. согласишься ли ты остаться со мной навсегда? Стать моей супру-

гой перед богами и людьми, и матерью будущих наследников?

— О...— только и могла выдохнуть Иссария. Сердце ее колотилось, как безумное. С каким нетерпением она ждала этого мига! И как боялась, что он никогда не наступит!

— Да! Тысячу раз — да! — воскликнула она, плача и смеясь одновременно.

Чтобы успокоиться немного, она перевела взгляд в сторону. И вдруг удивленно тронула Кулла за руку.

— Посмотри! Там всадник.

Атлант нахмурился:

— Где?

Женщина показала рукой на пристань. Воины тоже заметили чужака и подняли луки.

На корму поднялся сотник:

— Флот готов к отплытию.

— Пусть отчаливают,— распорядился Кулл.— «Хотат» уйдет последним.

Между тем всадник (теперь Кулл разглядел, что он черен, как ночь) подъехал к причалам. С «Великого Хотата» спустились двое приближенных короля, подошли к нему, а вскоре вместе с гонцом вернулись.

— Что происходит? Что-то неладно? — беспокоилась Иссария.

Кулл пожал плечами.

Вот первый корабль вышел на середину реки и медленно скользнул по ее серым водам. Эрадаи отсалютовал королю поднятым над головой клинком...

— Мой король!
Кулл оглянулся:
— Что еще?

— Сам не пойму,— ответил Брул.— Но, похоже, это для тебя.

Он кивнул, и тотчас двое воинов подвели к королю чернокожего посланца. Увидев атланта, он погрозил ему кулаком и начал трясти головой с такой силой, что, казалось, она вот-вот отвалится.

— Кулл! Кулл! Кулл! — повторял гонец.

Голос у него был хриплый, а изо рта капала слюна. Присмотревшись, король увидел, что глаза гонца совершенно пусты, без тени мысли.

— Он сумашедший, мой король,— сказал Брул удивленно.

— Я понял,— ответил Кулл и спросил: — Что в ларце? Ты смотрел?

— Смотрел. Там только арбалетный болт и какой-то пергамент.

— А ну дай сюда.

Брул передал шкатулку.

— А что с этим делать? — поинтересовался он, указывая на безумца.

Король не ответил.

— Они знают,— прошептала Иссария, заглянув в ларец.

Кулл кивнул...

Он закрыл глаза и снова почувствовал, как падает на него мертвый Халег, как обломок меча рвет его кольчугу и входит в грудь...

— Я сломал болт и выбросил его.

— Это он,— сказала Иссария.

Кулл взял красную стрелу в руки: та была искусно склеена.

— А пергамент? — спросила женщина.

— Это что-то вроде стихов... Прочти лучше ты.

*Бессмертные сойдутся в схватке смертоносной,
Когда взойдет на небе полная Луна.
И два меча скрестятся, и один падет
На землю, политую кровью.*

*Но не поглотит тьма того, кто был на грани
Бессмертья вечного и вечного забвенья.
Его спасет осы безжалостное жало.
И все опять вернется к той черте,
С которой новый бой начнется...*

— Это все?

Иссария протянула ему свиток.

— Проклятье... — пробормотал Кулл.— Что за бред? Похоже на какое-то предсказание. А ты что думаешь?

— Я оса, а вот это — жало.— Иссария показала рукой на арбалетный болт.— Они заранее знали о том, что должно случиться. Может быть, только не знали, как правильно истолковать слова пророчества. Но так часто бывает: истина открывается людям, лишь когда все свершится. Словно сами боги так играют со смертными.

— Ты права, моя госпожа,— заметил подошедший Рамдан.— Мы — лишь фигурки на игральной доске небожителей, они двигают нами по своему желанию...

— Но иные,— Иссария с любовью взглянула на короля,— имеют силы противостоять воле Небес!

Рамдан кивнул задумчиво.

Атлант не прислушивался к их разговору, занятый собственными мыслями.

Нахмурившись, король Валузии еще некоторое время молча смотрел на красную стрелу, потом хмыкнул, захлопнул крышку ларца и, размахнувшись, внезапно бросил его в реку.

— Я ненавижу эту страну и этих жрецов. Ненавижу их солнце, их хитрости и всю их жизнь! Но я вернусь сюда. Клянусь Валкой!

Эпилог

Наместник Усира на земле, владыка Кхешии, шел темными переходами подземелья, освещая путь факелом. В ложных проходах заманчиво блестело золото, соблазнительные женщины, протягивая к нему руки, заманивали путника в ловушку, но Сенахт не смотрел по сторонам, бездумно отсчитывая нужный поворот.

...Все-таки Усирзес оказался прав, размышлял правитель.

Пророчество не обмануло: пришел варвар с севера, и восстал забытый бог. Только все произошло не так, как думал жрец.

Кхешийцы не помогли захватчику, а Усир не стал богом-предателем. Хвала светлому богу, что помог в трудный час своему сыну сделать правильный выбор!

...Вчера в Туите, — вспоминал владыка, — в честь великой победы открыли первый храм Усира. И я сам положил под алтарь ларец с драгоценной реликвией.

Дальше мы все сделаем сами, для этого нам не нужны чужеземцы!

Теперь, когда цепи заклатья, тяготевшего над Кхшией, сброшены, память о былых временах вернется к людям.

Стоит ли сомневаться, что они предпочтут нести свои дары светлому, доброму богу, а не зловещему Змею?! Пройдет пару десятков лет, и культ Сатха угаснет сам собой, мы с братьями позаботимся об этом.

Конечно, Великий Змей не будет повержен окончательно. Все же здесь, в этих жарких землях, его родина, источник его, подлинной силы.

Верховный жрец Сатхамус говорил, что одна из их прорицательниц сумела проникнуть мысленным взором в далекое будущее.

Так странны были ее слова... Так чуждо звучали из уст жрецов эти странные названия и имена... Стигия. Сет...

И все же они затрагивают в моем сердце какую-то струну. Я не хочу верить жрецу — и все же не могу не верить.

Рано или поздно, — сказал он, — множество поколений спустя, когда наши имена изгладятся из памяти людей, Сатх вернется.

Под иным именем, возможно, в измененном обличье, но Черный Властелин вновь будет править Кхшией.

Таков закон жизни, прав служитель ненавистного Черного Змея. Все меняется.

Человеку не под силу убить бога. Да и повлиять на ход истории он может лишь едва ощутимо.

В конце концов, что такое пред небесами наши жизни, сроки, отпущенные людским деяниям?! Пыль...

Здесь, на жарком юге, родина Сатха. Здесь его сила. Тень — даже такая могущественная как тень Атлантиды, которую несет в сердце своем этот северянин Кулл, которую он передаст по наследству своим потомкам, — тень эта может лишь затмить на время силу наших богов, но окончательно уничтожить не сможет никогда, даже через тысячелетия...

Но я счастлив, что не доживу до этих дней жестоких перемен, зато в дни нынешние своими глазами увижу возрождение благословенного Усира! О, радость!

А сейчас надо выполнить клятву, данную Тха-Таурагу. После битвы чародей едва не погиб и целую луну пробыл в беспамятстве. Он и теперь еще слаб, а магические способности очень медленно возвращаются к нему.

Потом Сатхамус рассказал, что произошло тогда в шатре. Когда Валка поразил Великого Змея и готовился нанести последний удар, Тха-Таураг пробился к сражающимся и прикрыл собой Сатха. Валка разрубил душу мага, и она ушла в Царство Мертвых. Но там ее нашли посланцы Сатха и привели назад. Великий Змей не оставил своего сына. Сатхамус положил чешую в шкатулку и отдал мне. Я должен исполнить клятву...

Сенахт вошел в комнату с двумя колоннами, вынул из-за пазухи ларец, достал из него чешую, осторожно положил ее на алтарь и, бросив на ве-

ликий талисман последний взгляд, вышел из тайного хранилища.

Торопливо покинув подземелье, правитель поднялся на террасу, с наслаждением глядя вокруг. Заря нового дня занималась над Кхешией. Ласковое солнце Усира согревало ее своим теплом.

Стоит ли тревожиться о дне завтрашнем? Возможно, он никогда не наступит...

СОДЕРЖАНИЕ

Гарри Сейрос
ТЕНИ АТЛАНТИДЫ

Пролог	7
Глава первая	19
Глава вторая	41
Глава третья	55
Глава четвертая	65
Глава пятая	79
Глава шестая	99
Глава седьмая	117
Глава восьмая	133
Глава девятая	151
Глава десятая	165
Глава одиннадцатая	177
Глава двенадцатая	187
Глава тринадцатая	205
Глава четырнадцатая	227
Глава пятнадцатая	245
Глава шестнадцатая	269
Глава семнадцатая	293
Глава восемнадцатая	321
Глава девятнадцатая	343
Глава двадцатая	365
Глава двадцать первая	387
Глава двадцать вторая	395
Эпилог	401

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И ТЕНИ АТЛАНТИДЫ

Руководитель проекта: Дмитрий
Ивахнов. Составитель: Наталья
Баулина. Художник: Владислав
Асадуллин. Художественный
редактор: Игорь Богданов.
Серийное оформление: Дмит-
рий Вяземский. Верстка: Свет-
лана Уварова. Технический
редактор: Валентин Успенский.
Корректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с готовых
диапозитивов: 17.01.00. Формат
84X108 1/32. Гарнитура «Пала-
тино». Печать офсетная. Бума-
га типографская. Усл. печ. л.
21,84. Тираж 6000 экз. Заказ 924.

Издательство «Северо-Запад
Пресс». Лицензия ИД № 00450
от 15.11.1999. Санкт-Петербург,
ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-
Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в
типографии издательства «Белорусский Дом пе-
чати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

РЫЖАЯ СОНЯ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
**"САГА О РЫЖЕЙ
СОНЕ"**

**РЫЖАЯ
СОНЯ
И
МЕЧ
СЕВЕРА**

КОНАН

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"САГА О КОНАНЕ"

**КОНАН
И СКЛЕП
ХАОСА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
... В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

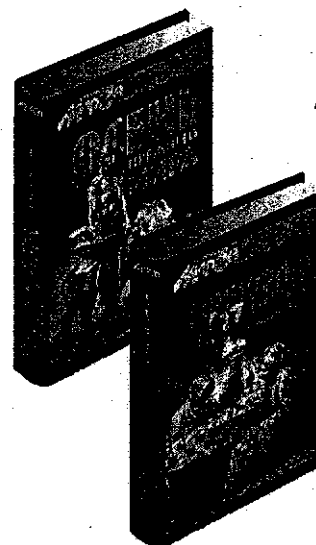
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!
Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"
"Шрам"
"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки лудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время овладеть
новыми!

Роман крылатого автора
Александра Зорича "Последний аватар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

«АСТ»

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КУЛЛЕ

КУЛЛ
И ТРОН
БАЛУЗИИ 1

КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО 2

КУЛЛ
И КЛИНКИ
ЛЕМУРИИ 3

КУЛЛ
И БРАТСТВО
МЕЧА 4

КУЛЛ
И ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ 5

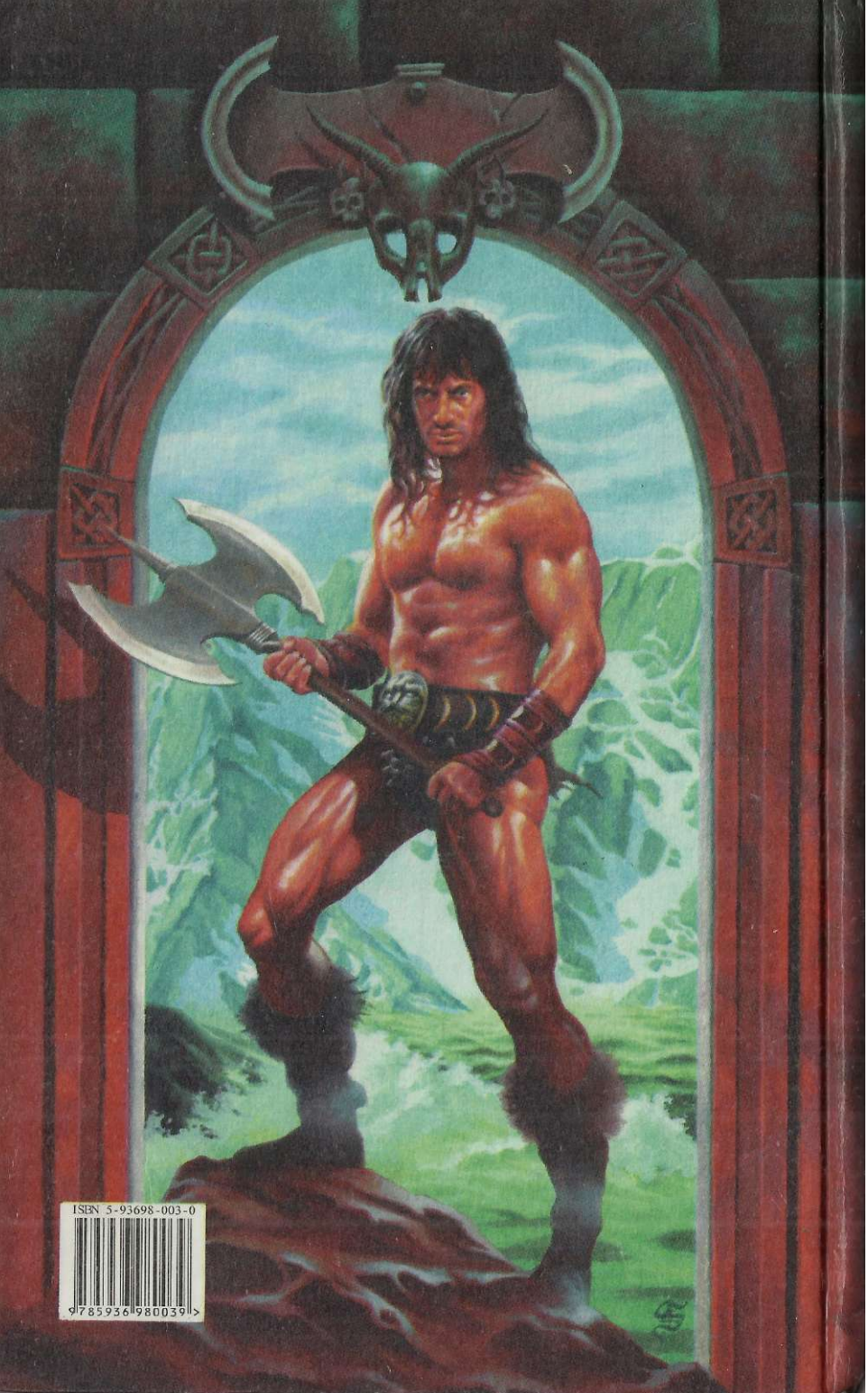
КУЛЛ
И ВОИНЫ
ВЕЧНОСТИ 6

КУЛЛ
И ПУТЬ
МРАКА 7

КУЛЛ
И ТЕНИ
АТЛАНТИДЫ 8

ISEN 5-93698-003-0

9 785936 980039